

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Тонковидова Анна Викторовна

**Соборность как религиозно-светская социальность
в русской религиозной философии первой половины XX века**

5.7.2. История философии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук
доцент М. О. Орлов

Саратов
2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Религиозно-светская социальность в концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности в русской религиозной философии первой половины XX века ...	20
§ 1.1. Этапы развития идеи соборности в русской мысли конца XIX – первой половины XX века.....	20
§ 1.2. Религиозная социальность как опыт достижения соборности в сфере трансцендентного.....	36
§ 1.3. Интерпретация соборности «вне Бога», в имманентном мире: светский тип социальности.....	58
§ 1.4. Единство религиозности и светскости в социальном идеале Богочеловечества: религиозно-светская социальность.....	79
Глава 2. Символы и аскеза концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности в русской религиозной философии первой половины XX века	102
§ 2.1. Символы соборности религиозной социальности в индивидуальной аскезе достижения соборности в трансцендентном	102
§ 2.2. Символы соборности светской социальности в аскетике формирования соборности «вне Бога».....	121
§ 2.3. Символы соборности религиозно-светской социальности в соборной аскетике личности на пути к состоянию Богочеловечества	143
Заключение	165
Список литературы	170

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время, когда традиционные ценности становятся целеполагающим ориентиром развития общества, важно рассмотреть содержательные особенности русской религиозной философии первой половины XX века с позиции раскрытия идеи и символов соборности как высшего идеала, в социальном и личностном измерении. В этом смысле актуальным является поиск ответа на вопрос: представляет ли идея соборности, описанная в работах русских религиозных философов первой половины XX века, социальный идеал, утопию, либо же в ней отражены наличное состояние общественных отношений в определенные этапы исторического развития, в котором реализуется разнообразная деятельность личности в светском и религиозном аспектах? А именно, как соотносится идея соборности, личность и социальность в творчестве русских религиозных философов первой половины XX века?

Исследование идеи и символов соборности в истории русской религиозной философии представляется перспективным как в аспекте расширения непосредственно историко-философского знания, так и в аспекте нахождения и определения содержательного наполнения, историко-философского основания традиционных ценностей, аксиологических доминант российского мировоззрения, рассматриваемых в качестве основополагающих принципов общественного и личного развития¹. В историко-философском дискурсе феномен соборности часто рассматривается в контексте учения отдельного мыслителя, философской школы, в определенные исторические периоды, однако отсутствует системное, научное описание этапов формирования идеи соборности в русской религиозной философии, в которых была бы обозначена характерная для них концептуальная модель соборности.

---

¹ Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин [и др.] // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9-19.

Для понимания феномена соборности в его целостной многомерности следует уточнить этапы становления идеи соборности, для определения результирующего и синтезирующего этапа – представить соборность как концептуальную модель, выделить ее формы, параметры, обладающие целеполагающими характеристиками, соответствие которым свидетельствует о приближении к состоянию соборности. Актуальным является описание деятельности личности, приводящей к соответствию данным параметрам. Это дает возможность рассмотреть соборность как систему, выделить с позиции историко-философского дискурса способы достижения и реализации традиционных ценностей в обществе. При постулировании традиционных ценностей как принципов социальности мы в качестве их содержательного наполнения можем определить именно соборность. Данные принципы русской философии могут быть положены в основание цивилизационной идентичности, социальных норм, этических кодексов, ориентиров для социальных преобразований, будущего становления России как государства-цивилизации². В современном обществе возможен поиск новых форм воплощения феномена соборности с опорой на историко-философскую рефлексию³.

Степень разработанности проблемы. Исходя из обширных исследований феномена соборности в философии, мы выделяем работы, отталкиваясь от которых возможно осуществить изучение социального, онтологического и символически-смыслового аспектов соборности как религиозно-светской социальности в истории русской религиозной философии первой половины XX века.

Будучи важнейшим определением церковности в Символе веры («...в единую святую, соборную и апостольскую Церковь»⁴), понятие соборности оказывает существенное влияние на развитие православной экклезиологии до настоящего времени. В философский дискурс идея соборности вводится А. С. Хомяковым и определяется им в значении «согласно единству всех» как

---

² Даренский В. Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2, № 1. С. 49-67.

³ Рациональность в эпоху цифровой трансформации И. Н. Тяпин, Д. В. Ковалев, Н. В. Дрянных [и др.]. Вологда: Вологодский государственный университет, 2022.

⁴ Деяния Вселенских Соборов: В 7 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 120.

перевод греческого «καθ' ὅλον τῶν πιστεύωντων». В его текстах понятие «соборный» выражает идею собрания, существующего потенциально без внешнего соединения. «Это единство во множестве»⁵.

Базовыми для понимания соборности в русской религиозной философии первой половины XX века выступают тексты XIX века А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого в связи с тем, что в них зародилось исследуемое нами направление понимания соборности как религиозно-светской социальности. В текстах русской религиозной философии первой половины XX века для описания общественного бытия встречаются упоминания понятий социальности и общественности. основополагающее значение для исследования имеет положение о взаимосвязи соборности и социальности (общественности), раскрытое А. Ф. Лосевым. Он приходит к заключению, что соборность есть «социальность как глубочайшее основание всей действительности»⁶, и при этом соборность как социальность присутствует и в светском миропонимании.

Диалектические аспекты русской религиозной философии, в которой прослеживается попытка достижения синтеза светскости и религиозности, вопрос возникновения из глубины христианского мировоззрения светского миропонимания раскрыт в работах К. М. Антонова, А. И. Кырлежева, В. В. Зеньковского, К. Лёвита⁷. Опубликованы работы, связанные с пониманием

---

⁵ Хомяков А. С. Письмо к редактору «Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994. С. 242.

⁶ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 509.

⁷ Антонов К. М., Кырлежев А. И. Новая интерпретация истории русской религиозной мысли: философия религии как значимый аспект религиозной философии. Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 372; Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории (Политическая теология). Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2021; Зеньковский В. В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Эксмо-пресс, 2001. С. 886.

соборности у В. С. Соловьёва⁸, Л. П. Карсавина⁹, Н. А. Бердяева¹⁰, С. Л. Франка¹¹ (особенно в работах А. А. Гапоненкова¹²). Концепту соборности, диалектике в философии С. Н. Булгакова также посвящен ряд работ¹³. Ян Красинский¹⁴ находит

⁸ Диалектические моменты отмечают А. Ф. Лосев, А. В. Кожев, В. Н. Акулинин, Г. Дам. Дж. Клайн указывает на то, что В. Соловьёв расширил сферу гегелевской диалектики на практическую и духовную деятельность, или общественность, в то же время В. В. Сидорин отмечает, что диалектические принципы не относятся В. Соловьёвым по отношению к исторической действительности и социальности, в отличие от сферы познания и онтологии. См.: Лосев А. Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая Гвардия, 2009; Kojeve A. The Religious Metaphysics of Vladimir Solovyov. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 15–49; Акулинин В. Н. Философия всеединства: от В. С. Соловьёва к П. А. Флоренскому. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990; 225. Dahm H. Vladimir Solovyev and Max Scheler: attempt at a comparative interpretation: a contribution to the history of phenomenology. Boston: Reidel, 1975. 324 p.; Kline G.L. Hegel and Solovyov / ed. by O'Malley J.J., Algozin K. W., Weiss F. G. // Hegel and the History of Philosophy. Springer; Dordrecht, 1974. P. 159–170 https://doi.org/10.1007/978-94-010-1657-5_11; Сидорин В. В. В. С. Соловьёв и Г. В. Ф. Гегель: диалектические аспекты «Философских начал цельного знания» // Соловьёвские исследования. 2014. № 2 (42). С. 67–80; Сидорин В. В. Интерпретация диалектики Гегеля в «Оправдании добра» В. С. Соловьёва. // Соловьёвские исследования. 2012. Т. 33. № 1. С. 140–151.

⁹ Савельева М. Ю. Иррационалистическая диалектика Л. П. Карсавина. // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 1 (5) С. 40–52; Безлепкин Н. И. Историческая диалектика Л. П. Карсавина. // Философская мысль. 2019. № 5. С. 15–24.

¹⁰ Ермичев А. А. «Русский ренессанс», «серебряный век»: общее пространство, начала, границы, сближения... // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 2. С. 95–103; Ермичев А. А. О времени начала русского духовного Ренессанса и его социокультурном статусе // Acta Eruditorum. 2014. № 14. С. 17–20; Ермичев А. А. Три свободы Николая Бердяева: Из цикла «Страницы истории отеч. филос. мысли». М.: Знание, 1990; Нижников С. А., Гребешев И. В. Экзистенциальная диалектика личности и свободы в философии Н. Бердяева. // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 146–152; Силантьева М. В. И. Кант и Н. Бердяев: диалектика в трех измерениях // Кант между Западом и Востоком: К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта: Труды международного семинара и международной конференции: В 2 ч. Ч. 1. Калининград: Изд-во ГРУ им. И. Канта, 2005. С. 128–138; Силантьева М. В. Экзистенциальная диалектика Н. А. Бердяева как метод прочтения постмодернистской деконструкции // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия «Гуманитарные науки».) 2005. № 1. С. 204–221; Хондзинский П. В., Кырлежев А. И. Соборность в русской богословской традиции // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 427–440; Ширко К. Н. Исторический процесс в интерпретации Н. А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого. // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 113–120.

¹¹ Ягубова С. Я. Категория «соборность» в философской антропологии С. Л. Франка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 2. № 2. С. 90–98; Масалов А. Г. Концепт соборности С. Л. Франка как основание социальной герменевтики // Научный результат: Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 25–31. Оболевич Т. Семён Франк: Штрихи к портрету философа (Серия «Религиозные мыслители».) М.: Изд-во ББИ, 2017; Кудрявцев В. А., Грудина Т. Н. Религиозные детерминанты общественной жизни: социологическое наследие С. Л. Франка и его применимость к современности // Социология. 2021. № 2. С. 21–29; Астапов С. Н. Отрицательная диалектика в философии религии С. Л. Франка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №. 6. С. 81–84; Мочинская К. А. Антиномия любви и страдания в религиозной философии С. Л. Франка. // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 174–177; Рыбина Л. Б. Диалектика философских воззрений С. Л. Франка // Вестник Костромского государственного университета. 2013. Т. 19 № 2. С. 80–82; Фаритов В. Т. Лики русского гегельянства: С. Л. Франк между Гегелем и Ницше. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. (Серия «Гуманитарные и социальные науки».) 2021. Т. 21. № 2. С. 119–129; Долин В. А. Религиозно-философская концепция С. Л. Франка в контексте западной христианской теологии. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1(17). С. 34–43.

¹² Гапоненков А. А. Эпистолярный диалог С. Л. Франка и Н. А. Бердяева // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 123; Гапоненков А. А. Религиозная философия Вл. С. Соловьёва в рецепции С. Л. Франка // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 108; Гапоненков А. А. «... Нас объединяет то, что мы свободные мыслители...»: фрагмент переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева 1938–1939 годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 295–300

¹³ Сенина О. В. Духовные искания С. Н. Булгакова и их отражение в его философской системе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та. 2011. № 1. С. 40–43.

¹⁴ Krasicki J. «The tragedy» of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others) // Studies in East European Thought. 2010. Vol. 62. No. 1. p. 63–70.

в работах философов диалектику личности, С. Н. Астапов¹⁵ – отрицательную диалектику, В. Ю. Даренский – антиномическую диалектику¹⁶, а В. П. Рожков – «положительную диалектику»¹⁷.

О. А. Жукова отмечает, что взаимообусловленность светского и религиозного в древнерусской культуре транслируется в поле традиции русской религиозной философии¹⁸. Описание различных типов социальной жизни как светской, так и религиозной мы находим у М. О. Орлова, М. А. Богатова, Т. В. Черевичко, О. Ф. Филимоновой, Е. В. Кныша¹⁹.

Диалектику в историософском становлении соборности выделял В. К. Киреев²⁰. Историко-философское раскрытие концепций соборности в русской философской мысли изучали Н. О. Лосский²¹, В. Н. Ильин²², Г. В. Флоровский²³,

¹⁵ Астапов С. Н. Антиномия в отрицательной диалектике П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка. // Научная мысль Кавказа. 2009. №1 (57). С. 54-58.

¹⁶ Даренский В. Ю. Антиномическая диалектика П. А. Флоренского как "логика веры" // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 2. С. 239-250.

¹⁷ Рожков В. П. Методологические основания «нового религиозного сознания» в философии В. С. Соловьёва // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 4. С. 405–409.

¹⁸ Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство Согласие, 2022.

¹⁹ Орлов М. О. Место и роль религии в глобальных процессах современности // Власть. 2008. Т. 4. С. 91–94; Орлов М. О., Гаврилова А. С. Церковь, общество и человек перед вызовами цифровой социализации в современной России // Межрегиональные Пименовские чтения: Сборник статей. 2021. Т. 18. С. 210; Орлов М. О., Черевичко Т. В. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 36–37; Орлов М. О., Сюсюкин В. А. Риски религиозной социализации в цифровом обществе: стратегии исследования и методы профилактики // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 9. С. 1878–1882; Филимонова О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 3. С. 301; Богатов М. А. Мышление после революции: апория оснований // Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 63; Кныш Е. В. Соборность как феномен православной культуры: актуальность, критерии, практики // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2. С. 382–400; Кныш Е. В. Христианские практики в постсекулярную эпоху: новые вызовы // Успехи современной науки. 2016. Т. 9. № 11. С. 150–157.

²⁰ Киреев В. К. Диалектика соборности // Вестник ВГУ. (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация».) 2008. № 3. С. 245–249; Киреев В. К. Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 Н. Новгород, 2009.

²¹ Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991; Сердюкова Е. В. Судьба книги Н. О. Лосского «История русской философии» и полемика вокруг нее в 1950-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. (Серия «Философия».) 2022. Т. 26. № 1. С. 41–60.

²² Ильин В. Н. О Небесной и земной соборности // Путь: Орган русской религиозной мысли: В 12 т. Т.1: (I-VI). М.: Информ-Прогресс, 1992. С. 716–720.

²³ Флоровский Г. В. Sobornost = Соборность: Кафоличность Церкви: The Catholicity of the Church // Архив Г. В. Флоровского. Папка № 2 (№ 37 – № 60) – Папка № 9 (Дубликаты, ксерокопии) / Сост. Э. Блейн. Папка № 3 (№ 61 – № 93а). С. 133–144 (№ 72).

Л. Е. Шапошников, А. Н. Лазарева, В. В. Лазарев²⁴, В. В. Горбунов и Е. С. Троицкий²⁵, Ф. А. Гайда²⁶.

Вопросы соотношения соборности и личности, идею совершенства человека в Боге можно проследить в исследованиях О. А. Жуковой, С. А. Зинковского, Е. А. Зинковского, П. В. Ходзинского, С. Н. Курилова, К. М. Антонова и других отечественных и зарубежных исследователей²⁷.

Изучая символы в аспекте раскрытия соборности в русской религиозной философии первой половины XX века, можно обратиться к текстам А. Ф. Лосева²⁸, в которых героизм и подвижничество представлены как черты русской философии или учение о цели жизни, направленной на достижение будущих благ²⁹. В горизонте символической трактовки языка русской философии находятся работы В. Ф. Асмуса, А. Белого, Л. А. Колобаева, А. А. Петракова, J. West, M. Wachtel³⁰,

²⁴ Лазарев В. В. *Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.)*. Москва: Институт философии РАН, 2012.

²⁵ Горбунов В. В. *Идея соборности в русской религиозной философии*. Москва: Феникс, 1994.; Троицкий Е. С. *Что такое русская соборность?* Москва, 1993.

²⁶ Гайда Ф. А. «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX – I четверти XX вв. // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6. № 1. С. 17.

²⁷ Zhukova O. The Concept of Perfection in Lev Karsavin's Religious Metaphysics // *Russian Studies in Philosophy*. 2022. Vol. 60. No. 6. P. 489–502; Хондзинский П. В. Персоналистическая экклесиология прот. Сергея Булгакова, прот. Георгия Флоровского и В. Н. Лосского // *Христианское чтение*. 2020. № 5. С. 10–22; Курилов С. Н. Проблема личности, общества и государства в социальной философии С. Л. Франка // *Соловьевские исследования*. 2015. № 4(48). С. 117–123; Антонов К. М. Проблема личности в мышлении протоиерея Сергея Булгакова и проблематика богословского персонализма в XX веке // *Христианское чтение*. 2017. № 4. С. 178–206; Зайцева Т. И. Соборность как альтернатива коллективизму. Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 1(31). С. 72–79; Зинковский С. А., Зинковский Е. А. Интуиции богословия личности в мировоззрении прот. Сергея Булгакова // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2021. Т. 22. № 1. С. 189–204; Zwahlen R. M. Different concepts of personality: Nikolaj Berdjajev and Sergej Bulgakov // *Studies in East European Thought*. 2012. 64 (3–4). P. 183–204. Zwahlen R. M. Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjajev und Sergej Bulgakov. Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2) A. Haardt, N. Plotnikov (Hgs.). Munster: LIT, 2011. P. 53–60; Traces of mysticism and philosophical personalism in Vladimir S. Solovyov, Nikolai Lossky and Pavel A. Florensky / N. A. Mashkin, E. G. Panov, A. S. Kislyakov [et al.] // *XLinguae*. – 2022. Vol. 15. No 1. P. 115–124.

²⁸ Лосев А. Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. Москва: Искусство, 1995. 320 с.; Лосев А. Ф. *Символ и художественное творчество* Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 1. М., 1971. С. 3–13.

²⁹ Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. М.: Политиздат, 1991. С. 511.

³⁰ Асмус В. Ф. *Философия и эстетика русского символизма* // *Избранные философские труды*: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1965. С. 187–237; Белый А. *Символизм и философия культуры* // *Символизм как миропонимание*. М.: Республика, 1994. С. 18–325; Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*: В 14 т. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. Т. 13. Кн. 2: *Лекции по эстетике*; Колобаева Л. А. *Русский символизм*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000; Петраков А. А. *Проблема символа в русской философии XX века*: П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков, А. Белый: дис.... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2006; Пономарев Н. В. *Религиозно-философская антропология П. А. Флоренского в контексте мистико-символической православной традиции*: дис.... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2004; West J. *Russian symbolism. A study of Vyacheslav Ivanov and Russian symbolist aesthetic*. London: Methuen, 1970; Wachtel Michael Vladimir Solov'ev on Symbolism and Decadence // *Russian Review*. 2008. 67 (3). – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9434.2008.00490.x>

В. А. Фриауфа³¹. Символический реализм русской религиозно-идеалистической философии отмечает И. Н. Тяпин³².

Положение об опытном достижении факта богопознания через аскезу (неопатристический синтез) важно для данного исследования. Значимое в данном аспекте влияние оказали работы С. С. Хоружего, который отмечает, что православию присуще «расширенное и динамичное видение реальности человека». Для человека и социальности, в которую он погружен, открыта возможность преодоления своего текущего состояния и выход к новому качественному уровню, человек видится в «подвиге, в расширенной онтологической перспективе»³³. В этом случае, по С. С. Хоружему, имеет место быть особый род опыта – мистический опыт. Опыт онтологичен. Аскеза – это опыт бытия или «бытие-действие» человека, понимаемого в перспективе его становления к достижению единства с Богом. С. С. Хоружий пишет, что основы данного дискурса прослеживаются у Максима Исповедника, Григория Паламы³⁴. Автор, в свете раскрытия современного звучания неопатристического синтеза, говорит об опыте постижения божественного и также отмечает метафоричность терминов «героизм» и «подвижничество» в философии Серебряного века и в текстах С. Н. Булгакова³⁵.

Имеется ряд диссертационных исследований, посвященных изучению темы соборности, в которых соборность, как правило, рассматривается как общественный идеал, основание для российской идентичности и фактор культурного единства российского общества, универсальный принцип философской мысли³⁶. Большое значение для данного исследования играет

---

³¹ Фриауф В. А. Православная традиция и русская философия имени. // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1-2. С. 59, 60. Фриауф В. А. О начале языка. // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 3. С. 293, 296.

³² Тяпин И. Н. Теоретическое значение отечественной философии. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. С. 21.

³³ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М. Издательство гуманитарной литературы. 1998. С. 24.

³⁴ Там же. С. 14.

³⁵ Хоружий С. С. Концепция неопатристического синтеза на новом этапе // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 122-135.

³⁶ Анисин А. Л. Основания и пути становления идеи соборности в русской духовной жизни: дис. ... канд. филос. наук: 22.00.06. Тюмень, 1997; Анисин А. Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2011; Алексеева, Е. П. Эволюция этических взглядов С. Н. Булгакова: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. Тула, 2006; Киреев В. К. Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Н. Новгород, 2009; Кузнецов А. Ю. Философия

диссертационная работа П. Е. Бойко, который обозначил соборность как церковно-светскую социальность и основание русской идеи, а также выделил общие принципы структуры понятия соборности и этапы ее развития: интуитивный (славянофильство), рефлексивный (метафизика «Всеединства») и спекулятивный (А. Ф. Лосев)³⁷. Принимая в целом данную периодизацию становления идеи соборности, разработанную П. Е. Бойко, мы определяем, что рефлексивный этап не является цельным, и в его рамках нами выделяется как социально-онтологический этап становления идеи соборности, где выражены ее социальный и онтологический аспекты (у В. С. Соловьева – метафизика «Всеединства» и у С. Н. Трубецкого – «метафизический социализм»), так и символично-социально-онтологический этап развития идеи соборности в русской религиозной философии первой половины XX века (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин) как особый результирующий период ее становления, который актуализируется как в социальном и онтологическом³⁸, так и в символически-

---

соборности как обоснование концепций российской идентичности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 1999; Ковалев В. В. Соборность как фактор культурного единства российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов н/Д, 1999; Засухина В. Н. Соборность как нравственный идеал в русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. СПб., 2000; Харин В. Н. Социально-философский анализ категорий «соборность», «служение» и «должное» (на материале концепции С.Л. Франка): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Пермь, 2004; Поляков Д. Д. Соборность как основа философии образования о. Сергия Булгакова: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Елец, 2006. Евреева О. А. Идея соборности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2006.

³⁷ Бойко П. Е. Идея соборности в русской философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Краснодар, 1999.

³⁸ Tonkovidova A.V., Boyko P.E. S.N. Bulgakov and P. Florensky: Dialectics of Sobornost // Journal for the Study of Religions and Ideologies. 2021. Vol. 20. No 58. P. 112–128; Tonkovidova A.V. Nikolay Berdyaev: the Dialectics of Sobornost // Filozofia. 2022. Vol. 77. No 2; Тонковидова А. В. Концепт соборности в философии С. Н. Булгакова как теоретическое основание религиозной социальности в постсекулярном обществе // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия «Философия».) 2021. № 4(42). С. 87–92; Тонковидова А. В. Н. О. Лосский и В. Н. Лосский: диалектика соборности // Известия Тульского государственного университета: Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 139–147. Тонковидова А. В. С. Л. Франк: диалектика соборности // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 55–58; Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность в философии П. Флоренского и С. Н. Булгакова: диалектический подход. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 2. С. 166–179. Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность в философии С. Н. Булгакова как основание социальной идентификации и идентичности // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1(101). С. 25–31; Тонковидова А. В., Бойко П. Е. С. Н. Булгаков о формировании национальной идентичности в контексте концепции соборности // Вестник Московского городского педагогического университета. (Серия «Философские науки».) 2020. № 4(36). С. 18–26; Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Диалектика соборности и государственности в работах С. Н. Булгакова и Л. П. Карсавина // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия «Философия».) 2020. № 4(38). С. 75–83; Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Диалектика соборности в работах С. Н. Булгакова и В. Н. Лосского // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 3(15). С. 43–51. DOI 10.24833/2541-8831-2020-3-15-43-51; Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4(61). С. 156–161; Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Категория соборности в социальной философии С. Н. Булгакова // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2(424). С. 85–91; Tonkovidova A. V., Boyko P. E. Philosophical Counseling: Contemporary Russian Experience and Tradition of

смысловом аспектах, что позволяет установить его характерные черты и создать концептуальную модель соборности. При всей глубине изученности темы и раскрытии широкого круга вопросов, связанных с темой соборности, отсутствуют работы, в которых представлено исследование развития идеи соборности в первой половине XX века как особого этапа ее становления с соответствующей моделью соборности.

Объект исследования. Идея соборности в русской религиозной философии первой половины XX века.

Предмет исследования. Рефлексия религиозно-светской социальности в идеях и символах соборности русскими религиозными философами первой половины XX века.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в определении характера проявления религиозно-светской социальности в интерпретации идей и символов соборности в истории русской религиозной философии первой половины XX века и выделении данного периода как особого этапа становления идеи соборности с характерной для него концептуальной моделью.

Задачи исследования:

1. Выделить и охарактеризовать в истории русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века этапы становления идеи соборности. Обозначить структуру концептуальных моделей соборности, соответствующих выделенным этапам.

2. Дать авторское обоснование религиозной социальности в концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности в историческом становлении русской религиозно-философской мысли, определить соответствующие параметры как целеполагающие ориентиры для ее достижения.

3. Обозначить смысловое наполнение и параметры достижения соборности в светской социальности как форме концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа первой половины XX века.

4. Выделить параметры оформления идеи соборности как религиозно-светской социальности в концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа первой половины XX века.

5. Аргументировать символическое раскрытие соборности в аскезе, соответствующей религиозной социальности, как виде деятельности, направленном на достижение основополагающих параметров концептуальной модели соборности.

6. Обосновать процесс трансформации символики соборности на уровне аскезы, нацеленной на соответствие параметрам светской социальности как форме концептуальной модели соборности.

7. Охарактеризовать символическое значение соборности на уровне аскезы религиозно-светской социальности как деятельности, включающей действия, позволяющие приблизиться к параметрам соборности в соответствующей форме социальности концептуальной модели соборности.

Положения **научной новизны**:

1. В истории развития русской религиозной философии выделены и охарактеризованы два этапа становления идеи соборности: социально-онтологический (конец XIX века – В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой) и символично-социально-онтологический (первая половина XX века – С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин), каждому из которых соответствует концептуальная модель соборности. Установлены как общие, так и особенные черты данных этапов и соответствующих им моделей соборности.

2. Дано авторское обоснование религиозной социальности как формы концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа, определены соответствующие параметры как целеполагающие ориентиры для ее

достижения в текстах у С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина.

3. Обозначено смысловое наполнение и параметры достижения соборности в светской социальности как форме концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа у С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина.

4. Выделены параметры оформления идеи соборности как религиозно-светской социальности в концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа на основании обращения к работам С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина.

5. Выявлено присутствие символически-смыслового аспекта в обозначенный период становления соборности. Определяется, что первоначально у С. Н. Булгакова возникает символически-смысловая интерпретация соборности в первой половине XX века. В символах странствования у С. Н. Булгакова, подвижничества у П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева, странствия у С. Л. Франка описывается аскеза, интерпретируемая как деятельность, включающая действия, соответствующая религиозной форме социальности концептуальной модели соборности, ведущая к достижению ключевых параметров состояния соборного единства.

6. В русской философии соборность светской социальности транслируется посредством символов героизма и подвижничества. Символ подвижничества определяется в отрицательном значении у П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева. Символ героизма выражает аскезу светской социальности в трудах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка. Символика светской социальности показывает аскезу, понимаемую как вид деятельности, которая в концептуальной модели соборности соответствует светской форме социальности и направлена на достижение параметров светского соборного единства.

7. В текстах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, С. Л. Франка – подвижничество, в текстах Л. П. Карсавина – симфония, в текстах Н. А. Бердяева –

героизм и подвижничество представлены как символы соборности религиозно-светской социальности, которые проявляют свое актуальное содержание в аскезе, целью которой выступает формирование единства религиозного и светского, достижение состояния Богочеловечества как целеполагающего параметра соборности в религиозно-светской социальности концептуальной модели соборности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Исследование вносит вклад в осмысление истории русской религиозной философии первой половины XX века, идеи которой важны для выработки российской цивилизационной идентичности. Полученные в результате анализа и систематизации текстов русских религиозных философов положения могут быть использованы в сфере социально-культурной политики, проводимой на основе ценностей, значимых для российского общества. Результаты исследования могут быть включены в структуру социально-гуманитарных дисциплин и специальных курсов по истории русской философии.

Методология и методы исследования. В качестве метода исследования мы обратились к философскому полилогу – методу, поддержанному рядом исследователей истории русской философии, которые находят его основания в самой же русской философии, включившейся в межкультурный диалог и сохранившей при этом как явление самобытной русской культуры. Философский полилог как метод служит средством переосмысления, реактуализации идей прошлого, предполагает проведение исследования, исходя из особенностей самой русской философии, нахождения ее собственных, аутентичных категорий, символов, метафор, концептов, подходов, методов. Исходным допущением выступает посылка об уникальности русской философской традиции, которая дополняет и обогащает общемировую традицию, а не выступает производной от нее. При проведении исследования использовались методы, обозначающиеся в предметном поле исследования, которые и стали основными. В аспекте полилога нами применялся метод диалектики и метод синтеза на основе принципа дополнительности, феноменологический метод, логико-текстологический анализ,

историко-генетический метод, концептуализация, позволившая выявить основные идеи и их интерпретации, показать внутреннюю логику и систематическую целостность учения о соборности в данный период. При анализе текстов мы обращались к герменевтическому подходу.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие идеи соборности как религиозно-светской социальности конца XIX века в метафизике Всеединства В. С. Соловьева и метафизическом социализме С. Н. Трубецкого представляет собой социально-онтологический этап становления идеи соборности с соответствующей ему одноуровневой моделью соборности, в которой нами определен социально-онтологический уровень, включающий формы соборности, находящиеся в диалектическом единстве: религиозную социальность, светскую социальность и религиозно-светскую социальность и целеполагающие параметры достижения соборности. Дальнейшее формирование идеи соборности как религиозно-светской социальности произошло в рамках результирующего символично-социально-онтологического этапа первой половины XX века в учениях С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, где социальный и онтологический аспекты соборности дополняются вторым – символически-смысловым уровнем, в котором представлены соответствующие виды аскезы (деятельности): религиозный, светский, религиозно-светский, позволяющие достичь целевых параметров состояния соборного единства и описанные посредством символов соборности.

2. В работах русских религиозных философов первой половины XX века происходит развитие и трансформация идеи соборности как религиозно-светской социальности, что демонстрируется социальным и онтологическим аспектом соборности. Религиозная социальность при этом выступает как трансцендентная, внеисторическая форма актуализации соборности. Это первый этап в диалектическом становлении религиозно-светской социальности. В текстах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина выявлены системные параметры соборности религиозной социальности: трансцендентное понимание Бога и возможность достижения соборности,

прожитие соборности в едином непосредственном опыте повседневности, индивидуальное богопознание и индивидуальный критерий истины, трансцендентное основание свободы, эсхатологичность, внеисторическое мироощущение, основанность на апофатическом богословии и платоновской традиции. Постулируется возникновение противоречий между трансцендентным и имманентным, а также противоречий внутри самого христианства.

3. Светская социальность в работах русских религиозных философов первой половины XX века предстает как диалектическая форма соборности, в которой отрицается исключительно трансцендентный характер религиозной социальности и создается светский, имманентный человеку тип религиозности. Трансцендентное в данной форме приобретает статус социально-исторического «будущего». Создание религий светского типа, или атеистических религий, но вместе с тем сохранение религиозности, идея Человекобожия, индивидуализм, раздробленность, или мнимое единство, отказ от трансцендентного, имманентизм, потеря свободы – основополагающие параметры светской социальности как формы концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа ее становления, выявляемые в текстах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина, С. Л. Франка.

4. Соборность религиозно-светской социальности проявляется в значении синтеза трансцендентного и имманентного, в значении Богочеловечества, рассматривается как форма концептуальной модели соборности. Диалектический характер осмысления соборности в русской религиозной философии первой половины XX века демонстрирует односторонность рассматриваемых каждой по отдельности религиозности и светскости, определяя соборность как единство религиозно-светской социальности в становлении. На основании текстов С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина и С. Л. Франка в качестве параметров данного вида соборности определяются: преодоление разделенности трансцендентного и имманентного, устремленность в вечность (сверхвременность) через прохождение истории, преодоление религии в

реальном Царстве Божиим, общественное единство в историческом поле, идея Богочеловечества, соборная истина, достижение свободы.

5. Идея соборности религиозно-светской социальности находит выражение на начальном этапе своего диалектического становления, то есть в религиозной социальности, в символах странствования (С. Н. Булгаков), странствия (С. Л. Франк), подвижничества (П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев). Смыслы символов соборности религиозной социальности проявляются в действительности через аскезу (деятельность), предполагающую индивидуальное проживание состояний соборности в эсхатологической устремленности, избранности, мессианизме и мученичестве личности на всем протяжении ее аскетического пути к Божественному миру.

6. В измерении светской социальности символы религиозной социальности претерпевают трансформацию. Диалектический аспект соборности светской социальности проявляется в символе подвижничества, но уже в отрицательном значении, как «фарисейское подвижничество» (П. А. Флоренский) или светское подвижничество (Н. А. Бердяев), в символе героизма (С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев). Выявленная символика описывает состояния соборности, присущие светской социальности, выраженные в максималистической, индивидуалистической, революционной и мученической, мессионистской аскезе личности, целью которой является создание сакрального мира в мире имманентном.

7. Диалектическое единство религиозной и светской социальностей осуществляется через их синтез, выраженный в форме религиозно-светской социальности, символами которой в концептуальной модели соборности выступают подвижничество (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев) и симфония (Л. П. Карсавин). Символика героизма экстраполируется в новом контексте «героической» духовности Н. А. Бердяевым на религиозно-светскую социальность. Символы обозначают раскрытие соборности религиозно-светской социальности, достижимой в историческом поле,

но устремлены в вечность через соборную деятельность (аскезу) и такие аксиологические максимы личности, как смирение и совесть.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования.

Достоверность исследования основана на авторском анализе достаточного объема философских трудов изучаемого этапа становления русской религиозно-философской мысли и современных научных трудов, посвященных изучаемой историко-философской проблеме. Основные тезисы диссертационного исследования были обсуждены на семинарах кафедры теологии и религиоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Результаты исследований были представлены на конференциях различного уровня: «Религия и власть. Русская религиозная эмиграция» (Санкт-Петербург, 2020), «Алешкинские чтения» (Москва, 2021), «Достоевский в смене эпох и поколений» (Омск, 2021), «Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства» (Челябинск, 2021, 2022), «Декартовские чтения» (Москва-Зеленоград, 2021, 2022), «Диалог религиозного и светского мировоззрений: современные трансформации» (Екатеринбург, 2022), «Сад расходящихся троп» (Москва, 2022, 2023), «Образ Родины: содержание, формирование, актуализация» (Москва, 2022, 2023), «Универсум платоновской мысли» (Санкт-Петербург, 2021, 2022, 2023), «Международные чтения по истории русской философии» (Москва, 2023), «Ялтинские философские чтения» (Ялта 2021, 2022), Российский философский конгресс (Москва, 2021). Результаты исследования были внедрены автором в учебные курсы по дисциплине «Философия» для обучающихся по программам бакалавриата Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (2019-2024 гг.). По теме диссертации опубликовано 16 научных работ, в том числе 9 – в изданиях, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, 3 – в журналах международных баз Scopus и Web of Science.

Структура и объем диссертационной работы. Структура диссертации определена целью и задачами: работа состоит из введения, двух глав (четыре параграфов в первой главе и трех параграфов во второй главе), заключения и списка

литературы. Общий объем работы составляет 194 страницы. Список литературы включает 246 наименований, в том числе 33 на иностранных языках.

Глава 1. Религиозно-светская социальность в концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности в русской религиозной философии первой половины XX века

§ 1.1. Этапы развития идеи соборности в русской мысли конца XIX – первой половины XX века

К изучению и систематизации истории становления идеи соборности обращался в диссертационной работе П.Е. Бойко. Первым этапом становления идеи соборности в русской религиозной философии им был назван интуитивный этап, воплотившийся в работах славянофилов. По словам автора, у славянофилов идея соборности присутствовала «в качестве исходной интуиции», но, вместе с тем, они сумели придать идее соборности философскую форму, проследить в ней церковный и светский аспекты. Далее П.Е. Бойко в становлении идеи соборности конца XIX – первой половины XX века выделяет цельный рефлексивный этап³⁹. Но, на наш взгляд, данный период включает в себя два взаимосвязанных, но отдельных этапа: первый – это конец XIX века, а второй – первая половина XX века.

Предпосылкой для становления идеи соборности в первой половине XX века были труды В. С. Соловьева, который расширил понятие соборности до идеи Всеединства, тем самым укрепив его онтологический статус, что и позволило нам определить социально-онтологический этап становления категории соборности, который выступает предшествующим символично-социально-онтологическому этапу. На основании присутствия в работах В. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого социального аспекта в форме обращения к сущему, где соборность – духовное и социальное объединение людей, и онтологического аспекта соборности, состоящего в том, что ее основанием выступает духовная субстанция и соборность является частью системы Всеединства, мы можем выделить одноуровневую

---

³⁹ Бойко П. Е. Идея соборности в русской философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Краснодар. 1999. С. 24-29.

концептуальную модель соборности данного периода, в которой определяется социально-онтологический уровень. Модель будет включать формы соборности (религиозную, светскую, религиозно-светскую социальности) и соответствующие им параметры как ориентиры достижения соборности.

Определение религиозной социальности, которое и заложило основы рассмотрения соборности в ее социальном и онтологическом аспектах в первой половине XX века, мы находим в работе В. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал», написанной им в 1877-1880 гг. Религиозная социальность как форма соборности социально-онтологической модели предполагает такие параметры, как «пустыннический аскетизм», «созерцательный мистицизм», индивидуальное обращение к Богу, «псевдохристианский индивидуализм», определяется через обращение к антихристианскому догматизму, индивидуализму и спиритуализму. Молитва рассматривалась как единственное религиозное дело⁴⁰. Все эти параметры религиозной социальности приводили к ситуации, в которой христианство переходило в сферу индивидуального прожития, в сферу исключительно личной жизни, теряя соборное звучание и приобретая звучание индивидуальное⁴¹. Проявляется такая ее черта, выделяемая М. О. Орловым, как сакрализация личного опыта и выбора⁴². По словам В. С. Соловьева, «индивидуальная религиозная жизнь» не соответствует христианской социальности. Должно возникнуть «социальное единство». Обратившись к работам А. С. Хомякова, мы установили, что он не отождествлял два понятия – соборность и общинность, но считал соборность идеалом становления для общинности. Благодатная основа соборности является небесным ориентиром для земной общины⁴³. Символист В. И. Иванов писал, что общественность – становящаяся соборность⁴⁴. В рамках социально-онтологического этапа соборности реализовался принцип «единства во

---

⁴⁰ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 353, 355.

Соловьев В. С. Россия и вселенская церковь. Русская идея. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 50.

⁴¹ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 568.

⁴² Орлов М. О. Православная культура в современных условиях: богословские и социальные основания. Философские аспекты онтологии культуры: Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019.

⁴³ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. – 288 с.

⁴⁴ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 58.

множественности», во всем творении⁴⁵. Субъект истинной религии неизбежно должен быть вселенским. Социальное бытие человека должно принадлежать двум началам: божескому и человеческому⁴⁶. Нужно также отметить важность соотношения «Я – личность» в русской религиозной философии, начиная с работ В. С. Соловьева⁴⁷.

Религиозная социальность базируется на «внешнем», «в себе замкнутом» Боге. Общественность подавляется, отрицается, подчиняется, порабощается. Решающее значение получает церковная власть, основанная на предании. Природное и рациональное начала в человеке отбрасываются, приравниваются ко злу. Безусловным принципом может быть признан божественный элемент, мирской же должен ему свободно подчиняться⁴⁸. Отвлеченный клерикализм и внешняя насильственная теократия подчиняют себе гражданское общество. Принцип «свободной церкви в свободном государстве», по В. С. Соловьеву, не реализуем вследствие того, что нельзя говорить о равноправии церкви и государства, они не могут быть рассмотрены как независимые безусловные начала. Необходим их синтез⁴⁹. Идея синтеза как концепта русской философии развивается и в последующих исследованиях русской философии⁵⁰.

С. Н. Булгаков в эволюции взглядов В. С. Соловьева находит как присутствие момента «грядущего синтеза», так и присутствие исторического антиномизма в переживаемом религиозном опыте, замыкающемся, на наш взгляд, либо в ситуации трансцендентного религиозной социальности, либо имманентного светской социальности с общей для них эсхатологической направленностью⁵¹. С. Н. Булгаковым отмечается антиномизм не как метод в работах В. С. Соловьева,

⁴⁵ Posacki, A. „Sobornost” jako idealny model „solidarności mistycznej” w kulturze rosyjskiej Is part of: Solidarność: człowiek w sieci zależności społecznych / pod redakcją Jarosława Jagiełły i Karoliny Tytko. - Kraków, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie. Wydawnictwo Naukowe, 2021, S. 203-214.

⁴⁶ Соловьев В. С. Россия и вселенская церковь. Русская идея. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 125, 131.

⁴⁷ Романов Д. Д. Соотношение "Я" - "Личность" в философии русского всеединства и символизма (от Вл. Соловьева к А. Белому) // Соловьевские исследования. 2019. № 1 (61). С. 69-80.

⁴⁸ Дидык, М. А. Хозяйство и культура в осевой концепции В. С. Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 1 А. С. 5-12.

⁴⁹ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 191, 192, 196.

⁵⁰ Синицына Т. И. Идея синтеза как концепта русской философии. Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12-4(102). С. 139-142.

⁵¹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.401,402.

а как проблема реализации соборности в общественной жизни с ее эсхатологичностью. К. М. Антонов, обращаясь к философии В. С. Соловьева, делает заключение, что на основе соловьевских текстов возможно выделить в развитии общества «диалектическую закономерность»⁵², состоящую в смене периода «некоторой слитности» периодом «дифференциации жизненных областей», который, в свою очередь, сменяется периодом восстания против религии (антитезис), вслед за чем должен следовать синтез.

Можно отметить, что В. С. Соловьев определяет два типа религиозной социальности как в первохристианстве, так и в отвлеченном клерикализме, внешней насильственной теократии. Религиозные начала, по мнению В. С. Соловьева, также могут быть двух типов: либо непосредственными, предполагающими личное восприятие, созерцание – мистическими, либо опосредованные историческим преданием, верой в авторитет – традиционными. В. С. Соловьев пишет о присутствии возможности диалектического развития религиозных начал⁵³. Невозможно переоценить значимость подхода А. С. Хомякова к обозначению соборности⁵⁴. Религиозная социальность непосредственно проживается в индивидуальном молитвенном опыте прихождения к Богу⁵⁵. Хомяковский подход был развит у С. Н. Булгакова⁵⁶. И сам С. Н. Булгаков усматривает в работе «Апокалиптика и социализм» (1909-1910) трансцендентный характер описанной В. С. Соловьевым религиозной социальности⁵⁷. Следуя в этом русле, он развивает данный подход в «Двух градах» (1911) и в последующих своих работах.

К. М. Антонов находит, что в булгаковских текстах присутствует «переход от персонализма к всеединству» (точнее, было бы оправдано говорить о

⁵² Антонов К. М., Кырлежев А. И. Новая интерпретация истории русской религиозной мысли: философия религии как значимый аспект религиозной философии. Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 380.

Антонов К. М. Концепт религиозного обращения в философии Вл. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. 2004. № 2. С. 176.

⁵³ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 22.

⁵⁴ Alexei Khomiakov: *The Mystery of Sobornost!*. Eugene, Oregon: Pickwick Publications, 2019. 246 p.

⁵⁵ Хомяков А. С. Сочинения в 2 томах. Т. 2. Работы по богословию. Москва, Московский философский фонд, издательство «Медиум», журнал «Вопросы философии», 1994. С. 21.

⁵⁶ Хоружий С. С. Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви. Богословские труды: религиозно-просветительское издание. Сборник 37. М.: Издательство Московской Патриархии, 2002. С. 176.

⁵⁷ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.401.

постоянном движении мысли от одного полюса к другому и обратно), но с нашей точки зрения, в данном случае просматриваются разные формы актуализации соборности в социальности через деятельность личности, которая находится в ситуации соборности⁵⁸.

Соборность светской социальности намечена в работах В. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал», «Вторая речь в память Достоевского» и связана с «отвлеченными началами», которые, вынося себя за скобки целого в своей исключительности, утрачивают цельность. Состояние человека, да и всего человечества, описывается как «эпоха исключительности», «борьбы между обособившимися началами», «состояние умственного разлада», что можно рассматривать как уровень соборности, для которого характерны «частное значение», внутренняя противоречивость⁵⁹. Суть противоречивости Всеединства заключается в стремлении части занять место целого.

Рассматривая вопрос критерия деятельности, «верховного нравственного принципа», В. С. Соловьев выделяет в нем следующие элементы: отвлеченно-эмпирические понятия, к которым можно отнести меру реализации принципа удовольствия, счастья, полезности, и отвлеченно-рациональные понятия, степень реализации долженствования. Обозначенные понятия выступают элементами высшего нравственного принципа, их можно рассматривать его актуализациями на уровне светской социальности.

Соборность в светскости определяется в «отвлеченном начале» социализма, где превалирует общественное над индивидуальным. Часть утверждает себя в попытке стать целым, возникает внутреннее противоречие. Крайняя общинность поглощает личность, индивидуализм видит цель лишь в отдельной личности, возникает «пустая личность в бессодержательности самоутверждения»⁶⁰.

В настоящее время описание светского типа социальности мы находим в значимых работах саратовской школы философии у М. А. Богатова⁶¹. По

⁵⁸ Антонов К. М. Проблема личности в мышлении протоиерея Сергия Булгакова и проблематика богословского персонализма в XX веке. Христианское чтение. 2017. № 4. С. 203-204.

⁵⁹ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 3.

⁶⁰ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 149, 152, 171.

⁶¹ Богатов М. А. Мышление после революции: апория оснований. // Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 62, 63.

В. С. Соловьеву, для светской социальности свойственно механическое, несвободное единство или «муравейник», соединенный внешним принуждением или слепым инстинктом⁶². Может быть установлено доминирование материального, ограничивающего человека элемента. Но экономические и материальные интересы не могут нами быть рассмотрены как истинные основания для настоящего единства, свобода личности не имеет оснований вследствие естественного неравенства людей как частиц природных сил. Создание свободной общности на инстинктах симпатии и альтруизма с очевидностью теряет свойство универсальности. Возможность юридического равенства носит свойство внешнее и отрицательное. Данное установление приводит к тому, что человек может достигать отрицательных целей формально-справедливыми средствами. Осуществление экономического, гражданского, политического общества не представляет в полноте своей реализацию нормального общества, основанного на солидарности всех. Нравственное начало утрачивается в светской социальности либо в «противоречии частных», либо в «безразличии общего»⁶³. Теряется «вера в Бога» и «осознание своей греховности», происходит погружение в искания отвлеченной правды⁶⁴. Деятельность и сама жизнь человека, привязанного к светской социальности, В. С. Соловьев сравнивает с «вечной работой Сизифа»⁶⁵. В светской социальности устанавливается внешний общественный идеал, заключающийся в принудительном общественном строе (экономическом или социальном). Достижение идеала переносится в будущее, в настоящем он не достижим. Вследствие того, что окружающая действительность входит в противоречие с идеалом, деятельность человека нацелена на ее разрушение, на борьбу с тем, что его окружает, на проведение «внешнего переворота». Как и в религиозной социальности нет погруженности в историю, которая воспринимается извне⁶⁶. О вневременности, даже внеисторичности, отмечаемой в светской

---

⁶² Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1988. С. 306.

⁶³ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 197, 198, 199, 201.

⁶⁴ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 307, 325.

⁶⁵ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 14.

⁶⁶ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 332, 333.

социальности мыслителями первой половины XX века, пишет и М. А. Богатов⁶⁷. Здесь можно упомянуть и работу К. Лёвита⁶⁸.

Но интересно отметить, что В. С. Соловьев указывает на то, что по отношению к светской социальности «неверующие двигатели новейшего прогресса действовали в пользу истинного христианства», так как нужно создать «христианство живое, социальное, вселенское». Таким образом, в диалектике развития присутствует возможность возникновения религиозно-светской социальности⁶⁹. М. О. Орлов и Т. В. Черевичко отмечают, что «светская культура народов, воспитанных Церковью, также может считаться отражением и энергичным продолжением богочеловеческой природы Церкви»⁷⁰. В данном случае мы видим, что религиозность светской социальности⁷¹ выступает диалектическим продолжением религиозной социальности. К. Левит утверждает, что из христианского мира вырастает атеизм, отгалкиваясь от христианства, сохраняя в себе все то, от чего он отгалкивается. Введение христианства внутрь исторического времени, по Левиту, или, согласно традиции русской религиозной философии, возникновение исторического христианства, делает возможным секуляризацию исторического видения, в котором прослеживается вновь уход из истории, утрата смысла в истории⁷².

Переход к религиозно-светской социальности в наличной действительности возможен через «труд и подвиг», «всенародный подвиг». По словам В. С. Соловьева, приход к религиозно-светской социальности – это состояние «брожения» перед ее духовным рождением⁷³. В. И. Иванов в традиции символизма пишет, что «все мы единая система вселенского кровообращения, питающая

⁶⁷ Богатов М. А. Мышление после революции: апория оснований. Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 66.

⁶⁸ Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории (Политическая теология). Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2021. С. 358, 399.

⁶⁹ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 355.

⁷⁰ Орлов М. О., Черевичко Т. В. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 36, 37.

⁷¹ Astapov S., Krasnova A. Religious values in modern Russian society: a philosophical explication // Wisdom. – 2022. Vol. 21. No 1. P. 182-193.

⁷² Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории (Политическая теология. – Санкт-Петербург, Издательство «Владимир Даль», 2021. 514 с.

⁷³ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 331.

единое человеческое сердце»⁷⁴. Механическому соединению он противопоставляет соборность, где личность показывает свое раскрытие в творческой свободе и свободном согласии. Мыслитель отмечает, что соборность – цель развития социальности и теоретической мысли. Соборность – задание, а не данность, она никогда не осуществлялась на земле. Это свободное согласие, единая славянская общность.

В. С. Соловьев определяет Всеединство как идею, которая может быть осуществлена посредством человека, человечества в целом. Всеединство, определившееся в диалектическом становлении соборности, – это «человечное» единение, в основе которого лежит «свободное согласие на единство»⁷⁵. И. Н. Тяпин же считает данный подход «глобалистским», где миссия России – это «растворение в преображенном человечестве»⁷⁶.

Соборность в религиозно-светской социальности актуализуется в форме «свободной общности», «практического всеединства», «солидарности» в соответствии с текстами В. С. Соловьева⁷⁷, в чем мы прослеживаем социальный аспект учения о соборности социально-онтологического этапа. Отталкиваясь от работ В. С. Соловьева в понимании соборности как религиозно-светской социальности в русской религиозной философии первой половины XX века, необходимо отметить, что он дает определение соборности и обществу в данном состоянии – «нормальное общество», которому соответствует сильнейшее развитие личности и общественное единство, «свободная общность» (демонстрируется социально-онтологический аспект). Здесь прослеживается диалектический момент «становления» всеединства. Диалектика части и целого проявляется в равенстве «равномерности и справедливости» всех относительно общего при собственном различии. Благо общественное – это благо, «относительно

---

⁷⁴ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 100, 131.

⁷⁵ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 307, 325.

⁷⁶ Тяпин И. Н. Национальная идея в России и ее концептуальные замещения: история и современность // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3 (107). С. 52.

⁷⁷ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 5; Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 355.

которого все есть суть одно». Совпадение полярных начал индивидуализма и общинности в обществе представляет собой «свободную общинность»⁷⁸.

Социально-онтологический аспект учения автора мы находим в том, что в основании общества находится «духовный союз» церкви и общества, или создается религиозно-светская общественность, «социальная троица» как единство церкви, государства и общества⁷⁹. В. С. Соловьев описывает состояние религиозно-светской социальности, где сфера церкви лежит в определении безусловных целей его развития, а сфера экономики и государства рассматривается как «среда» для актуализации трансцендентного начала, представляемого церковью. Возникает «свободная теократия». В основании должны лежать не «внешний авторитет», «слепая вера». В его основании лежит «свобода», Истина отождествляется при этом с «всеединым сущим», система истинного знания – «свободная теософия». «Свободная теософия» определяется Соловьевым как «великий синтез», что тоже говорит о диалектике всеединства. «Свободная теософия» свойственна религиозно-светской социальности⁸⁰. В. Н. Ильин также прослеживает значения соборности посредством обращения к символу Троицы, выявляет их взаимосвязь⁸¹.

В соловьевских текстах мы можем найти основание для реализации божественного начала в практической деятельности, или возможность религиозно-светской социальности, актуализации всеединства в диалектике соборности в нормальном обществе, что демонстрирует социально-онтологический аспект соборности. Для реализации в религиозно-светской социальности необходимо прийти к знанию о социальном всеединстве, или соборности, к убежденности в их безусловной истинности. Критериями безусловной истинности выступает безусловная реальность и безусловная разумность, не сводимая ни к ощущению, ни к мышлению, или «сущее всеединое», которое постигается человеком через «веру, воображение и творчество». Мы можем выделить три ступени познания:

⁷⁸ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 5; Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 6, 150, 151, 209, 213.

⁷⁹ Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 204.

⁸⁰ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 6, 7.

⁸¹ Ильин В. Н. О Небесной и земной соборности // Путь: Орган русской религиозной мысли: В 12 тт. М.: Информ-Прогресс. - Т.1:(I-VI): М.: Информ-Прогресс, 1992. 716-720 с.

чувственный опыт, рациональное мышление и высшую ступень (вера, воображение, творчество), от которой зависит наше знание. Истина должна отвечать требованиям неизменности, всеобщности. Истина обладает свойством «вселенскости», единоосновности. Необходимым условием истинности выступает нахождение с предметом во всеединстве. Положительная универсальность нашего мышления получает религиозное основание.

В. С. Соловьев определяет в человеке некую двойственность: внутренне человек свободен, внешне – подчинен необходимости. В. С. Соловьев пишет, что в человеке присутствует некое «движущее начало его бытия и жизни». Диалектика проявляется в наличии у человека «коренного противоречия» по определению данного начала, либо лежащего в нем самом, либо внешнего. Соловьев различает «механический внешний эклектизм» и «внутреннюю синтетическую силу», или душу организма. Отвлеченные начала могут быть эмпирическими, материальными и формальными, или чисто-рациональными. Человек, по В. С. Соловьеву, выступает и как явление, одновременно будучи и сущим в себе. Человек подчинен законам причинности и трансцендентной свободы⁸².

Человек определяется, по В. С. Соловьеву, как «существо религиозное» и «существо рациональное», «существо природное». Целью человека может быть «человек в Боге» или «человек как Бог», причем не отдельно, а в аспекте внутренней связи любви и свободного единства. Человек представляет собой божественную идею во внутреннем единстве со всеми, во всечеловечестве. Всеединство в диалектическом становлении соборности рассматривается как цель, достижению которой могут служить средства материального и рационального⁸³, что явно обозначает социально-онтологический аспект изучаемого периода.

В вопросе социального идеала В. С. Соловьев развивает диалектику формы и содержания, возможности и действительности, где нравственное начало рассматривается как форма, получающая реальное содержание в социальности, как

---

⁸² Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 9, 15, 23, 111.

⁸³ Там же. С. 202, 203, 214.

возможность, которая актуализуется в действительности, или в нормальном обществе, которому свойственна «солидарность»⁸⁴.

Цель деятельности состоит в том, что «все составляют цель деятельности для каждого и каждый для всех». Само общество, определившееся на нравственных, соборных началах, носит «нравственно-нормальный» характер, который не детерминирован материальными, рациональными или природными факторами, а определяется в человеке началами «религиозными». В. С. Соловьевым рассматриваются два начала общественного устройства: начало общинности и начало индивидуализма, реализация которых возможна лишь относительно, абсолютная же реализация невозможна⁸⁵.

В. С. Соловьев пишет, что в нормальном обществе отдельный индивид получает «всеобщность идеи, а общественное начало реализацию в действительности». Личная нравственность – это внутренняя сторона нравственности общественной⁸⁶. «Свободная общинность» предстает «всеобъемлющей» по форме и «неопределенной» по своему содержанию. Содержание раскрывается через актуализацию элементов действительного общества. «Свободная общинность» – синтез отвлеченного индивидуализма и отвлеченной общинности. Соловьев пишет, что для достижения состояния «нормального общества» оно должно пройти в своем развитии через ряд форм общественного устройства, основанных на «отвлеченных» началах⁸⁷.

В «нормальном обществе» «любовь посредством справедливости должна быть реализована в пользе». Определяется структура деятельности: мотивы – это любовь, средство – справедливость, результат – польза. Хозяйственная область общества также выступает актуализацией «свободной общинности» (которая рассматривается как социальное выражение идеи всеединства). Соединяются в синтезе начала общинности через единство цели, в общем мотиве любви и индивидуализма – через взаимозависимость степени индивидуального развития и

---

⁸⁴ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 146.

⁸⁵ Там же. С. 5, 6, 147, 148.

⁸⁶ Там же. С. 150, 151.

⁸⁷ Там же. С. 151.

юридического права собственности. Экономическая деятельность рассматривается как средство реализации религиозного начала⁸⁸. В области нравственности всеединство – это абсолютное благо, в познании – абсолютная истина, в обществе, в действительности – искусство⁸⁹.

Отдельные люди не могут самоутверждаться за счет других, правда носит религиозный характер. Общественный идеал братства, или всеобщей солидарности, носящий религиозно-нравственное значение, может быть обозначен, по словам Соловьева, как Церковь, понимаемая как духовное братство с сохранением внешнего неравенства. В религиозно-светской социальности произойдет «примирение», или синтез. С. Н. Булгаков находит присутствие синтеза в работах раннего В. С. Соловьева в снятии противоречия имманентного и трансцендентного⁹⁰. В государственном строе должна быть воплощена истина Христова⁹¹.

На основании текстов В. С. Соловьева можно выделить описание трех типов социальности в качестве форм соборного единства. У философа определяются два типа религиозной социальности: первохристианство и историческое христианство, которое на основании деления В. С. Соловьева мы можем отнести к историческому христианству (папская теократия и протестантизм). Понимание светской социальности обозначается в работах В. С. Соловьева. Важной характеристикой светской социальности является стремление части стать целым. Для светской социальности характерно механическое единство. В. С. Соловьев применяет метафору «муравейник» к светской социальности. Соборность религиозно-светской социальности преодолевает односторонность религиозности и светскости. В основании религиозно-светской социальности свобода. В. С. Соловьев называет данное состояние «нормальным обществом», «свободной общинностью», что задает тенденцию понимания социального как «нормального общества» у П. А. Флоренского.

⁸⁸ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 214, 216, 217.

⁸⁹ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 254, 344, 345, 418; Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 307, 325.

⁹⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.402.

⁹¹ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 309, 312, 313, 344.

В философии С. Н. Трубецкого мы находим социальный и онтологический аспекты соборности, отраженные в описании философом соборности религиозно-светской социальности. Человек может приблизиться к данному солидарному состоянию на «практически-религиозной почве»⁹², в приближении к богочеловеческому организму. Применительно к социальному, по С. Н. Трубецкому, личность имеет общее значение в истории, в ней воплощается идея. С. Н. Трубецкой отмечает, что «народ есть живое существо»⁹³. Народ – организм высшего порядка. Мыслитель называет социальную организацию живой солидарностью, или общественным телом. Главная задача государства – просвещение и образование народа.

С. Н. Трубецкой задает интересную традицию в понимании личного и социального, чем дополняет содержательное наполнение социально-онтологической модели соборности. Индивидуальное сознание развивается вместе с социальной организацией, взаимно обуславливаясь. Личность же одновременно и представляет все общество и является индивидуальностью, вносит в общество свою свободу и реализует в деятельности, в личном свободном усилии высшие идеалы. Для развития общества нужен не только патриотизм, но и ясное сознание правды и добра, вера в высшие идеалы. Мыслитель постулирует органическую коллективность сознания. То, чего добивается личность, становится частью народа, его достоянием. Препятствием к общественному развитию являются противоречия личности и рода, свободы и природы. Интересно и значимо то, что С. Н. Трубецкой отмечает, что требуется практическое решение для реализации социального идеала в обществе.

С. Н. Трубецкой на вопрос о соборности сознания отвечает, что сознание человека по существу соборно, оно есть возможное сознание всех в одном и субъективное «я» может обладать всеобщим и объективным бытием в соборном сознании, и субъективное сознание получает объективную вселенскую достоверность. С. Н. Трубецкой называет это термином «метафизический

---

⁹² Трубецкой С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М.: 1908. Т.2. С. 81.

⁹³ Там же. С. 78.

социализм», где обособленная индивидуальность нивелируется. Индивидуальность реализуема лишь в совершенном обществе. Соборность сознания позволяет сознавать реальность действий других, или всеобщую действительность, понятия реальности и причинности⁹⁴ (здесь мы прослеживаем социальный и онтологический аспекты соборности данного периода).

Истоки символического описания аскезы религиозно-светской социальности мы можем найти в работах В. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого. В. С. Соловьев пишет, что соборность «может быть только результатом свободного дела, подвига, и подвига двойного – самоотвержения божеского и человеческого; ибо для истинного соединения или согласования двух начал необходимо свободное участие и действие обоих»⁹⁵. С. Н. Трубецкой отмечает, что для личности свойственны такие характеристики, как подвиг и творчество. Подвиг и творчество проявляются в органической солидарности. Деятельность наполняется идеальным содержанием в реализации социального идеала в свободной деятельности личности. Нравственность развивается лишь в соборности. Нравственность рождается в любви, которая проходит такие ступени, как инстинкт, подвиг и благодать⁹⁶. В определяемом В. И. Ивановым реалистическом символизме воедино связаны религиозность и искусство. Символ – начало связующее отдельные сознания, их соборное единение достигается общим мистическим лицезрением единой для всех, объективной сущности в связи с тем, что символ присущ абсолютной реальности⁹⁷. Реалистический символизм – келейное искусство тайновидения мира и религиозного действия на мир. Примером реалистического символизма являются, согласно В. И. Иванову, работы В. С. Соловьева, которого он относит к предшественникам символизма⁹⁸. В. И. Иванов прослеживает в стихотворении В. С. Соловьева описание путника, который идет к берегам тайны и чуда, где его ждет храм. Здесь видна символизация религиозной социальности, достижимой в

⁹⁴ Трубецкой С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М.: 1908. С. 95, 100, 101.

⁹⁵ Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 156.

⁹⁶ Трубецкой С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М., 1908. Т.2. С. 80.

⁹⁷ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 155.

⁹⁸ Там же. С. 156, 160.

мире трансцендентного⁹⁹, в которой позднее проявился символ соборности «странствование». Немаловажным можно считать замечание В. И. Иванова о том, что В. С. Соловьев обратил русский народ к вопросам веры и от В. С. Соловьева идет обращение к новому религиозному сознанию¹⁰⁰. Слово-символ обещало стать священным откровением, а символы-энергии соединяют социальность через богочувствование.

В философии Всеединства В. С. Соловьева и метафизическом социализме С. Н. Трубецкого формируется тенденция социально-онтологического рассмотрения идеи соборности, что повлияло на ее становление в историческом развитии русской религиозной философии первой половины XX века. В определяемом социально-онтологическом периоде становления соборности возможно обозначить одноуровневую (социально-онтологический уровень) концептуальную модель соборности, включающую религиозную социальность, светскую социальность и религиозно-светскую социальность, находящуюся в диалектическом становлении, и целеполагающие параметры достижения соборного единства, что получило дальнейшее развитие в последующих исследованиях русских религиозных философов первой половины XX века. Определяются содержательные характеристики соборности и лишь намечается символично-смысловой аспект соборности в работах В. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого, что прослеживается в упоминании философами символики «подвига» по отношению к аскезе религиозно-светской социальности.

Опираясь на тексты авторов социально-онтологического периода и символично-социально-онтологического периода развития идеи соборности, мы можем обозначить структуру концептуальных моделей соборности, которые присутствуют в каждом из данных этапов.

Одноуровневая концептуальная модель соборности будет основана на социальном и онтологическом аспектах, состоящих в том, что соборность содержит в себе три формы актуализации – религиозную социальность, светскую

⁹⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 38.

¹⁰⁰ Там же. С. 339.

социальность, религиозно-светскую социальность и соответствующие им параметры достижения соборного единства (социально-онтологический уровень). Религиозная социальность как форма одноуровневой концептуальной модели соборности предполагает такие целеполагающие параметры достижения соборного единства, как «пустыннический аскетизм», «созерцательный мистицизм», индивидуальное обращение к Богу, «псевдохристианский индивидуализм», определяется через обращение к антихристианскому догматизму, индивидуализму и спиритуализму. Возможно выделить следующие параметры светской социальности как формы социально-онтологического уровня модели соборности: превалирование общественного над индивидуальным, механическое (несвободное) единство, доминирование материального, возможность юридического равенства, потеря веры в Бога, утрата осознания греховности, внешний общественный идеал, достижение которого переносится в будущее, внеисторичность. Параметрами религиозно-светской социальности, включаемыми в концептуальную модель соборности данного периода, нами определяются на основе текстов В. С. Соловьева: сильнейшее развитие личности, общественное единство, «свободная общинность», совпадение полярных начал индивидуализма и общинности, «социальная троица» как единство церкви, государства и общества, критериями безусловной истинности выступают безусловная реальность и безусловная разумность, истина обладает свойством «вселенскости», единоосновности, общество строится на нравственных началах, соборных началах, носит «нравственно-нормальный» характер, правда носит религиозный характер, социальная организация выступает живой солидарностью, или общественным телом. На основе текстов С. Н. Трубецкого в качестве параметров достижения соборности можно выделить взаимообусловленность индивидуального сознания и социальной организации, органическую коллективность сознания, соборность сознания.

Важно отметить, что данная одноуровневая концептуальная модель соборности претерпела трансформацию в продолжении символично-социально-онтологического этапа, где отчетливо прослеживается как социальный и

онтологический, так и символично-смысловой аспект. Концептуальная модель соборности данного периода содержит помимо социально-онтологического уровня еще и символически-смысловой, то есть становится двухуровневой. Как и в концептуальной модели соборности социально-онтологического этапа ее становления, в ней можно обозначить три диалектически взаимосвязанные формы социальности с присущими каждой из них параметрами достижения соборности. В данной концептуальной модели соборности присутствует также и символически-смысловой уровень, вмещающий виды аскезы, соотнесенные с выделенными формами соборности, описанные посредством символики. Обозначается концептуальная модель соборности, которая включает: формы соборного единства – три формы социальности, целеполагающие параметры достижения соборности, аскезу, понимаемую как деятельность, и символы, посредством которых описывается соборность.

Мы определили общие черты моделей соборности обоих периодов, которые состоят в диалектической структуре трех форм соборности с присущими им параметрами, что составляет социально-онтологический уровень концептуальных моделей соборности. В первой половине XX века концептуальная модель соборности обогащается символически-смысловым содержанием, что прослеживается в оформлении в ней второго – символически-смыслового уровня.

§ 1.2. Религиозная социальность как опыт достижения соборности в сфере трансцендентного

Актуальным для сегодняшнего дня становится обсуждение проблематики возможности поддержания солидарности в постсекулярном обществе¹⁰¹. Но на наш взгляд, предвестниками теории постсекулярности выступают теории русских религиозных философов первой половины XX века, концептуализация взглядов

---

¹⁰¹ Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 49, 55, 61; Astarov, S. Transforming the study of religious situations: The view of post-secular society theories // Acta Theologica. 2021. Vol. 2021. No Suppl. 32. P. 13-30.

которых позволила определить символично-социально-онтологический этап развития идеи соборности в русской религиозной философии, где прослеживается перспективное рассмотрение общества как определенного типа социальности, через который и актуализируется соборность в социальной реальности.

Исходным пунктом становления соборности является религиозная социальность, в основании которой можно определить соборность¹⁰². Религиозная социальность рассматривается как форма соборности, включаемая в социально-онтологический уровень двухуровневой концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического периода. Целеполагающие параметры религиозной социальности как формы соборности мы устанавливаем в работах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина, С. Л. Франка, в которых определяется социально-онтологический аспект соборности. Достижение данных параметров выступает индикатором созидания соборности.

Н.А. Бердяев в труде «Смысл творчества» в 1916 году описывает религиозную общественность, понимая ее как одну из «дотворческих эпох», для которой характерен культ святости, отрицание творчества. У Н. А. Бердяева мы сталкиваемся со смесью метафизик¹⁰³. Л. П. Карсавиным («Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии» 1915 года и другие работы) обозначается соборность в религиозной социальности, определяются понятия «вера» и «религиозность», черты религиозной личности, заключающиеся в готовности верить, легковерии, возникают «антиномии личной религиозности»¹⁰⁴, что демонстрирует один из параметров соборности в данном типе социальности. О. А. Жукова отмечает, что религиозно-философское творчество мыслителя имеет преемственность с духовной традицией русской культуры, где святоотеческая мысль о человеке считает идеалом его духовную

¹⁰² Тонковидова А. В. Концепт соборности в философии С. Н. Булгакова как теоретическое основание религиозной социальности в постсекулярном обществе. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4(42). С. 87-92.

¹⁰³ Павлов И. И. "Христос и мир": метафизическая аргументация в полемике В. Розанова и Н. Бердяева // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 129.

¹⁰⁴ Карсавин Л. П. Записки Историко-филологического факультета Императорского петроградского Университета. Петроград: Типография "Научное дело", 1915. Часть 125. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках, преимущественно в Италии. С. 41.

трансцендентность в стремлении к Совершенному Богу¹⁰⁵. В центре философских исследований С. Н. Булгакова находится соборность¹⁰⁶, которая является главной социальной ценностной максимой и основанием социальности. Соборное единство равно Божественному триединству. Социальность неразрывно связана с божественным через деятельное¹⁰⁷. Светское, религиозное и божественное в своем единстве – это возможное совершенное состояние общественного развития. Соборность выступает в своих разноплановых формах, которые обозначаются в действительности. Соборность может актуализоваться в религиозной социальности, где она содержится как возможное состояние мира, Бога и человека в единой сущности Абсолюта. В работах Н. О. Лосского обозначена соборность в религиозной социальности, где и мы определяем в каждой форме актуализации соборное основание¹⁰⁸. Истоком развития диалектики соборности выступает сверхсистемное отвлеченно-идеальное бытие, Абсолютное. В работе «Предмет знания» С. Л. Франк отождествляет всеобъемлющее бытие с Абсолютным бытием, которое приравнивает к Всеединству, то есть единству единства и множества¹⁰⁹. Связь между элементами мира сведена к самому Абсолютному как Всеединству, отвергаются рациональные и системные стороны мира в пределах земного бытия. Философ обращается к гегелевской формуле «все разумное действительно, и все действительно разумно», отмечает, что данная формула абсолютна в определении нравственности и основ всякой общественности¹¹⁰. Общественность основана на соборном, а общественный идеал должен быть реализуем. Отталкиваясь от данных взглядов С. Л. Франка, мы можем сказать, что соборность должна быть нами

¹⁰⁵ Zhukova O. The Concept of Perfection in Lev Karsavin's Religious Metaphysics // Russian Studies in Philosophy. 2022. Vol. 60. No. 6. P. 489-502.

¹⁰⁶ Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 156-161; Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Категория соборности в социальной философии С. Н. Булгакова. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2(424); Лазарева А. Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии. Москва: Институт философии РАН, 2003. 193 с.; Лазарев В. В. Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.) Российская Академия Наук, Институт философии. Москва: Институт философии РАН, 2012. 224 с.; Noble I. Re-Forming the Vision of Christian Unity. I. Noble Conference "Reformation in Ecumenical Perspective", Monastery of Bose, Italy. October 2017. P. 25-28.

¹⁰⁷ Булгаков С. Н. Христианская социология. // Социологические исследования. М., 1993. № 10. С. 121.

¹⁰⁸ Тонковидова А. В. Н. О. Лосский и В. Н. Лосский: диалектика соборности. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 139-147.

¹⁰⁹ Франк С. Л. Предмет знания. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 153, 159, 257, 320.

¹¹⁰ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 25.

рассмотрена не как идеальная, а как актуализующая через волю и деятельность личности наличная действительность.

Целеполагающими параметрами религиозной социальности, определяющими меру достижения соборного единства, являются эсхатологичность и внеисторическое мироощущение. Происходит поглощение человеческого духа целью абсолюта, снижается возможность его раскрытия в социальности. Жизнь человека выносится вне мира, истории, культуры, она устремлена в трансцендентное. С. Н. Булгаков определяет именно историчность, историческое мироощущение основным отличием религиозной социальности от религиозно-светской социальности. Для первохристианства в религиозной социальности не было истории, не было исторического возраста, ее сопровождали отрешенность и отчуждение от мира¹¹¹. В. А. Фриауфом отмечается, что в среде раннехристианских общин присутствует «опыт переживания вневременности»¹¹². В религиозной социальности смысл истории – в конце истории, в эсхатологии. Предпринимается попытка в исторической действительности создать внеисторическую социальную действительность. По К. Лёвиту, христианский парадокс состоит в открытии смысла в истории через ее «уже завершенность»¹¹³. В светской социальности смысл истории для человечества неясен, известно лишь ее содержание. Религиозная социальность несет в себе, по П. А. Флоренскому, надвременность и надпространственность. По С. Л. Франку, реальное достижение Царства Божия переносится вне истории, времени, что приводит к утрате веры в Бога.

На основании концептуализации работ философов символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности мы выделяем такой параметр религиозной социальности (формы соборности) как прожитие соборности в едином непосредственном опыте повседневности. Согласно взглядам С. Н. Булгакова, в религиозной социальности соборность определялась догматами как опытными

¹¹¹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 236; Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 63, 303.

¹¹² Фриауф В. А. Время и вечность в контексте православной русской духовности // Межрегиональные Пименовские чтения. 2014. Т. 11. С. 403.

¹¹³ Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории (Политическая теология) Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2021. С. 380, 381.

истинами в первохристианстве. Соборность выступает как одна из основных категорий в философии С. Н. Булгакова с присущим ей социально-онтологическим контекстом. В работе «Трагедия философии» мы находим мысль о том, что «“я” нельзя определить, но можно только определять, и вся жизнь есть не что иное, как определение»¹¹⁴. Соборность проживается человеком в непосредственном опыте при его устремленности к Богу. Она представляет собой непосредственное единство людей с Богом и другими людьми. Религиозная социальность – это созданная на земле божественная социальность. В религиозной социальности религия – это жизнь, а не теоретическое построение¹¹⁵.

В первом, исходном значении, соборность проявляется как непосредственно жизненное действие, прожитие соборности в едином человеческом непосредственном опыте повседневности, который сопровождает чувство непосредственного единства людей друг с другом и с Богом. Религиозная социальность личности может быть рассмотрена с опорой на булгаковскую философию, на примере первохристианства, аскетического теократизма средневековья и реформации, где, на наш взгляд, соборность вынесена в мир трансцендентного. Согласно П. А. Флоренскому, соборность религиозной социальности становится очевидной через узнавание догмата. Догмат Церкви иррационален и постигается через символику и непосредственно, то есть «сырьем»¹¹⁶, в сфере жизненного опыта. Трансцендентная истина познается в акте разумной интуиции¹¹⁷. Возможность постижения истины относится к сфере божественного, но ее понимают как действительность повседневного опыта. Самоочевидность истины присутствует вне рассудка, где и возможно устранение антиномичности¹¹⁸. Непосредственное прожитие религиозной социальности предполагает единомыслие и преодоление границ самости в устремленности к новому образу. Она устремлена в вечность, к Богу, к единосущему любящих в Боге, к состоянию «двоицы» – двуединого существа, которое возникает при отказе человека от

¹¹⁴ Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. М.: Наука, 1993. Том I. Философия хозяйства. Трагедия философии. С. 392.

¹¹⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.301.

¹¹⁶ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С.550.

¹¹⁷ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С.63.

¹¹⁸ Горячев Д. Священник Павел Флоренский об антиномиях. // Вопросы богословия. 2019. Т. 2. № 2. С. 38-58.

отдельности¹¹⁹. Двоица – это воплощенная любовь, это промежуточный этап на пути достижения соборности с Богом.

Существенным параметром религиозной социальности как формы соборности выступает индивидуальное богопознание и индивидуальный критерий истины. Соборность в религиозной социальности первохристианства, реформации – это индивидуальный опыт, индивидуальные переживания, а затем соединения многих личных переживаний в коллективное, соборное, церковное. С. Н. Булгаков выделяет ряд критериев, в соответствии с которыми человек осуществляет свою преобразовательную деятельность. Это может быть индивидуальный критерий и соборный. Индивидуальный критерий прежде всего, субъективен, что приводит к конформизму и уходу от истины¹²⁰. Не представляется возможным нахождение соборности в объекте, вне субъекта. «Познание есть творчество, за которым стоит действующий», то есть личность, знающая себя через собственное самотворчество¹²¹. С. Л. Франк в работе «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» 1956 года пишет о том, что «недоступность разуму области веры содержит диалектику»¹²². Русский метафизик отрицает наличие «пропасти» между верой и разумом, отмечая, что между ними должна присутствовать диалектическая связь¹²³. С. Л. Франк прибегает в этом случае к таким категориям, как «разум» и «сердце»¹²⁴. Но познание Бога, как отмечает С. Л. Франк, вне веры и разума, это скачок в некую третью сферу¹²⁵. Если П. А. Флоренский выделял «живую веру» как путь к Божественной истине, то С. Л. Франк выделяет «живое знание» как путь к познанию Бога через откровение. По Франку, единственным доказательством бытия Бога выступает «бытие человеческой личности», трансцендирующей само себя¹²⁶. В. Н. Гасилин считает, что обращение к работам С. Л. Франка позволит найти ответ на вопрос: в чем смысл жизни? И ответ будет

¹¹⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 80, 87, 91, 92, 93.

¹²⁰ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 127.

¹²¹ Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. М.: Наука, 1993. Том I. Философия хозяйства. Трагедия философии. С. 412.

¹²² Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 153.

¹²³ Там же. С. 152.

¹²⁴ Там же. С. 159.

¹²⁵ Там же. С. 169.

¹²⁶ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 184.

включать первоочередное значение религии¹²⁷. С. Л. Франк обозначает две формы спасения человека: индивидуальное спасение и солидарное слитное спасение¹²⁸. Индивидуальное спасение, характерное для религиозной общественности, говорит об уверенности в гибели целого, в распаде мира на отдельные части, когда не все спасутся. Различие религиозного и светского можно найти, прежде всего, в «глубине человеческого сердца»¹²⁹. В человеке присутствуют и идеи, и страсти, превознося его и к светскости, эмпирии, и к религиозности¹³⁰.

Соборность религиозной социальности требует достижение такого параметра, как трансцендентное понимание Бога и возможности достижения соборности в трансцендентном. По С. Н. Булгакову, происходит самоидентификация человека с Абсолютом, который объемлет весь универсум. Сущность человека в сущности Бога, а Бог вынесен в трансцендентную сферу. Можно рассматривать Бога как «Ничто» в религиозной социальности, при этом соборность вытесняется в трансцендентный мир из мира имманентного. Религиозная социальность и светская социальность могут присутствовать в одной исторической действительности, объятые свойством антиномичности¹³¹. Средневековое мировоззрение, сформировавшееся как диалектическое отрицание мифологического мировоззрения Античности, противопоставляет Бога и мир как добро и зло. В религиозной социальности зло имманентно миру, а добро трансцендентно ему. К чертам религиозной социальности, выделяемым С. Н. Булгаковым в Средневековье, относятся не обожение земли, освящение мира и плоти, а «безземность», недоверие миру. Зло, в котором лежит мир, в религиозной социальности воспринимается объективно, но оно не субстанциально, а функционально¹³². С. Н. Булгаков усматривает в антиномичности трагедию разума. В религиозной социальности возникают, в свою очередь, антиномии, выделенные

¹²⁷ Гасилин В. Н. Смысл жизни (размышления по поводу работ С. Франка) // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 27. С. 154-161.

¹²⁸ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 148.

¹²⁹ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 172.

¹³⁰ Там же. С. 174.

¹³¹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.166.

¹³² Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 187, 188.

С. Н. Булгаковым вследствие того, что в их основе лежат соответствующие им типы соборности. Религиозная социальность предполагает отделение мира от Бога, а Бога от мира. Возникает основная антиномия религиозного сознания, антиномия трансцендентного и имманентного, образуется пропасть незнания, неопределенности, немыслия Бога человеком. Наличие этих антиномий проявляет религию, делает ее очевидной и субстанциальной. С. Н. Булгаков определяет космологическую антиномию, которая присутствует в ситуации религиозной социальности. С одной стороны, Бог совершенен и уже завершен, а с другой стороны, он развивается, в том числе через деятельность человека. Русский мыслитель устанавливает антиномию вечности и временности, когда Бог, оставаясь трансцендентным миру, творческой силой присутствует в мировом процессе, рождается в нем. Данная антиномия обозначается в самосознании человека. Антиномия свободы и необходимости, указанная в булгаковских текстах, связана с ограниченностью и относительностью человека. Можно выделить на основе булгаковских текстов антиномию Абсолютного и относительного и антиномию тварности¹³³. Решение данных антиномий возможно лишь в области трансцендентного. В труде «Невеста Агнца: о Богочеловечестве» русский философ развивает мысль о том, что мир сотворен Богом из ничего. Бог – не причина, а творец мира, а творчество предполагает личность. Творение – это самоопределение Бога в своем бытии¹³⁴. В работе «Свет невечерний» философ отмечает, что если Ничто представляет собой начальный элемент диалектического бытия, то Бог и мир равнозначно выступают производными от Ничто, это формы бытия. Между миром и Богом отсутствует пропасть. Диалектический подход, по С. Н. Булгакову, переносит Бога в мир имманентного. Бог – это не первооснова, так как эту первооснову можно найти у самого Бога, который рассматривается как один из моментов диалектического становления. В диалектическом становлении Бога и мира из Ничто можно выделить или двухступенчатую модель, или трехступенчатую модель¹³⁵. Соборность, выразимая в категории Ничто, выступает

---

¹³³ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.264.

¹³⁴ Булгаков С. Н. Невеста Агнца: о Богочеловечестве. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. С. 10, 11, 45, 57, 59.

¹³⁵ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 252, 269.

как отправной точкой, так и конечной целью становления. Соборность в религиозной социальности предполагает трансцендентность Бога к миру, к человеку. Данная ситуация ведет к тому, что Бог и человек максимально далеки друг от друга, Бог выносится «за скобки» мира и человека, Бог для человека – это и тайна, и пустота. Пустота, по Булгакову, в своей основе содержит возможность к «богообщению, богопереживанию, богобытию», становится возможной религия через полагание Бога вне себя и открытие Бога человеку¹³⁶. Бог и человек разделены. Религиозное сознание через религиозное откровение, основанное на жизненном религиозном опыте, направлено на познание Бога, присутствующего в трансцендентном измерении и открывающемся человеку в имени, слове, Боговоплощении¹³⁷. Философ рассматривает две формы трансцендентного. Это гносеологическая или относительная трансцендентность, которая возникает из-за ограниченности человеческого опыта. С. Н. Булгаков пишет, что имманентное имеет в себе ступени относительной трансцендентности, переходящей в имманентное. Такая форма трансцендентного доступна для рационального познания, которое целеполагается в познавательной деятельности человеком самостоятельно и им же осуществляется на основе «метода и необходимости». Вторая форма трансцендентного связана с его сущностной характеристикой. Такую трансцендентность С. Н. Булгаков называет религиозной или сущностной трансцендентностью, которая не присуща имманентному, но, как пишет Булгаков, его «касается». Для рационального познания религиозная трансцендентность не доступна, но она открывается на «религиозном пути» через чудо, благодать и свободу, которые исходят от Бога¹³⁸. Вера в религиозной социальности, к которой человек приобщается в предельном отчаянии, определяется П. А. Флоренским как «живая вера». «Живая вера» дает возможность в акте интуиции, через отказ от самоутверждения, самозамкнутости приобщиться к трансцендентному Богу, достичь через свободный выбор, который человек осуществляет в ситуации недоверности, непроверяемости Истины соборного единства с Богом. Истина

---

¹³⁶ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.171.

¹³⁷ Там же. С. 40, 248, 250.

¹³⁸ Там же. С. 42, 43, 45.

равнозначна добру, силе, жизни, счастью. Напротив, отказ от «живой веры» приводит к умиранию вне Бога¹³⁹. В религиозной общине происходит обозначенный Н. А. Бердяевым перенос соборности в трансцендентную, божественную сферу без реального воплощения ее в человеческой жизни. По В. И. Иванову у Н. А. Бердяева присутствует описание «религиозного трансцендентизма»¹⁴⁰. Согласно С. Л. Франку, религиозная социальность предполагала идею «Царства Божия» как идею о трансцендентном¹⁴¹. Несчастье человека в том, что он ощущает себя в мире скитальцем. Скиталец-изгнанник – ощущение человеком себя в мире. Соборность, Бог выносятся в мир трансцендентного¹⁴². Может возникнуть вера-доверие, которая основана на непосредственном приходе к Богу¹⁴³. Оставаясь в традиции рассмотрения развития личности в разных типах социальности или общественности в свете становления различных форм религиозности, С. Л. Франк обращается к диалектическому рассмотрению вопроса и обозначает «диалектику нераздельно-неслиянного» двуединства богочеловечности человека¹⁴⁴. По С. Л. Франку, выделяемую нами религиозную социальность мы можем проследить начиная с Античности, где присутствовала разделенность человека и Бога, постулировалась полная трансцендентность Бога. Диалектика становления религиозной социальности проявлялась в уменьшении расстояния между Богом и человеком, но присутствовала идея инородности Бога и человека, находящегося в покаянии и смирении¹⁴⁵. Возникает также приземленное понимание христианского дела, утрата эсхатологического мироощущения¹⁴⁶.

Трансцендентное основание свободы также выступает одним из важных параметров данной формы соборности символично-социально-онтологического

---

¹³⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С.68.

¹⁴⁰ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 355.

¹⁴¹ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 76.

¹⁴² Там же. С. 81, 86.

¹⁴³ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 22.

¹⁴⁴ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 211.

¹⁴⁵ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 205.

¹⁴⁶ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 136.

этапа развития идеи соборности в русской религиозной философии. С. Н. Булгаков отмечает, что в религиозной социальности свобода присутствует в трансцендентном Боге, свободном от всякой социальности¹⁴⁷. Таким образом, религиозная социальность в аскетической теократии Средневековья не может определяться через свободное действие. Свобода в религиозной социальности аскетического теократизма приходит к статусу «свободы церкви», а не к свободе в церкви. Постулируется трансцендентная основа свободы, поэтому она не может быть ограничена никакими имманентными требованиями. Идеал средневековой теократии – «монашеское послушание», подчинение свободной воли церкви, «добровольное рабство» в Церкви¹⁴⁸. С точки зрения ряда исследователей в центре рассмотрения С. Н. Булгакова находится свободная личность¹⁴⁹. Размышляя о свободе выбора, С. Л. Франк говорит о том, что нужно отделять онтологическую необходимость от эмпирической необходимости. Соборность под воздействием эмпирических фактов может по-разному актуализоваться в действительности. От этого качественно онтологически необходимое не изменяется, но вариативными становятся степени ее актуализации, в том числе и в общественном бытии. Соборность мы склонны рассматривать как ненарушаемый закон общественной жизни, который выступает определяющим фактором ее развития, но эмпирические закономерности, подчас, влияют на отрицательное возникновение соборности в общественности¹⁵⁰.

В описании религиозной социальности прослеживается апофатическая и платоновская традиция, что выступает одним из параметров соборности религиозной социальности. В работе «Свет невечерний» С. Н. Булгаков раскрывает

¹⁴⁷ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.236.

¹⁴⁸ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.57, 58.

¹⁴⁹ Zwahlen R. M. Sergej Bulgakov's concept of human dignity // Alfons Brüning, Evert van der Zweerde (Hgs.). *Orthodox Christianity and Human Rights (= Eastern Christian Studies, vol. 13)*. Leuven. 2012. P. 169-186. Zwahlen, R. M. Different concepts of personality: Nikolaj Berdjaev and Sergej Bulgakov. *Studies in East European Thought*. November 2012. 64 (3-4) P. 183-204; Цвален Р. Спутники по разным путям: Николая Бердяев и Сергей Булгаков // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 9 (2008-2009)*. М.: Издат. дом «Регнум», 2012; Zwahlen R. M. Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjaev und Sergej Bulgakov. *Das normative Menschenbild // der russischen Philosophie (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2)* A. Haardt, N. Plotnikov (Hgs.). Munster: LIT, 2011. P. 53-60.

¹⁵⁰ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 43, 44.

значение соборности в религиозной социальности через концепции отрицательного и положительного богословия, основанного на религиозном индивидуализме, которые русский философ рассматривает как «диалектический момент» религиозной философии¹⁵¹. В отрицательном богословии и религиозном индивидуализме положительного богословия отрицаются догмат и миф, в связи с личным опытом пути к Богу, непосредственным богопознанием. С. Н. Булгаков отмечает диалектические моменты в становлении форм богопознания¹⁵². Основные черты религиозной социальности находят свое выражение в положениях отрицательного богословия¹⁵³. Истоки отрицательного богословия С. Н. Булгаков находит в философии Платона¹⁵⁴. Через рецепцию текстов античных и средневековых авторов: Плотина, Оригена, Василия Великого, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Григория Паламы, Николая Кузанского – С. Н. Булгаков определяет теоретические основания религиозной социальности и обозначает ее основные параметры: апокалиптичность, индивидуальное богопостижение, трансцендентное понимание Бога, видение собственного пребывания в соборном единстве с Богом исключительно в сфере трансцендентного¹⁵⁵. С. Л. Франк обращается к философии Платона, восточных отцов церкви, которая актуальна и в современном поле философских исследований¹⁵⁶, для описания характеристик религиозной социальности. Он пишет о состоянии Богочеловеческом как о событии или прожитии, обладающем онтологической основой.

---

¹⁵¹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 172.

¹⁵² Там же. С. 172.

¹⁵³ Тонковидова А. В. Концепт соборности в философии С. Н. Булгакова как теоретическое основание религиозной социальности в постсекулярном обществе. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4(42). С. 87-92.

¹⁵⁴ Тонковидова А. В. С. Н. Булгаков: рецепция философии Платона в русской религиозной философии // XXIX научная конференция "Универсум Платоновской мысли": "Рациональная теология в платонизме": Сборник материалов, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2021 года. – Санкт-Петербург: Межрегиональная общественная организация содействия изучению и распространению философского наследия Платона "Платоновское философское общество", 2021. С. 242-251.

¹⁵⁵ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 175, 182, 185, 186, 188, 190-192, 195, 197, 199, 202, 203, 361.

¹⁵⁶ Кириллов А. А. Между богословием и философией: авторские полемики вокруг византийской традиции в постсекулярном контексте // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45, № 4. С. 593-603.

Существенным параметром, свидетельствующем о развитии религиозной социальности как формы соборности, выступают противоречия внутри самого христианства. С. Н. Булгаков указывает, что «истины христианства раскрываются диалектически», в историческом процессе, который, на наш взгляд, определяется в виде тезиса диалектической триады развития категории «социальность» в религиозной социальности¹⁵⁷. Диалектическое противоречие, приводящее трансцендентное значение соборности к имманентному, возникает в религиозной социальности средневекового теократического аскетизма, где абсолютизируется роль церкви, которую С. Н. Булгаков определяет термином «церковь-храм», показывая ее статику, сверхдогматизм. Соборность в средневековом теократическом аскетизме становилась, по словам С. Н. Булгакова, «единством пустоты», «формальным единством», базирующимся на насильственной дисциплине клерикализма. Идеал католической теократии основан на «измене завету Христа», на «насильственной святости», вооружении церкви «броней, латами и мечом», что стало ее догматом. Реализация идеала предполагает подчинение всего мира Христу, наместником которого на земле был Папа Римский, что, на наш взгляд, означает утрату органической соборности и ее замену на церковную, которая является противоположным полюсом соборности. В религиозной социальности реформации произошло отрицание «теократического идеала принудительной церковности» и стал возможен переход к идеалам, основанным на концептах свободной личности и свободной религиозной совести¹⁵⁸. Диалектика прослеживается во взаимообусловленности трансцендентного и имманентного, в их диалектическом противоречивом единстве, которое приводит к становлению идеи соборности. С. Н. Булгаков противопоставляет соборность и массовость, говоря, что соборность, находящая трансцендентное основание, – это единство индивидуальностей, личностей в едином церковном. В религиозной социальности аскетического теократизма Средневековья соборность – это единство церкви и членов церкви, которые рассматривались не как свободные

---

¹⁵⁷ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 188.

¹⁵⁸ Там же. С. 192, 193, 198, 202, 207.

личности, а как ее орудия. Универсализм аскетического теократизма Средневековья заслонял и подавлял живую, натуральную личность¹⁵⁹. Противоположность между религиозной социальностью и светской социальностью – религиозная¹⁶⁰. Но, одновременно с этим, именно религия в разных своих проявлениях лежит в основании и религиозной социальности, и светской социальности. Соборное единение определяется в соборном самосознании церкви. Социальная идентичность, которая может быть нами изучена как сформированная единым церковным опытом, возникает в религиозной социальности вследствие существования цельного церковного опыта, «многообразия форм единой церковности». В католической религиозной социальности присутствует «определенность», «достоверность», «духовная клетка», соборность отождествляется с религиозной анархией¹⁶¹. В работе Д. Хеаз делается попытка концептуализации соборности и отмечается, что в текстах С. Н. Булгакова происходит отход от кантианства¹⁶², влияние которого подтверждается и Б. Галлахером¹⁶³. Онтологическим основанием религиозной социальности выступает идеал, проявляющийся в соборности, основанный на религии и находящий свое проявление в требованиях «социальной совести», которые устанавливают непосредственную связь человека с Богом, воплощаясь в религии. Саратовская школа философии в лице В. Г. Косыхина и С. М. Малкиной отмечает важность изучения исторической онтологии для понимания онтологической проблематики в целом¹⁶⁴. Идеал религиозной социальности – это и «голое отрицание мира» в первохристианстве¹⁶⁵ и «теократический идеал» – это Царство Божие на земле, средство реализации которого – папская теократия Средних

¹⁵⁹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 61.

¹⁶⁰ Там же. С. 341.

¹⁶¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 116, 118, 122, 124.

¹⁶² Heath J. On Sergii Bulgakov's *The Tragedy of Philosophy**. *Modern Theology*. 10.1111/moth.12676. URL: https://www.researchgate.net/publication/348775762_On_Sergii_Bulgakov's_The_Tragedy_of_Philosophy.

¹⁶³ Gallaher B. A Supertemporal Continuum': Christocentric Trinity and the Dialectical Reenvisioning of Divine Freedom in Bulgakov and Barth. *Correlating Sobornost: Conversations between Karl Barth and the Russian Orthodox Tradition*. Minneapolis: Augsburg Fortress, Publishers, 2016, pp. 95–134. DOI: 10.2307/j.ctt17mcrxw.10.

¹⁶⁴ Косыхин В. Г., Малкина С. М. Метафизика и реализм: контексты возвращения. // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58. № 2. С. 222.

¹⁶⁵ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.264.

веков¹⁶⁶. В качестве параметра религиозной социальности мы можем определить идеи исключительности, религиозного моноидеизма. В работе Н. А. Бердяева «Два понимания христианства» (1926) можно выделить описание соборности в религиозной социальности. Присутствует два типа религиозной общины: раннее христианство и историческое христианство. Бердяев выделяет и два вида христианства: подлинное христианство, основанное на истине не объективированной и не социализированной, и историческое христианство с противоположными характеристиками истины¹⁶⁷. В церковном сообществе раннего христианства соборность определяется универсализмом единого христианского человечества, утраченного с переходом к индивидуализму в реформации, ведущей к атомизации, национальной изоляции¹⁶⁸. В раннем христианстве соборность определялась в церковном сообществе через «обожествление», мистическую любовь, «просвещение», «преображение», «самоотверженность», «отрешенность», «творческое состояние духа», преодоление «замкнутости»¹⁶⁹. В духовной жизни религиозной общины исторического христианства возникают противоречия из-за самозамкнутости и ухода от присутствия веры в «Бога живого»¹⁷⁰. Духовность в церковном сообществе определяется как «символическая, условная, риторическая»¹⁷¹. Н. А. Бердяев определяет историческое христианство как идолопоклонство с рабским представлением Бога, говорящего о своей печальной судьбе как религии воскресения и избавления¹⁷². С точки зрения Н. А. Бердяева, противоречия религиозной общины связаны с представлением о Боге, которое исходит не из духовного опыта, а из ограниченного, объективированного опыта как природного, так и социального, что привело к сокращению взаимоотношений между Богом и человеком. Человек, в этом случае, распространяет на Бога отношения

¹⁶⁶ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.187.

¹⁶⁷ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 58.

¹⁶⁸ Бердяев Н. А. Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 25, 26.

¹⁶⁹ Бердяев Н. А. Избранные философские сочинения 1920-х гг.: сборник научных трудов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С.153, 154.

¹⁷⁰ Бердяев Н. А. Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 26.

¹⁷¹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С.146.

¹⁷² Там же. С. 8.

господства¹⁷³. В религиозной общине можно найти «судебное понимание» христианства в католицизме, кальвинизме и монашестве. Освящение свободы происходит в рамках судебного понимания христианства¹⁷⁴. Есть социальные образы Бога: «господин», «царь», «отец», но теодицея становится невозможной в рамках обозначенного понимания Бога, что приводит к отрицанию идеи Бога и переходу к светскому обществу. Тайна и божественный кенозис отрицаются, что можно определить как в светских, так и в религиозных сообществах. Объективация откровения происходит через догму, которая, по Н. А. Бердяеву, закрывает Бога от человека и отбрасывает его назад к аристотелизму и рациональному пониманию Бога. Отказ от эсхатологической природы раннего христианства, переход к историчности, авторитаризму и догматизму приводит к замене идеи Царства Божия идеей Церкви¹⁷⁵. Ошибка религиозной общественности – попытка создать новую общественность из старой¹⁷⁶. Соборность может быть выражена диалектически в религиозной общественности, которая определяется понятием «церковь», где церковь пытается получить внешнюю власть над общественностью, в том числе и государственностью. В религиозной общественности находятся в диалектическом противоборстве два начала: «я» и «он», подменяющее «ты»¹⁷⁷. С. Л. Франк пишет о разной степени проявленности соборности в социальности, что позволяет говорить о двойственности между соборностью и общественностью¹⁷⁸, то есть в равной степени в обществе могут существовать и социальный атомизм, и универсализм. С. Л. Франк разделяет органичность и организацию. В общественности может быть как организация (механическая), так и органичное внутреннее единство (или «соборность»)¹⁷⁹. Все формы социальной организации являются внешним свидетельством внутреннего соборного единства, или

¹⁷³ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 11, 12.

¹⁷⁴ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 62.

¹⁷⁵ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 11, 12, 13, 21, 26, 27, 29.

¹⁷⁶ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 497.

¹⁷⁷ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 167.

¹⁷⁸ Там же. С. 85.

¹⁷⁹ Там же. С.88.

соборности¹⁸⁰. В текстах П. А. Флоренского мы также находим описание религиозной социальности, раскрывающейся диалектически через противоречивое единство и борьбу соборности и лжесоборности, свободы и греха, религиозного сознания и лжерелигиозного сознания¹⁸¹. Каждый живой слой диалектики показывает рост, живость и возрастание соборного единства. Нахождение диалектических оснований в работах Флоренского предполагает определение уровней диалектического раскрытия соборности в социальности диалектической триады¹⁸². Диалектику мы также можем увидеть у С. Л. Франка в его утверждении, что идея сродства человека с Богом, идея святости человека Средневековья были развиты в эпоху Возрождения через отрицание Бога¹⁸³. Отход от традиции платонизма С. Л. Франк усматривает в формулировках Фомы Аквинского, который в своей теории упрочил статус человека в мире имманентном и утверждал, что сущность человека можно открыть в мире имманентном¹⁸⁴. Трансцендентность Бога мыслится в этом случае исключительно рационально, что приводит к утрате Богочеловечности. Церковь же, уходя на основании данного подхода от первохристианства к историческому христианству, продвигает свою божественность и развивает идею о соборном человеческом начале, но уже в лице церкви. Соборность становится имманентна миру в образе церкви¹⁸⁵, Бог трансцендентен. Диалектическое противоречие обозначилось в появлении кальвинизма с творческой активностью человека¹⁸⁶. Данное противоречие берет свое начало в позиции, отвергающей родство между человеком и Богом, которую выразил Фома Аквинский. При утверждении трансцендентности Бога мы теряем человечность религии, и, по С. Л. Франку, в историческом христианстве

¹⁸⁰ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 89.

¹⁸¹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 133.

¹⁸² Tonkovidova A., Boyko P. E. S. N. Bulgakov and P. Florensky: Dialectics of Sobornost. Journal for the Study of Religions and Ideologies. 2021. Vol. 20. No 58. P. 112-128.; Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность в философии П. Флоренского и С. Н. Булгакова: диалектический подход. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 2. С. 166-179.

¹⁸³ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 217.

¹⁸⁴ Там же. С. 214.

¹⁸⁵ Там же. С. 211.

¹⁸⁶ Там же. С. 211, 212.

продолжает действовать мотив богочеловечности, святости человека. При всем при этом присутствует момент «избранности»¹⁸⁷.

Находясь в традиции русской религиозной философии, мы понимаем соборность как социальность и под религиозной социальностью подразумеваем диалектический этап становления социальности, форму соборности, включаемую нами в социально-онтологический уровень двухуровневой концептуальной модели соборности, или взаимные отношения человека, общества, Церкви и Бога, обладающие характером незавершенности, в которых и возникает личность религиозной социальности, находящаяся в определенной исторической ситуации. Достижение соборности переносится в сферу трансцендентного, Божественного, в социальной действительности определяющим выступает момент разделенности мира имманентного (человека, общества, церкви) и божественного, трансцендентного. При общей устремленности религиозной социальности в мир трансцендентного, ее эсхатологичности, большую роль приобретают религия и церковь, которые рассматриваются как необходимое условие достижения соборного единства, пусть и в сфере трансцендентного, вне истории, через индивидуальное прихождение в сферу божественного.

Изучив становление соборности в религиозной социальности, мы определили, что ее существенной характеристикой (чертой) выступает раскрытие в трансцендентном мире божественного. Данную особенность соборности в религиозной социальности мы прослеживаем в русской религиозной философии первой половины XX века. Трансцендентное звучание опыта в религиозной культуре отмечается и О. А. Жуковой¹⁸⁸.

В работах С. Н. Булгакова в традиции В. С. Соловьева выделяются два типа христианства – первохристианство и историческое христианство. По С. Н. Булгакову, в религиозной социальности первохристианства свобода присутствует в трансцендентном Боге. Человек стремится достичь состояния

---

¹⁸⁷ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 216, 225, 226.

¹⁸⁸ Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. С. 68.

соборности с Богом в трансцендентном, но и в этой ситуации одновременно стать свободным. Н. А. Бердяев следует в этом вопросе традиции В. С. Соловьева, выделяя два типа религиозной социальности: первохристианство и историческое христианство. Первохристианство определяется в несоциализированной истине, в универсализме единого христианства. Переход к индивидуализму связан с реформацией. В первохристианстве, по Н. А. Бердяеву, присутствуют мистическая любовь, преодоление замкнутости, преображение, эсхатологизм. В историческом христианстве появляется самозамкнутость, представления о Боге ограничиваются объективированным опытом, историчностью, авторитаризмом и догматизмом, возникновением социальных образов Бога, непосредственность стирается судебным пониманием христианства. Невозможность теодицеи приводит к невозможности оправдания Бога и дальнейшему отрицанию Бога в светскости. Историческое христианство в попытке построить Царство Бога на земле вступает в противоречие с первохристианством в понимании трансцендентного. Бог не отрицается, но значимость мира имманентного возрастает в лице папской теократии и, в итоге, делает возможной ситуацию построения Царства Бога на земле без самого Бога, который отрицается в мире трансцендентном и заменяется Человекобогом. Свобода утрачивается в социальном взаимодействии. Религиозная социальность, по Н. А. Бердяеву, основана на спасении. С. Л. Франк также проводит разделение первохристианства и исторического христианства. В историческом христианстве идея святости человека была вытеснена идеей ничтожества человека, возникает идея инородности Бога и человека, который находится в состоянии смирения. При замыкании соборности в сфере трансцендентного утрачиваются уверенность в познании Бога, вера в попытки создания Царства Бога на земле. Происходит утрата эсхатологического мироощущения. У С. Л. Франка мы встречаем обозначение противоречий в религиозной социальности через противоборство понятий «я» и «он». П. А. Флоренский глубоко не изучает вопрос типов религиозной социальности, обращая свой взор прежде всего на религиозную социальность первохристианства. Развитие религиозной социальности прослеживается на основании изучения

текстов авторов в диалектическом противоречии внутри самой религиозной социальности между первохристианством и историческим христианством, что делает возможным становление светской социальности. В историческом христианстве сущность человека определяется миром имманентным через удаление от платонизма, Церковь становится сама божественной в мире имманентном, соборное начало понимается как соборность в Церкви, вне трансцендентного. Уже С. Н. Булгаков определяет общую черту религиозной социальности и светской социальности, которая состоит в отсутствии положительных и эффективных программ социальных преобразований. В текстах С. Н. Булгакова как раз и прослеживаются основные противоречия, или антиномии, лежащие в основании развития трансцендентного и имманентного, времени и временности, свободы и необходимости, абсолютного и относительного, тварности. В текстах авторов раскрывается значение трансцендентного. С. Н. Булгаков определяет ряд форм трансцендентного, из которых высшей формой выступает религиозная трансцендентность. У Л. П. Карсавина, который также описывает религиозный тип социальности, выделяются антиномии личной религиозности. При описании религиозной социальности мы наблюдаем у С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского рецепцию Платона и пребывание в платоновской традиции. У С. Л. Франка мы также можем найти рецепцию Платона, когда он рассматривает состояние Богочеловечества. Если П. А. Флоренский применяет к диалектической форме единства Бога и человека понятие «двоица», то С. Л. Франк пишет о «диалектике нераздельно-неслиянного» двуединства. Религиозную социальность сопровождает присутствие в мире конкретно-идеальных начал, творимых Абсолютным. Противоречия связаны с прихождением Абсолютного в мир индивидуального бытия. Путь познания трансцендентного, по С. Н. Булгакову, – чудо, благодать, свобода. Познание трансцендентного, прежде всего, зависит от Бога. Человек проходит путь к Богу индивидуально, лишь «касаясь» мира имманентного в первохристианстве. В историческом христианстве – это положительное богословие и религиозный индивидуализм, которые закрывают от человека соборность. П. А. Флоренский определял путь познания

соборности через символику и непосредственно в живом опыте, в акте «разумной интуиции», в «живой вере» достижения соборности с Богом в трансцендентном. У Н. А. Бердяева познание Бога возможно в духовном опыте, в вере в «живого Бога» первохристианства. В историческом христианстве догма закрывает от человека Бога. По Н.А. Бердяеву, христианство возникло и существовало в чуждой ему общности. Общественное устройство не предполагало творчества. С. Л. Франк выделяет «живое знание» как путь познания Бога в трансцендентном через «веру-доверие». С. Л. Франк в историческом христианстве выделяет «веру-достоверность». По С. Н. Булгакову, религиозная социальность внеисторична и эсхатологична, нет погруженности в исторический процесс. Смысл истории – в окончании истории. П. А. Флоренский, как и С. Н. Булгаков, определяет надвременность религиозной социальности первохристианства, ее устремленность в вечность. Н. А. Бердяев также выделяет эсхатологизм раннехристианских общин и уход от него в историческом христианстве, что приводит к идее Царства Божия на земле. С. Л. Франк также отмечает внеисторизм и вневременность религиозной социальности первохристианства. Он описывает историю как сверхвременное выражение человеческого духа и вводит понятие «конкретно-сверхвременное» бытие, которое выступает единством временного и вневременно-общего. Автор определяет именно понимание Бога как трансцендентного причиной того, что вера в него утрачивается. По С. Л. Франку, в религиозной социальности исторического христианства возникает идея инородности Бога и человека, который находится в состоянии смирения.

В религиозной социальности культурные артефакты имманентного мира не вызывают эстетического чувства, эстетическое стирается религиозным¹⁸⁹. Значение науки обесценивается, что приводит, по словам С. Н. Булгакова, к «обскурантизму»¹⁹⁰. В религиозной социальности должна быть установлена «аскетически контролируемая культура», которой соответствует внутренняя

¹⁸⁹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 267.

¹⁹⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 197.

регуляция¹⁹¹. Этот идеал аскетической культуры наделяется такой характеристикой как «единство высшей цели», соборное единство, именно это и дает возможность раскрыться религиозной личности человека. В религиозной социальности реформации оправдывалась секуляризация культуры¹⁹².

Именно противоречие трансцендентного и имманентного, невозможность его разрешения в религиозной социальности приводит к светскости. Противоречие имманентного и трансцендентного состоит в том, что индивидуальное, опытное прихождение к Богу, устремленность в трансцендентное и к трансцендентному, закрывается соединением с Богом в сфере трансцендентного, и соборность постулируется лишь как возможность. В данном случае упомянем, что С. Л. Франк пишет, что соборность – не просто идея (мира трансцендентного, Божественного), а соборность должна быть реализована в социальности. Но попытки реализации соборности в социальности опосредованно, в Церкви, не дали положительных результатов, вследствие чего стал возможен переход к светскости.

В результате концептуализации взглядов религиозных философов первой половины XX века нами выделяются целеполагающие параметры достижения соборности, соответствующие изучаемой форме соборности: трансцендентное понимание Бога и возможности достижения соборности в трансцендентном, прожитие соборности в едином непосредственном опыте повседневности, индивидуальное богопознание и индивидуальный критерий истины, трансцендентное основание свободы, эсхатологичность, внеисторическое мироощущение, апофатическая и платоновская традиция, противоречия внутри самого христианства (первохристианство – историческое христианство), противоречивый характер личной религиозности, легковерие.

Здесь важно отметить, что и символист В. И. Иванов разделяет религиозную общественность с «потусторонними надеждами», настроенную на достижение Богочеловеческого состояния, трансцендентно ориентированную, и церковную социальность, окрашенную героизмом, прослеживающимся в попытках построить

---

¹⁹¹ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. С. 219.

¹⁹² Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 200.

Царство Бога на земле. Интересно, что В. И. Иванов распространяет символику героизма на религиозную социальность¹⁹³. Причину перехода от религиозности к светскости, от христианства к гуманизму он связывает в работе «Змея меняет кожу» в разделе «Гуманизм и христианство» именно с обозначенными противоречиями внутри христианства.

§ 1.3. Интерпретация соборности «вне Бога», в имманентном мире: светский тип социальности

Находя основания в определении соборности светской социальности в работах В. С. Соловьева, где прослеживаем социально-онтологический аспект в отношении рассмотрения идеи соборности, мы обращаемся к текстам русских религиозных философов первой половины XX века. Светская социальность рассматривается с опорой на булгаковскую философию, раскрытую в работах «Два града», «Свет невечерний». Она прослеживается в языческой теократии¹⁹⁴, гуманистической теократии, где, на наш взгляд, соборность вынесена в мир имманентного и происходит вытеснение религиозной социальности. Институт церкви в светской социальности утрачивает свою устойчивость. Происходит разделение общества на две части, на два полюса, которые находятся в противоречии, по отношению к церкви, к религии¹⁹⁵. В текстах С. Л. Франка «Духовные основы общества», «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» обозначен диалектический процесс перехода от соборности в религиозной социальности к соборности в светской социальности ввиду диалектического противоречия мнимого «оцерковления мира, приводящего к обмирщению церкви», что становится причиной отрицания религиозности¹⁹⁶.

¹⁹³ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 108.

¹⁹⁴ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 629, 634.

¹⁹⁵ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 316, 317.

¹⁹⁶ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 170.

Целеполагающим параметром светской социальности как формы соборности нами определяется на основе философских текстов символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности отказ от трансцендентного, имманентизм. В светской социальности можно увидеть отрицание трансцендентного, божественного, их закрывает, выходя на первый план, социальное, имманентное. П. А. Флоренский в работе «Около Хомякова (Критические заметки)» дает определение имманентизму, отмечая, что он «есть замысел человечества из себя, вне и помимо Бога воссоздать из ничего всякую реальность, и в особенности реальность святыни, – воссоздать во всех смыслах, начиная от построения понятий и кончая духовною реальностью»¹⁹⁷. Качество имманентности распространяется и на идею соборности в светском типе социальности. А. А. Гапоненков отмечает, что панентеизм в философии Франка заключал до конца не решенную проблему имманентности Бога в творении и трансцендентности Бога миру¹⁹⁸. На основе изучения писем Н. А. Бердяева и С. Л. Франка отмечается существенное различие в их философских взглядах, которое состоит в том, что «Франк, как известно, создал философскую систему антиномистического монодуализма, искал пути примирения противоречий и борющихся сторон в мире, богочеловечности, “я-ты”-отношений в их укорененности в Боге, что не соответствовало экзистенциально-персоналистической установке Н. А. Бердяева»¹⁹⁹. На уровне светской социальности человеку присуща имманентная религиозность, «народ естественно религиозен», но внешне он обуславливается, определяется вне религии, склоняется социальными нормами к атеизму²⁰⁰. В светской социальности присутствует «ложный идеал»²⁰¹ в развитии личности. Общественный идеал заслоняет собой

¹⁹⁷ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1996. С. 294.

¹⁹⁸ Гапоненков А. А. Религиозная философия Вл. С. Соловьева в рецепции С. Л. Франка // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 108.

¹⁹⁹ Гапоненков А. А. Эпистолярный диалог С. Л. Франка и Н. А. Бердяева // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 123.

²⁰⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 329.

²⁰¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 296.

«идейность», идеологию, приводящую общество к религиозной розни, религиозному фанатизму как следствию агитации²⁰².

В светской публике через отрицание символизма происходит разделение Бога и человека. К. М. Антоновым отмечается, что именно посредством символов возникает мост между трансцендентальным и эмпирическим человеком²⁰³. Человек может принадлежать к сферам спасения и творчества, религиозности и светскости. Противоречие возникает из-за несоответствия в нем религиозного и светского²⁰⁴. Для Н. А. Бердяева светское общество выступает как «забытое Богом», «коллективистская эпоха», которая связана с социализацией и коллективизацией экономики, политики, совести, мысли, творчества и возникновением коллективного сознания²⁰⁵. Н. А. Бердяев отмечает, что во всех формах общественного светского устройства, в религиозной общественности возникает кризис в связи с тем, что это формы общественности, где нет творчества и нет свободы, называя их «ветхая общественность»²⁰⁶.

Одновременно с этим, в основе всех смыслов жизни лежит «глубокое и верное, хотя и смутное, религиозное чувство»²⁰⁷. Но при данном миропонимании возникает проблема: или мир имеет смысл, или всё смысла не имеет в статусе имманентности. В светском обществе возникают черты, обусловленные проникновением христианских истин, и неверующие в нем, живущие по христианским принципам, – верующие²⁰⁸. Таким образом, соборность светской социальности обладает противоречивым характером. Присутствует вытеснение трансцендентных ценностей из поля социальной реальности. Согласно С. Н. Булгакову, в имманентной истории цель истории недостижима; есть только

²⁰² Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 430.

²⁰³ Антонов К. М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н. А. Бердяева // Философия религии: анализ. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2019. Т. 3. № 1. С. 66-67.

²⁰⁴ Бердяев Н. А. Избранные философские сочинения 1920-х гг. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 140.

²⁰⁵ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 78.

²⁰⁶ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 481.

²⁰⁷ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 23.

²⁰⁸ Там же. С. 273, 275.

приближение к «плохой бесконечности», к формированию рационализованного и механизированного общества²⁰⁹.

Важным параметром светской социальности выступает потеря свободы. Исходя из текстов выдающегося русского философа Н. А. Бердяева («Смысл творчества», «Новое Средневековье», «Царство духа и царство Кесаря», «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»), при обращении к рассмотрению такой формы соборности, как светская социальность, мы сталкиваемся с «негативной фазой» становления соборности в человеческом существовании, связанной, в том числе, с потерей свободы²¹⁰. О. Ф. Филимонова, изучая современную светскую социальность, отмечает, что в ее лоне возникают угрозы для самого ее существования. Определяемая светская социальность «вовлекается в небезопасное метрическое пространство культуры контроля», свобода утрачивается и расширяется принцип «ограниченных возможностей»²¹¹. Свободный выбор ограничивается, но потенциальная возможность его реализации в светской социальности не утрачивается. С. Н. Булгаков отмечает, что возможно допущение того факта, что люди обладают свободной волей, но при обусловленности культурным воздействием у свободной воли утрачивается способность вносить какие-либо изменения или дополнения в «догматы религии человекобожества»²¹². Социальная идеология светской социальности определяется антиномичными характеристиками, приводящими к зыбкости, неустойчивости ценностных максимумов, которые личность может рассматривать как ориентир в своей деятельности. Происходит возникновение инвариантных теорий общественного развития, политического устройства. Данная ситуация приводит к тому, что тождественные события, понятия получают различные определения, вследствие чего ценности светской социальности релятивны и многозначны. В данном значении соборности возрастает роль и эффективность пропагандистской работы в

---

²⁰⁹ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 192.

²¹⁰ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря М.: Директ-Медиа, 2008. С.45.

²¹¹ Филимонова О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 3. С. 301, 302.

²¹² Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 282.

распространении зачастую ложных ценностных установок, нивелирующих, вытесняющих традиционные ценности. Векторы деятельности определяются, задаются идеологическими факторами. Предубеждения занимают место ценностей, теоретическая формулировка которых затруднительна в связи с действием индивидуального критерия по их установлению и определению.

Идея Человечествобожия рассматривается нами как целеполагающий параметр соборности в форме светской социальности. Бога заменяет человек, но, по мнению С. Н. Булгакова, в светской социальности религиозность сохраняется, определяясь в социальных практиках через такие свои стороны, как любовь к ближнему или альтруизм, вера в божественность человека, которая свойственна религиозной социальности и перешла в обожествление самого человека в светской социальности²¹³. Но в данном убеждении, свойственном светской социальности, заложено противоречие, связанное с космологической антиномией, выделенной С. Н. Булгаковым, и антиномией времени и временности. У «коллективной личности» формируется стойкое убеждение, даже уверенность, что в своем целом, в светской социальности человек самодовлеющий и разумен, автономен и прекрасен. При этом одновременно с этими свойствами человек должен обладать еще одним качеством: бессмертием. Но созданный человеком Бог смертен и в целом, и в своих отдельных актуализациях, конкретных жизнях. Данное миропонимание может привести к переходу от обожествления человечества к крайнему индивидуализму и к нигилистическому индивидуализму «жизни в свободе полной пустоты», ставшей возможной после отрицания религиозной санкции морали в светской социальности. К. Лёвит исследует в своей работе проблему возникновения из глубины христианского мирозерцания «секулярного» типа мировоззрения, во многом нигилистического мировоззрения и миропонимания, в том числе и истории²¹⁴. В светской социальности устойчивым становится мнение, что посредством внешних по отношению к личности преобразований будет достигнуто

---

²¹³ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 417.

²¹⁴ Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории (Политическая теология). Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2021. 514 с.

оптимальное социальное устройство²¹⁵. Но данный подход определяет человека, его личность, за пределами самой личности. Булгаков употребляет в этом случае такое высказывание по отношению к «коллективной личности» на уровне светской социальности, как «выход из себя вовне», нахождение вне дома, не наедине с собою, устранение «внутреннего человека». Сознание «коллективной личности» можно сравнить с калейдоскопом внешних впечатлений, иллюзий, убеждений, прежде всего, политических и социальных. Обращенность же в глубину сознания может обнаружить зримую пустоту его содержания²¹⁶. Важный аспект мы можем отметить в настоящее время при описании светской социальности на основании работ М. О. Орлова и А. С. Гавриловой, которые отмечают в светской социальности идущий процесс «недосозревания личности» в связи с большим влиянием виртуальной среды, которая не в состоянии отразить всю глубину жизни человека, что ведет к препятствиям на пути помощи ближнему²¹⁷.

Личность превращается одновременно и в «безличный рефлекс экономических отношений», экономические маски закрывают истинное лицо человека, лишая его личности, умаляя ее значение через формирование «экономического человека», обладающего, на наш взгляд, типом «коллективной личности»²¹⁸. Обожествляясь, человек превращается в человекобога²¹⁹. Самообожествление человека базируется на отрицании трансцендентных ценностей и потустороннего мира²²⁰. Светская социальность в Античности прослеживается в создании культа императора в Риме, что приводит к возникновению религии человекобожия. Формируется социальная идеология. Философ противопоставляет светскую социальность и религиозную социальность, находя в них противоположные основания. Наибольшую духовную опасность в светской социальности С. Н. Булгаков видит в тотальной зависимости человека от языческой плоти, забвении Бога.

---

²¹⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.418.

²¹⁶ Там же. С. 420.

²¹⁷ Орлов М. О., Гаврилова А. С. Церковь, общество и человек перед вызовами цифровой социализации в современной России // Межрегиональные Пименовские чтения. 2021. Т. 18. № 18. С. 210.

²¹⁸ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 209, 338.

²¹⁹ Там же. С. 338.

²²⁰ Там же. С. 339.

Личности присуще душевно-телесное единство. В «коллективной личности» С. Н. Булгаков выделяет два начала: «социальная кожа» и «душа»²²¹. На наш взгляд, «социальная кожа» «коллективной личности» возникает в результате осознания себя обособленной личностью в социальной среде. Коллектив с его идеалом «солидарности» закрывает соборность. «Душа» же коллективной личности соборна²²². Возникновение и формирование человека происходит посредством религии, откуда образуется идеал «человека», или, другими словами, образец «гражданина» при отрицании самой религии светской социальностью²²³.

В гуманизме возникает новая тема – тема богочеловечества. В светской социальности, можно сказать, отрицается не Бог, а ложные представления о Боге самих людей, которые не могут принять Бога инкогнито в мире, стремясь к величию Бога и Богочеловека²²⁴. Н. А. Бердяев определяет человека как расщепленного, менее целостного, благодаря познанию соблазнов свободы и рабства свободы²²⁵. Для него характерно прохождение через сомнения и страдания²²⁶. Н. А. Бердяев вводит понятие «замученный человек», жизнь которого определяется страхом, скрывающим от него правду. Возникает конфликт страха и правды, морального регресса, эстетической восприимчивости²²⁷. Истина понимается утилитарно, действует утилитарный критерий полезности²²⁸. Необходимо пройти «страдание до смерти», чтобы перейти к «страданию ко спасению». Н. А. Бердяев пишет о диалектике в человеческой жизни страдания и радости, несчастья и счастья²²⁹. В светском обществе человека больше не может определять идея прогресса, поскольку она исчерпала себя, не уменьшая страданий человека, не гарантируя ему свободу от смерти и страха перед будущим. Избегание страдания происходит через включение человека в социальную группу,

²²¹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 339.

²²² Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 641.

²²³ Там же. С. 96.

²²⁴ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 19, 32.

²²⁵ Там же. С. 31.

²²⁶ Там же. С. 63.

²²⁷ Там же. С. 58, 66, 72.

²²⁸ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 51.

²²⁹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 82, 83.

безразличие, слияние с повседневной жизнью, сострадание к другому²³⁰. Нет отдельного добра и зла. Зло – диалектический момент добра. Зло предполагает духовную и социальную борьбу с ним; через зло открывается добро. Зло происходит от потери целостности и целостности. Добро в человеке – это его внутреннее единство, единство с духовным началом. Диалектика прослеживается у С. Л. Франка, когда он отмечает диалектический переход в виде «скачка» от «веры в Бога» к «вере в человека», который стал сам себя обожествлять. В измерении светской социальности формируется отрицание нераздельно-неслиянного двуединства богочеловеческого²³¹. С. Л. Франк отмечает, что в ситуации отрицания Бога вера у человека сохраняется, но при изменении объекта веры. По мнению философа, в безрелигиозном гуманизме присутствует явное противоречие: с одной стороны, мы видим человека, который наделяется безграничными возможностями, а с другой стороны, свою деятельность человек согласует либо с независимыми нравственными ценностями, либо с субъективными моральными правилами²³². В светской социальности идея Богочеловечности, соборности диалектически проявилась через восстание человека против Бога. Философ пишет, что в самой выделяемой нами светской социальности присутствует диалектическое становление человека, которое произошло через отрицание нераздельно-неслиянного богочеловеческого двуединства, установление разных форм гуманизма, отрицание человеческой личности, порабощение человека²³³.

Создание религий светского типа, или атеистических религий, но вместе с тем сохранение религиозности выделяется нами как основополагающий параметр соборности светской социальности. В светской социальности, после отрицания Бога и религии, можно на основании текстов С. Н. Булгакова выделить следующие виды религий: религия разума, религия человечества, религия социализма, религия чистой человечности, религия сверхчеловека. Данные религии основаны на

²³⁰ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 90, 91.

²³¹ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 219-220.

²³² Там же. С. 222.

²³³ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С.230.

догматах веры в прогресс, в разум, всесилье науки²³⁴. По мысли В. Ю. Даренского, «идеология социализма фактически заменяла религию, то есть становилась новой квазирелигией, отвечающей религиозной потребности человека, удовлетворяемой здесь искусственным суррогатом»²³⁵. Отрицая Спасителя, соборное человечество сохраняет уверенность в спасении. В вере в спасение через прогресс проявляется как раз идея соборности в светской социальности, отождествляясь с простым набором, чередованием поколений, личностей, где часть не может заменить собой целого. Даже если нет возможности спасения у каждого отдельного человека, отдельно взятого поколения, будущие поколения достигнут в единстве прогресса, отождествляемого со спасением. Человек, принеся в светской социальности в жертву прогрессу как социальному идеалу жизнь, свободу, покой, не сможет уйти от противоречий жизни (мрака, скорби, унижения и падения) вследствие того, что прогресс не устраняет смерть. Смерть уничтожает связь человечества, соборность²³⁶. Основываясь на взглядах С. Н. Булгакова, можно сделать вывод, что социализация происходит на основе религии²³⁷, а в ситуации коммуникации, общения формируется социальность²³⁸. Таким образом, религия как основа светской социальности делает возможным, на наш взгляд, само диалектическое становление категории «социальность» через противоречия, называемые С. Н. Булгаковым «антиномиями», содержащимися в ней. В светской социальности происходит обезличивание человека, между людьми возникают «обособленность, соревнование, вражда»²³⁹.

В светской социальности христианская вера подменяется атеизмом, который становится «общей верой» участников «интеллигентски-гуманистической церкви»,

²³⁴ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 413.

²³⁵ Даренский В. Ю. Русская философия о социализме как «религии ненависти». Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 221-236.

²³⁶ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.437.

²³⁷ Значение религии в социальном становлении личности отмечается в ряде работ современных исследователей: Вавилин В. В. С. Н. Булгаков о социализации личности как основе социального обновления Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 4. С. 45-50.; Oppong H. 2013. Religion and Identity. American International Journal of Contemporary Research 10-16. Vol. 3 No. 6. Accessed October 05, 2020.

²³⁸ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.96

²³⁹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.330

«гуманистической теократии»²⁴⁰. Атеизм (или, по Булгакову, «религия человекобожия»²⁴¹) не основан на сознательном свободном выборе, у «коллективной личности» в светской социальности он отсутствует, а на «наивной религиозной вере наизнанку», принимает догматические, воинствующие формы. Черты духа можно найти в атеистических учениях. Атеизм, по Н. А. Бердяеву, есть лишь «диалектический момент познания Бога»²⁴². Русский философ обозначает такую форму атеизма, как «страдающий атеизм», который можно рассматривать как форму религиозного опыта, и «злой атеизм» – бунт против ложных представлений о Боге. Светское сообщество основано на стремлении к религиозному объединению, универсальной духовной культуре через охват всех сфер общественной жизни, включая искусство, с религиозной искрой²⁴³. «Религиозного нейтралитета не существует», – считает Н. А. Бердяев, – религия «живого Бога» для религиозной общности противоположна «религии антихриста» или человека, который поставил себя на место Бога²⁴⁴. Н. А. Бердяев пишет о возврате к универсализму Средневековья, отходе от индивидуализма²⁴⁵. Ссылаясь на диалектический подход, Н. А. Бердяев отмечает, что через преодоление отрицательного возможен переход всего положительного на следующую ступень развития²⁴⁶. Эту эпоху философ называет эпохой универсализма²⁴⁷. Вещий огонь и мистицизм являются источниками диалектического перехода к соборности в религиозно-светском сообществе²⁴⁸.

С. Н. Булгаков выявляет, что вера в «гуманистической теократии» основана на не критических утверждениях, берущих основание в материализме Запада, критицизме, фейербаховом гуманизме, что приводит к «догматической спячке»²⁴⁹.

²⁴⁰ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С.276.

²⁴¹ Там же. С. 282.

²⁴² Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 18,19.

²⁴³ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 29, 32.

²⁴⁴ Там же. С. 13.

²⁴⁵ Там же. С. 17.

²⁴⁶ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 101.

²⁴⁷ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 18

²⁴⁸ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, С. 31.

²⁴⁹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 277.

За отправную точку отсчета принимается не «гуманистический индивидуализм», а «неоязыческий индивидуализм»²⁵⁰. В религии социализма обожествляется человек, а человеческий труд, в качестве начал социальной жизни, выступает единственным началом истории²⁵¹. В светской социальности человек лишается идеала личности в виде Бога через отказ от религии²⁵². В основе общества лежит принцип обособления каждого от каждого, массовость достигается путем координации, но не единства личностей. Возможно лишь внешнее обобществление²⁵³.

Религиозная природа светской социальности проявлялась в эсхатологическом учении светского типа, в котором говорится о социальном катаклизме, государстве будущего. Религия социализма базируется на догмате о преобразовании общества посредством социального переворота²⁵⁴. Отличительной чертой светской социальности, на наш взгляд, является обозначенная в булгаковском учении «множественность без единства», «целое только в абстракции»²⁵⁵.

Если социализм будет выступать как набор социальных норм, то в рамках светской социальности он станет средством для осуществления требований христианской этики. Мы в данной ситуации не можем найти полярность между светской и религиозной социальностями, но актуализуется противоречие между христианством и религией социализма или атеизмом, человекобожеством.

Государство определяется как важный параметр существования светской социальности. Оно понимается как отрицательный момент внутри диалектики понятия соборности²⁵⁶, то есть как отрицательный момент самой церкви или «лжецерковь». Светская социальность актуализуется в государственности, которую С. Н. Булгаков назвал «лжецерковью», а человечество, которое

²⁵⁰ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 280.

²⁵¹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 333, 334.

²⁵² Там же. С. 344.

²⁵³ Там же. С. 340.

²⁵⁴ Там же. С. 337.

²⁵⁵ Там же. С. 202, 204.

²⁵⁶ Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Диалектика соборности и государственности в работах С. Н. Булгакова и Л. П. Карсавина. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (38). С. 75-83.

организуется в государство, – это земной Бог²⁵⁷. Даже при наличии в светской социальности института церкви, он выступает внешним по отношению к личности, нет личного соприкосновения с массами²⁵⁸. У Л. П. Карсавина соборное единство проявляется противоречиво в светской социальности, отражением которой выступает государство. Карсавин отмечает, что мир – это становящаяся церковь, сама жизнь мира, даже отлучение от церкви открывает путь к самой церкви²⁵⁹. Как сама Церковь развивается, так и мир, развиваясь, стремится к церкви.

В государстве находит свое осуществление соборная личность, реализует задачи соборной личности даже в том случае, если государство «несовершенно и грешно»²⁶⁰. Можно сказать, что государство – средство реализации соборности в социальности. Философ подчеркивает, «что без государства было бы хуже»²⁶¹, обозначая духовно-идеологические основания русской власти²⁶². Карсавин справедливо полагает, что необходимо проводить четкое разделение государственного, приравниваемого к относительному благу, грешному, и церковного, или абсолютного блага, совершенного²⁶³. В светской социальности государство – это форма «самоорганизации греховного мира», оно должно стать церковным, чему должна способствовать деятельность Церкви²⁶⁴.

В светской социальности государство заменяет христианскую веру, идеалы «религиею человечества или коммунизма, оказывается самообожжающим»²⁶⁵. В самом отрицании Церкви государством в светской социальности Карсавин видит возможность религиозно-светской социальности в связи с тем, что государство выходит за рамки исключительно практической деятельности и остается потенциально церковным²⁶⁶. Государство должно выработать свою

²⁵⁷ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 635.

²⁵⁸ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 329.

²⁵⁹ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 403, 405, 406.

²⁶⁰ Там же. С. 416.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Первушина В. Н., Савушкин Л. М., Хуторной С. Н. Культурная матрица русской власти (духовно-идеологические основания). Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2018. № 4. С. 64-74.

²⁶³ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 417.

²⁶⁴ Там же. С. 423, 425.

²⁶⁵ Там же. С. 428.

²⁶⁶ Там же. С. 429.

государственную идеологию²⁶⁷. И эта идеология может быть основана на принципах соборности.

Светская общественность предполагает индивидуализм, который также нами вносится в перечень целеполагающих параметров соборного единства светского типа социальности концептуальной модели соборности. Индивидуализм противоположен всякой соборности в религиозном смысле этого слова. Отказ от признания каждой личности, отчужденность, разъединенность – в основе всякой политики. Бердяев называет такую общественность «внешней». Она закрывает для человека первую реальность, универсальную общность, соборность. У личности возникает «социальность» сознания, которая делает невозможной творческую тайну общения. Но, вместе с тем, «общественность есть лишь частный случай универсализма, лишь одно из выражений космической общности людей»²⁶⁸. Управляемость выступает как одна из характеристик соборности светской социальности. Организованность и единство утрачиваются, возникает мозаичность, отдельность фрагментов мира, который распадается. Вариативные проявления свободы лишь усиливают центробежные силы.

Причинность мира затмевает мир идеалов, который растворяется в механической необходимости, присутствующей вне добра и зла, вне морали. Данная ситуация, на наш взгляд, свойственна светской социальности. Социальный идеал выводится не из трансцендентного, а из имманентного мира, являясь результатом научного вывода, «наукой». Социальный идеал в этом случае – результат конструкции некоего научного сообщества (это и позитивисты, или «субъективная социология», и марксизм), который мы можем отождествить с идеологией, пытающейся подменить собой идеал в душе человека, по словам Булгакова, до всякого опыта. Коренное противоречие С. Н. Булгаков находит в том, что объективизм, установленный как идеал новоевропейской науки, в данном случае подменяется субъективизмом. Идеал, возникающий как ответ на потребности нравственного сознания, который появляется до социологических

---

²⁶⁷ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 430.

²⁶⁸ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 479, 480.

исследований, сверхнаучный по своей природе, ложно отрицается в позитивной науке. Позитивную социологию С. Н. Булгаков называл «идеал-реализмом» или «отвлеченным реализмом»²⁶⁹. В светской социальности, исходя из позиций «отвлеченного реализма», С. Н. Булгаков находит неустранимую антиномию между абсолютным идеалом, который должен лежать в основе социальности, социальной политики и относительными средствами ее реализации, всеми ее практическими мерами, обладающими свойством относительности, приводящими как к позитивным, так и к негативным последствиям. Это ведет в отношении светской социальности, на наш взгляд, к «социальному релятивизму», который приводит к относительности всех мер социальной политики²⁷⁰.

Сложность позитивистского понимания социальности С. Л. Франк видит в том, что под обществом подразумевают не некую существующую сферу, а лишь «суммированную реальность»²⁷¹. С. Л. Франк для обозначения «индивидуализма» вводит термины «сингуляризм» и «социальный атомизм», а для обозначения «коллективизма» – термин «универсализм»²⁷². Сингуляризм объясняет, каким образом из индивидуального хаотичного возникают порядок, общность.

В светской социальности первична категория «Я», находящая выражение в субъективном идеализме Канта, Фихте, Беркли. Все, что существует, существует в деятельности Я, что приводит к «коренному и инстинктивному индивидуализму» светской социальности, проявляется в «жизнечувствии индивидуализма»²⁷³. Индивидуализм приводит к идее равенства всех людей, но это лишь абстрактная форма равенства. Равенство же в функциональном и производном смысле выступает как основа человеческой жизни²⁷⁴. Франк пишет о том, что иерархичность и неравенство имманентно присущи обществу, равенство людей возможно лишь в онтологическом плане как их равенство по отношению к Богу, из чего вытекает чувство солидарности и избранности. Таким образом, равенство –

---

²⁶⁹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 173, 174.

²⁷⁰ Там же. С. 175.

²⁷¹ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 51.

²⁷² Там же. С. 52.

²⁷³ Там же. С. 72.

²⁷⁴ Там же. С. 210.

это солидарность и избранность всех людей без исключения²⁷⁵. Индивидуальный критерий присущ одновременно и индивидуализму, и производному от него коллективизму, являясь внешним по отношению к человеческой личности. Согласно С.Н. Булгакову, возникает «коллективная», «стадная» личность. Сама же «стадность» выступает «противоположным полюсом соборности»²⁷⁶. В светской социальности соборность воспринимается как стадность, коллективность, массовость. Коллективизм ведет к установлению Царства Божия без Бога²⁷⁷, по Н. А. Бердяеву.

Раздробленность, или мнимое единство, – один из основных параметров светской социальности как формы соборности. Раздробленность общественной жизни в светской социальности обусловлена отказом от Бога, который превращается лишь в «гипотезу», и самообожествлением человека, отождествлением религии и нравственности, а также утверждением греховного состояния человека его истинным состоянием²⁷⁸. Соборность светской социальности, по П. А. Флоренскому, – основанное на принципе анархии актуальное единство, человекобожеское или антропократическое²⁷⁹. Мыслитель определяет данный тип единства как мнимое, стихийное, статистическое, подчиняющееся формальным законам. Анархический строй однообразен, внутренне нестроен, для него характерен отказ от нормы, эгоизм и философский идеал. Анархический строй ведет к самоуничтожению как общества, так и личности, «высокой личности», которая поглощается обществом²⁸⁰. Анархия в чистом виде не может установиться в обществе в связи с тем, что светский тип социальности является лишь переходным моментом актуализации соборного единства в диалектическом становлении соборности. П. А. Флоренским также определяется в качестве форм иерархического устройства формы, основанные на принципе внешнего и принудительного закона, юридическом принципе (в нашем

²⁷⁵ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 222.

²⁷⁶ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 92.

²⁷⁷ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 82.

²⁷⁸ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 547, 548.

²⁷⁹ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 198.

²⁸⁰ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 232.

рассмотрении – это формы светской социальности). Н. А. Бердяев называет коллективизм «сбором», противодействуя соборности²⁸¹. Основную опасность в ситуации «эпохи коллективизма» Н. А. Бердяев видит в том, что свобода в данном случае полностью теряется, поэтому коллективизм можно рассматривать как инструмент господства²⁸². Диалектическое противоречие между истиной и мифом присуще коллективизму, где создается коллективная иллюзорная реальность. Мифы светской социальности, которые были созданы для управления человеческими массами, – это миф о суверенитете, анархический миф. Революции создаются мифами, капитализм – мифами. Миф становится реальностью. Светская общественность стала верить в нацию как в Бога. У каждого народа есть свой Бог, что свидетельствует об отходе от истинного христианства с его универсализмом²⁸³. С. Н. Булгаков находит противоречие в таком типе светской социальности, как социализм, который ведет свое начало от гуманизма, но на этом уровне социальности возникает противоречие «личность-общество»²⁸⁴.

В светской социальности может абсолютизироваться роль, на наш взгляд, национальной автономии и исключительных национальных черт, что, по Булгакову, может привести к националистической исключительности²⁸⁵. На наш взгляд, в том случае, если социальная идентичность и идентификация формируются в различных, даже противоположных культурах с инвариантными системами ценностей, все же в них присутствует некая общность, которая их объединяет в общечеловеческую культуру, благодаря чему в некоторых случаях возникает неравновесное единство²⁸⁶. Опираясь на тексты С. Н. Булгакова, эту основу можно увидеть в сущностной софийности мира, на основании чего может быть сформирована идея «братства народов», которая противостоит идеям атомизации, индивидуализации людей, которые утрачивают смысл понятия

---

²⁸¹ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 79.

²⁸² Там же. С. 79.

²⁸³ Бердяев Н. А. Новое Средневековье М.: Директ-Медиа, 2008. С. 26.

²⁸⁴ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С.218

²⁸⁵ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 311.

²⁸⁶ Бакулов В. Д., Бабина Д. А. Эвристический потенциал концепции К. Н. Леонтьева о стадиях развития для осмысления исторических этапов культуры и её диалогической сущности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 6(127). С. 41–47.

Родины²⁸⁷. Устои, возникающие в разных культурах, обладают свойством самокорректируемости, определяются социальной ситуацией, обладают общей чертой – способностью к выживанию²⁸⁸.

В светской социальности настоящее сообщество заменяется «фиктивной» реальностью сообщества, построенного на авторитаризме, где отрицается наличие субъективного сознания, это всего лишь объективация и социализация через создание квази-реальности²⁸⁹. Для соборности в светском сообществе остается только творчество, которое затемняет идею спасения. В светской социальности человек творчески развивается, но при этом теряется лично. Н. А. Бердяев определяет светское сообщество как «монашество в мире», творчество церкви в мире, раскрытие человеческой свободы в церкви. Соборность здесь сохраняется. Это состояние общества определяется как «бессознательно церковное», «творчество человека в церкви». Секуляризм в творчестве, отрицая спасение, сам по себе сводится к синтезу спасения и творчества, возвращению в «Новое Средневековье», к «странствиям», к новому «целостному сознанию», богочеловечности. Секуляризация государственности и общественности имеет положительное религиозное значение, она уготавливает свободную богочеловеческую жизнь²⁹⁰.

В. И. Иванов критикует Н. А. Бердяева в работе «Старая или новая вера?» за его понимание соборности, но вместе с тем пишет о приближении новой органической эпохи, подобно Бердяеву в «Новом Средневековье». Н. А. Бердяев указывает на то, что мы вступаем в период Нового Средневековья, а В. И. Иванов отмечает, что о возникновении новой эпохи свидетельствует «келейное» искусство, искусство отшельников, сверхиндивидуалистов, ушедших от прежнего индивидуализма, внешне уединенных, внутренне соединенных с миром людей вселенского воления и устремления в плане личной свободы²⁹¹. По Н. А. Бердяеву,

²⁸⁷ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С.311.

²⁸⁸ Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность в философии С. Н. Булгакова как основание социальной идентификации и идентичности // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1(101). С. 25–31.

²⁸⁹ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 75, 77.

²⁹⁰ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 484.

²⁹¹ Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 39.

две трагедии – «трагедия жизни» и «трагедия культуры» – должны быть преодолены; человеческое творчество необходимо «вернуть к сакральному смыслу»²⁹².

В светской социальности, которую Франк называет понятием «мир», отвергается церковность и внешне-организационные меры подменяют органичное единство. В эмпирической светской социальности находятся в диалектическом противоборстве два начала «я» и «он», подменяющее «ты». Соборность – это связь «я» с «ты» и их связь с целым, как таковым²⁹³. При всей своей раздробленности, присутствию недолжных, во многом несовершенных форм определяемая нами светская социальность одновременно с этим выступает одной из форм актуализации соборности в обществе внутреннего первичного многоединства «МЫ»²⁹⁴.

У П. А. Флоренского мы можем найти перечисление этапов утраты религией ведущей роли в обществе: утрата религией определяющей роли в обществе – терпимость к различным религиям – безразличие к религии – враждебность к религии²⁹⁵. Вместе с тем есть и три пути, ведущие к религии: воспитание, исторические навыки, социализация. Но человек в «рассудочной вере», самозванстве и самодовольстве, эгоизме, стремится подчинить Бога, что приводит к рассыпанию и самоуничтожению личности²⁹⁶. В светской социальности прослеживается следующая цепочка: церковное вытесняется этническим, а этническое – греховным²⁹⁷.

Мы можем проследить различные смысловые акценты, которые определяются у философов при описании определяемого нами светского типа социальности, или проекта соборности «вне Бога» в мире имманентном. С. Н. Булгаков обращает внимание, прежде всего, на присутствующих в светскости черт религиозности и церковности в своем отрицательном диалектичном звучании.

²⁹² Бердяев Н. А. Избранные философские сочинения 1920-х гг. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 164, 166.

²⁹³ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 166, 167.

²⁹⁴ Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 157.

²⁹⁵ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 538, 539.

²⁹⁶ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 64, 65.

²⁹⁷ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 543, 546.

Значимую роль в ситуации светской социальности играет внешнее объединение, формальное единство людей на основе созданных идеологий. Философы выделяют такую черту светской социальности, как человекобожество. П. А. Флоренский делает акцент на такой особенности светскости, как анархичность. Мыслитель, как и С. Н. Булгаков, связывает светский тип социальности с появлением определенного рода идеалов, замещающих религиозные принципы. Интересно, что философы обращают внимание на то, что именно та или иная форма социальности формирует личность и одновременно с этим личность задает вектор и окраску светской социальности.

Соборность в светской социальности определяется на новом качественном уровне. В светской социальности присутствует внешний общественный идеал. Светская социальность выносится вне времени, истории, есть попытка перепрыгнуть через историю, так как цель истории в будущем. Светская социальность как форма развития соборности содержит противоречия религиозного и светского. Данные противоречия, присутствующие в светской социальности, дают основание Н. А. Бердяеву определять ее как неосознанно религиозную. При отрицании Бога в сфере трансцендентного и отрицании возможности соборности в сфере трансцендентного, возникает светская социальность, в которой сохраняется религиозность в мире имманентном в форме религий светского типа. С. Н. Булгаков выделяет религию разума, религию человечества, социализма, сверхчеловека. Основания религий светского типа: вера в догмат уже не Бога, как в религиозной социальности исторического христианства, а в догмат веры в прогресс, разум, науки, о чем пишет С. Н. Булгаков. По С. Л. Франку вера сохраняется в светской социальности, но изменяется ее объект. Религия и нравственность приводятся к единому знаменателю. П. А. Флоренский выделил этапы утраты религией ведущего места в обществе, но также и путь, возвращающий к религии.

Н. А. Бердяев высказывает мнение, что атеизм – диалектический момент богопознания. Религиозность светской социальности, по С. Н. Булгакову, предполагает замену Бога человеком. Антиномия времени и временности приводит

к тому, что человек, который пытается стать Богом, не может оказаться вне времени вследствие своей смертности, а это в свою очередь является причиной того, что приводит к нигилизму, массовости, несет в себе негативный контекст²⁹⁸. П. А. Флоренский, продолжая мысли С. Н. Булгакова, считает, что человек пытается создать святыни в светской социальности. Л. П. Карсавин статус самообожения приписывает не одному лишь отдельному человеку, а государству в целом. По Н. А. Бердяеву, через коллективизм в светскости устанавливается Царство Божие без Бога, возникают противоречия между истиной и мифами. С. Л. Франк описывает ситуацию диалектического скачка от веры в Бога к вере в человека. Для светской социальности характерны индивидуальный (С. Н. Булгаков) и утилитарный критерии истинности (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев).

В светской социальности присутствует внешнеопределяемое единство. С. Н. Булгаков называет его «стадность», В. С. Соловьев и С. Л. Франк «муравейник», Н. А. Бердяев «сбором». Единство устанавливается как анархическое единство либо единство, основанное на принудительном законе. Н. А. Бердяев отличительной чертой светской социальности считает творчество. Светская социальность, по мнению философа, неосознанно религиозная форма соборности, так как в ней присутствуют противоречия религиозного и светского. С. Н. Булгаков определяет эсхатологичность как черту светской социальности, которая проявляется в революционности, в стремлении перепрыгнуть историю, вере в будущее. С. Л. Франк также выделяет революционность как черту светской социальности, что связано и с перенесением смысла жизни в будущее и презрением настоящего. Л. П. Карсавин в государстве видит одну из форм соборного единства, пусть и в светской социальности. Такое объединение в светской социальности становится возможным благодаря сформированной идеологии.

В инобытии церкви в мирской жизни или светскости, секулярность – то, что опосредует церковь в мирской жизни, необходима для существования церковности. Еще А. Ф. Лосев видел соборность и в светской социальности. Светский тип

---

²⁹⁸ Белов А. В. Критика нигилизма Н. Я. Данилевским (200 лет со дня рождения русского мыслителя) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 5 (126). С. 13–16.

социальности – это диалектический этап раскрытия социальности, воплощенность соборности, взаимных отношений человека, общества, церкви, Бога, формирования личности через эти отношения, при котором разделенность мира имманентного (человека, общества, церкви) и трансцендентного преодолевается через отрицание трансцендентного Бога. К статусу Бога приводится человек в мире имманентном, религиозность обращена на него. Но в связи с отрицанием одного общего трансцендентного основания, в мире имманентном возникает отдельность, изолированность. Светский тип социальности также обладает характером незавершенности, как и религиозный тип социальности, достижение социального единства переносится в будущее, вне момента настоящего. Саморазвитие идеи соборности можно обозначить как процесс противоречия субстанции, которой является соборность, равнозначная божественной Троице, и субъекта, постигающего вышеобозначенную объективную реальность соборности. Диалектика соборности прослеживается в присутствии противоречий светской социальности, религиозной социальности. Если для светской социальности свойственно опосредствованное единство, то для религиозной социальности – непосредственное. Социальность целостна соборна как в религиозной социальности, так и в светской социальности. Присутствуют фрагментарные моменты разделенности, но они преодолеваются в диалектическом становлении соборности. Можно отметить, что диалектика трансцендентного и имманентного влечет за собой процесс движения, развития соборности в светской социальности.

Создание религий светского типа, или атеистических религий, идея Человекобожия, но вместе с тем сохранение религиозности, индивидуализм, раздробленность, или мнимое единство, отказ от трансцендентного, имманентизм, потеря свободы – целеполагающие параметры светской социальности как формы социально-онтологического уровня двухуровневой концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа ее становления. Общей точкой зрения является мнение о том, что светский тип социальности – это тип социальности, в котором сохраняется религиозность, что отмечается и

О. А. Жуковой, как особенность светского этапа развития культуры²⁹⁹. Светская социальность – это возможность для возникновения нового типа социальности, который мы определяем как религиозно-светская социальность.

§ 1.4. Единство религиозности и светскости в социальном идеале Богочеловечества: религиозно-светская социальность

Определяя содержательные характеристики социально-онтологического уровня двухуровневой концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности, мы обращаемся к философии С. Н. Булгакова, который видит в историческом процессе диалектическое раскрытие христианских истин³⁰⁰, выступающих основанием соборности. О диалектике раскрытия христианских истин упоминают в своих работах ряд авторов уже нашего времени³⁰¹. Религиозно-светская социальность предполагает конкретное звучание соборности. Соборность может быть рассмотрена как основание историко-культурного взаимодействия³⁰². Мыслитель пишет, что в основе социального мировоззрения, социальности, опирающейся на разновариантные формы общественного идеала, лежат этические истины, находящие свою основу в религии. Социально-политическое мировоззрение не существует без определенного идеала, который коренится в общем (соборном) мировоззрении, определяющемся в религии. Исключительно только религия

---

²⁹⁹ Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. С.66, 68.

³⁰⁰ Так же. С. 188.

³⁰¹ Бойко Л. А., Бойко П. Е. Всеобщая диалектика религиозного сознания Г. В. Ф. Гегеля и перспективы развития христианской идеи. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2 (40). С. 89-92; Бойко П. Е. Всеобщая диалектика религиозного сознания как методологический принцип понимания христианской идеи в современном мире. Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2011. № 1. С. 227-233; Бойко П. Е. Идея всеобщей разумности бытия в философско-историческом самосознании русского народа: в поисках пути, истины и жизни. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. № 4. С. 136-146; Бойко П. Е., Бойко Л. А. Всеобщность философского разума как принцип религиозного развития современной России. Булгаковские чтения. 2009. № 3. С. 247-257.

³⁰² Тонковидова А. В. Теоретические основания историко-культурного взаимодействия на Евразийском пространстве: характер социальности и социальное единство. Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия: Сборник материалов международной конференции, Орск, 23 апреля 2021 года. Москва: Издательство «Знание-М», 2021. С. 98-102; Качеев Д. А. В поисках идеала общественного развития: евразийское понимание государства как альтернатива европейской демократии. Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 96-109.

обосновывает социальное мировоззрение, на наш взгляд, формируя социальность личности. У социального мировоззрения и политики присутствуют «подземные и надземные корни», таким образом, говорится о преодолении дуальности через религиозное соборное основание³⁰³.

Необходимо отметить, что все формы соборности равнозначны в отношении Божественной Троицы, просто они проявляются в разных качествах. Религиозно-светская социальность может быть нами рассмотрена на основе философии С. Н. Булгакова как «синтез» Средних веков, или, на наш взгляд, религиозной социальности, и светской социальности, которая стала активно развиваться в Новое время. В диалектическом ключе С. Н. Булгаков пишет, что идеальная цивилизация – это синтез Средних веков (религиозной социальности) и Ренессанса (светской социальности)³⁰⁴, или состояние «полной зрелости», при котором церковь рассматривается как «возрожденная», ставшая «церковью-человечеством, церковью-культурой, церковью-общественностью»³⁰⁵.

Продолжая изучение формирования социально-онтологического уровня двухуровневой концептуальной модели соборности, мы можем обратиться к текстам П. А. Флоренского, согласно которым соборность в религиозной социальности – это «вечное обожение», а соборность в светской социальности – это «вечное уничтожение»³⁰⁶. П. А. Флоренский, опираясь на эстетическое мирозерцание, показывает на примере музыки переход от одного типа социальности к другому. Светскую социальность, берущую начало в Новом времени с ее гомофонией или гармоническим стилем с преобладанием одного голоса, что, по Флоренскому, отражает просвещенный абсолютизм (империализм, демократию), соответствует и характерным для Средних веков полифонией контрапунктическим стилем (западный юрицизм), где происходит взаимоподчинение всех голосов друг другу. П. А. Флоренский выделяет третий стиль, на наш взгляд, соответствующий религиозно-светской социальности,

---

³⁰³ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 171, 172.

³⁰⁴ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 477,478.

³⁰⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.207.

³⁰⁶ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С.65.

«феоκραтической синархии» – гармонический стиль, в котором народная музыка охватывает всю глубину чувств³⁰⁷. Воспринимаемые слухом субъективно звуки получают связанность с нашей душой, мы начинаем думать не о звуке, а думаем звуком, он осознается нами как душа вещей. В православии П. А. Флоренский находит гармонию зрительного и слухового типов³⁰⁸.

«Общественная жизнь духовна, а не материальна», – об этом пишет Франк³⁰⁹. Она исходит из многоединства «мы»³¹⁰. Общественное явление возможно в том случае, если присутствует идеал, к которому стремятся, то присутствует и сознание цели деятельности. У С. Л. Франка противоречивый характер общественной жизни как религиозной, так и светской социальностей определяется присутствием в них борьбы солидарности и индивидуализма, центростремительных и центробежных сил. В этой борьбе прослеживается диалектика перехода к синтезу, к общественному единству в святыне. Франк определяет разнообразные явления общественной жизни термином «промежуточная среда», в которой по-разному актуализуются святыни³¹¹. В учении Л. П. Карсавина наблюдается диалектическое становление категории соборности. Развитие соборности происходит через противоречие. «В мире должно быть внутреннее противоречие», – пишет Л. П. Карсавин о процессе становления категории соборности. Становление религиозно-светской социальности происходит «путем самоопределения»³¹². Новоевропейский гуманизм, нейтральный, светский, выявляет противоречия между церковью и светским обществом, которые ведут к новому витку развития в Новом Средневековье, в религиозную эпоху³¹³. Религиозно-светскую социальность Н. А. Бердяев называет «творческой религиозной эпохой». Переход к ней возможен через осознание религиозной, а не исключительно светской природы гениальности³¹⁴.

³⁰⁷ Флоренский П. А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Москва: Директ-Медиа, 2012. С. 15.

³⁰⁸ Там же. С. 23.

³⁰⁹ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 107.

³¹⁰ Там же. С. 112.

³¹¹ Там же. С. 167, 168, 171.

³¹² Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 442.

³¹³ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 14.

³¹⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С.395,396.

Целеполагающим параметром религиозно-светской социальности как формы соборного единства выступает преодоление разделенности трансцендентного и имманентного. Соборность становится возможной, так как трансцендентное и имманентное взаимообуславливаются. Все события мира природы – это жизнь³¹⁵, которая утверждается в социальности, и тем самым происходит раскрытие трансцендентного в человеческой природе и через нее, и сама природа, в свою очередь, очеловечивается³¹⁶. К. М. Антонов отмечает, что мысли русских мыслителей востребованы и сейчас в связи с тем, что определяют трансцендентность «идеального коммуникативного сообщества» по отношению к эмпирическому обществу, находят религиозно-окрашенные богочеловеческие истоки установления социального идеала³¹⁷. Духовная реальность, по С. Л. Франку, составляет основы общества, что отражается в духовной жизни, внутренне человеку данной в его опыте, сращенной с человеком, – это трансцендентная реальность Бога, включающая в себя как реальности Добра, Красоты, Истины, так и реальность зла³¹⁸. Человек – это тварное существо, которое имеет сознательную внутреннюю связь с Богом. С. Л. Франк считает, что присутствие, сознание, подчиненность воли Богу – это основа общественной жизни. Общество базируется на духовной основе. Сущностная нравственность выступает как присутствие Бога в нас, а нас в Боге, конкретное прожитие, субстанциальное начало, имманентно присущее нашему бытию. Но само бытие Бога трансцендентно миру³¹⁹. Духовная жизнь – это единство человеческого и сверхчеловеческого бытия³²⁰. По Н. А. Бердяеву, человек присутствует в истории в эсхатологическом и «христианско-миссионерском» убеждении, которое предполагает существование трансцендентного и преобразование исторической

³¹⁵ Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4(61). С. 156-161.

³¹⁶ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 80.

³¹⁷ Антонов К. М. Идея сообщества ученых и ее религиозный смысл в русской мысли конца XIX века: вопрос о коммуникативной природе науки и концепция всеединства // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. № 6(44). С. 67.

³¹⁸ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 71, 118, 121.

³¹⁹ Там же. С. 129, 143.

³²⁰ Там же. С. 123, 124.

реальности через трансцендентное. Цель и смысл истории, прогресс осуществляются в направлении преодоления разрыва между имманентным и трансцендентным в Царстве Божиим³²¹. По Н. А. Бердяеву, спасение возможно в соборном единстве, в чувстве общей вины и ответственности всех за всех³²².

Среди параметров религиозно-светской социальности определяется устремленность в вечность через прохождение истории. Согласно С. Н. Булгакову, религиозно-светская социальность втянута в историю. В ней присутствует убежденность в силе исторического прогресса, устремленном в вечность через прохождение истории³²³. Человек – это сын века, народности, государства³²⁴, социального строя, культуры, он захвачен историей. Религиозно-светская социальность должна преодолеть «избранность», аристократизм и замкнутость светской и религиозной социальностей. По словам С. Н. Булгакова, «христиане должны встать в общую запряжку истории», не обособляясь, а преследуя «общегуманистические задачи»³²⁵.

П. А. Флоренский отмечает, что все сферы жизни общества в религиозно-светской социальности уподобляются «образу Христову»³²⁶ и имеющиеся противоречия в вероисповеданиях приводят в нем не к вражде, а к соборному единству. И христианству присуща в религиозно-светской социальности активная преобразовательная деятельность. Религиозно-светская социальность предполагает преодоление противоречий светскости³²⁷. Понимание религиозной жизни как «связного целого», обладающего многообразием функций, и преодоление заблуждений приводит человека к соборности³²⁸. С. Л. Франк обращается к диалектике общего и единичного в отношении общественной жизни в рамках ответа на вопрос, насколько реальность общего может быть обозначена в

³²¹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 191, 193.

³²² Бердяев Н. А. Самопознание. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 87.

³²³ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 302.

³²⁴ Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Диалектика соборности и государственности в работах С. Н. Булгакова и Л. П. Карсавина. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (38). С. 75-83.

³²⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 249, 250.

³²⁶ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 550.

³²⁷ Там же. С. 555.

³²⁸ Там же. С. 550-556.

истории, при невыводимости общего из единичного³²⁹. С. Л. Франк пишет о том, что необходимо преодолеть сингуляризм и универсализм, прийти к пониманию реально существующего общества как существования «мы»³³⁰. Целью прохождения истории выступает достижение такого основополагающего параметра религиозно-светской социальности, как сверхвременность. П. А. Флоренский в работе «О цели и смысле прогресса» (1905) продолжает изучение понятия «нормальное общество», начатое В. С. Соловьевым в работе «Критика отвлеченных начал» (1880), и отмечает, что данный тип общественного устройства относится к трансцендентной жизни. П. А. Флоренский пишет, что «переход от одной формы явления к другой есть изменение», «качественное изменение формы жизни есть необходимый постулат, разрешающий противоречие о нормальном обществе»³³¹. В историческом процессе присутствует диалектическая возможность перехода от светской социальности и религиозной социальности к религиозно-светской социальности, где соборное единство прослеживается во всех формах и результатах человеческой преобразовательной деятельности и в жизненной среде постигается соборная истина. Принципом развития выступает понятие «обязанность», обуславливающее единство во множестве религиозной жизни. Религиозная жизнь в данном случае диалектична. Диалектика отражается в том, что многообразие религиозной жизни определяет ее единство³³².

Соборность понимается С. Л. Франком в следующих значениях диалектического единства целого «мы», обладающего сверхвременным характером, и части «я»³³³. Соборность – это единство прошлого, настоящего и будущего. Исторический процесс – это судьба Бога в сердце человека³³⁴. Будущее и прошлое равноправны в диалектическом синтезе. История в этом своем значении – это сверхвременное выражение человеческого духа. Нравственное сознание – это

³²⁹ Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 61.

³³⁰ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 71.

³³¹ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 203.

³³² Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 142.

³³³ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 97, 102.

³³⁴ Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 125.

реальная действующая сила. С. Л. Франк здесь вводит понятие «конкретно-сверхвременное бытие», которое выступает единством временного и вневременно-общего³³⁵. Н. А. Бердяев отмечает, что «человек наследует вечность в своей человечности, он призван к жизни в Боге, он идет из вечности, сквозь время, в вечность»³³⁶. Творчество космической общественности приведет к органическому переходу через преодоление механицизма к новой общественности, к богочеловечеству. «Новая общественность сотворится не из элементов «мира», она сотворится в «мирском» смысле из ничего, из других истоков, лежащих вне мировой общественной эволюции, из Духа, а не из мира»³³⁷. В христианском человечестве должно произойти коллективное, соборное воплощение Бога. Богочеловечество есть продолжение боговоплощения³³⁸. В. А. Фриауф пишет, что Н. А. Бердяев и С. Л. Франк связывают достижение Богочеловечности с ситуацией вечности³³⁹. Государство стремится к состоянию христианского государства³⁴⁰, и Л. П. Карсавин выносит возможность установления церковного государства за грань материального мира³⁴¹.

Преодоление религии в реальном Царстве Божием определяется в качестве целеполагающего параметра достижения соборности в религиозно-светской социальности на основе текстов русских религиозных философов символично-социально-онтологического периода. Интересна мысль С. Н. Булгакова о том, что религия рассматривается как «переходное состояние», «сама стремится себя преодолеть», в этом также просматривается диалектический булгаковский подход к изучаемой проблеме. Религия, таким образом, свойственна, по нашему определению, религиозной социальности, где Бог отнесен в мир трансцендентного, и светской социальности, где трансцендентный Бог отрицается и заменяется идеей

³³⁵ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 39.

³³⁶ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 136, 137.

³³⁷ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 496, 497.

³³⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Директ-Медиа, 2019. С.209.

³³⁹ Фриауф В. А. Время и вечность в контексте православной русской духовности // Межрегиональные Пименовские чтения. 2014. Т. 11. С. 405.

³⁴⁰ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 416.

³⁴¹ Там же. С. 424.

Человекобожия. В религиозно-светской социальности, когда будет достигнуто состояние соборности и Бог станет, по словам С. Н. Булгакова, «всяческая во всех», смысловая сущность религии уйдет, как и культ, ограниченный местом, временем, предметами. Религия, рассматриваемая как средство соединять разъединенное, утратит свое устоявшееся значение. При достижении соборности в определяемой нами религиозно-светской социальности, по мнению С. Н. Булгакова, «вся жизнь явится богодейственным богослужением»³⁴². Согласно Н. А. Бердяеву, автономность религии должна быть преодолена и достигнуто реальное Царство Божие³⁴³.

Общественное единство определяется целеполагающим параметром религиозно-светской социальности, свидетельствующем о достижении в ней состояния соборности. В «Трагедии философии» С. Н. Булгаков пишет, что «мы имеем единый мир – всеобщее, универсальное сказуемое, область бытия, и множественность ипостасных центров»³⁴⁴. Здесь С. Н. Булгаков прослеживает проблему «многоипостасности бытия, единства сказуемого – при множественности подлежащих, единства во множестве и множества во единстве»³⁴⁵. Соборность состоит в «единении в субъекте», здесь мы приходим к соборности, к единству во множестве. Соборность – это «единство во множестве»³⁴⁶. Соборность предполагает преодоление антиномий, выделяемых С. Н. Булгаковым и описанных им в работе «Трагедия философии»: «антиномия тварности», «отношение субъекта к объекту», «антиномия подлежащего и сказуемого», «антиномия ипостаси», которые проявляются именно в стремлении к соборности, при одновременной необходимости сохранения индивидуальности, в «Философии хозяйства» – «антиномия свободы и необходимости»³⁴⁷. Но антиномичность и ставится, и снимается, по С. Н. Булгакову, бытием как связкой. Антиномичность и возникает, и снимается в бытии личности³⁴⁸. Всякий жизненный акт человека или суждение

³⁴² Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 116.

³⁴³ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 32.

³⁴⁴ Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. М.: Наука, 1993. Том I. Философия хозяйства. Трагедия философии. С. 405.

³⁴⁵ Там же. С. 406.

³⁴⁶ Там же. С. 411.

³⁴⁷ Там же. С. 476, 413, 414, 419, 235.

³⁴⁸ Там же. С. 414.

(познавательное, волевое, созерцательное, действенное) воспроизводит единый лик бытия. В текстах русского мыслителя можно найти определяемые им космологические основания соборности, преодолевающие космологическую антиномию. Деятельность приобретает целенаправленный характер, определяясь замыслом и волею Бога³⁴⁹. Идея Софии, по В. Дитриху, приводит к оптимистическим нотам в булгаковском учении³⁵⁰. Софийность человека связана с тем, что он определяется не настоящим моментом, а будущим, целеполаганием к Богу, к самому себе через веру и свободу, к состоянию счастья³⁵¹. Невозможность творения из ничего, отсутствие креационизма определяет качественно деятельность человека и оставляет ему софийность, или возможность творчества в познании, в хозяйственной деятельности, в культуре, искусстве³⁵². У человеческого творчества и деятельности в целом, рассматриваемых как функции жизни, связанных с природой творящей и природой сотворенной, которым присуще свойство самопричинности, присутствует граница – неспособность к сотворению новой жизни, жизнь уже наличествует в мире³⁵³. Идеалы христианской политики, по С. Н. Булгакову, должны строиться на основе соборного социального идеала, должны объединять людей разных «религиозно-философских оттенков»³⁵⁴. По отношению к христианству С. Н. Булгаков применяет такие характеристики, как общественное, соборное³⁵⁵. В связи с этим важным фактором в формировании религиозно-светской социальности, на наш взгляд, выступает общественное мнение, определяемое С. Н. Булгаковым как «невесомый фактор»³⁵⁶. Но, в конечном итоге, данные «невесомые факторы» становятся определяющими, значимыми в развитии и формировании всей структуры религиозно-светской

³⁴⁹ Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Категория соборности в социальной философии С. Н. Булгакова. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2(424).

³⁵⁰ Dietrich W. Provokation der Person. Nikolai Berdjaev in den Impulsen seines Denkens. В.: Gelnhausen, 1975. S. 165, 166.

³⁵¹ Тонковидова А. В. Проблема определения моральных оснований категории «счастье» в философии соборности С. Н. Булгакова. Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства: Сборник статей и материалов. Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 2021. С. 301-305.

³⁵² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 178.

³⁵³ Там же. С. 250.

³⁵⁴ Там же. С. 40.

³⁵⁵ Breckner K. Russian Philosophers on Continuous Creation as the Basis for Social Change // Studies in East European Thought. Vol. 58. No. 4 (2006). P. 171–197.

³⁵⁶ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 229.

социальности. Общественное мнение, основанное на верованиях и убеждениях, выступает весомым духовным фактором для формирования социальности. Оно может быть рассмотрено, по нашему мнению, как определенная «невесомая» форма соборности, определившаяся через объединенные самосознания. Религиозная самоидентификация личности лежит в основе религиозно-светской социальности. С. Н. Булгаков обращает внимание не на внешнее влияние, не на индивидуальное воспитание, а на общественное, или, на наш взгляд, соборное, самовоспитание на религиозных основаниях³⁵⁷.

Соборность религиозно-светской социальности, или, по П. А. Флоренскому, феократия, может быть установлена на основе реализации иерархического принципа, в основе которого находится общезначимая норма, осознанная всеми членами общества как правда, добро, идеал³⁵⁸. Единство общества обусловлено следованием Вселенской правде. Феократия построена иерархично, сообразно Абсолютному, Божественному устройству, она предполагает исключительно добровольные действия членов общества по закону Правды. Человек в данном случае рассматривается как абсолютное добро и занимает значимое место в социальной иерархии. Феократия, или «всечеловеческое общество», «общество вселенское»³⁵⁹, предполагает следование христианской религии и культуре³⁶⁰.

Л. П. Карсавин видит, на наш взгляд, в религиозно-светской социальности возможность соборности через реализацию гармонии церкви, личности и государства. Смысл существования мира, к которому относится и государство, как любое общественное образование, в свободном «возрастании» в Церковь. Церковь – это полнота мира и человечества, к которому относится и государство³⁶¹. В своих сочинениях Л. П. Карсавин отмечает диалектический переход «преображение», или «свободный» переход в новое качество мира, в качество соборной, католической Церкви. Карсавинская концепция предполагает существование

³⁵⁷ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 229.

³⁵⁸ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 198; Шевелева Н. Б. Воззрения П. А. Флоренского на теократию и соборность // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2013. № 6. С. 145–149.

³⁵⁹ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 199.

³⁶⁰ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 550.

³⁶¹ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 403.

единой личности Церкви³⁶². Исходя из этого, создается некая иерархия личностей. Единая личность Церкви – это соборные или симфонические личности (понимаемые как единство объединяемых ими индивидуумов, или как поместные национальные церкви). Интересен подход Л.П. Карсавина относительно постулата о том, что личность выступает одновременно и собирательным понятием, в объеме которого мыслится некая совокупность индивидов, и несобирательным понятием, в объеме которого можно мыслить одного индивида, в ряду которых выделить можно только одну совершенную личность Иисуса Христа. Таким образом, выстраиваются два вектора иерархического построения соборности: индивидуально-личностный и собирательно-личностный, наполняющие своим своеобразием соборное единство церкви³⁶³. Государство выступает как культурное, многонародное целое, личная форма бытия многонародного целого. Первичной формой объединения является Церковь, а государство – вторичная форма объединения³⁶⁴. Оно рассматривается как форма самоорганизации внешнего мира и выступает как собирательное понятие, в котором мыслится народ, или «многонародное культурное целое»³⁶⁵, как «необходимая форма личного бытия для всякого соборного субъекта»³⁶⁶. Целью государства считается его превращение в церковную личность³⁶⁷. В государственных целях выделяются: эмпирические и церковные. Даже в том случае, если государство совершает дурные поступки, оно, понимаемое как «народ-государство», личность, не становится злым. Но церковь не умаляет свободы государства как личности, государство должно всецело свободно реализовывать свои задачи. Идеал государства – это Царство Божие. В религиозно-светской социальности государство становится частью церкви, но не сливается с ней, выполняя свои особые задачи. Церковь не может быть рассмотрена как политический фактор или средство³⁶⁸. В мире, по Л. П. Карсавину, объединяются церковное и нецерковное, Церковь и государство. Философ

³⁶² Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 409.

³⁶³ Там же. С. 410.

³⁶⁴ Там же. С. 415.

³⁶⁵ Там же. С. 422.

³⁶⁶ Там же. С. 422.

³⁶⁷ Там же. С. 423.

³⁶⁸ Там же. С. 425.

выделяет цели государства и Церкви, которые согласуются. Члены государства одновременно выступают и как члены церкви³⁶⁹. Л. П. Карсавин выступает против идеи отделения Церкви от государства. В этом случае государство отрицает саму обоснованность своих идеалов Церковью.

Н. А. Бердяев отмечает двойственную роль государства, говоря о том, что одно лишь христианское государство не может сделать возможным установление должного общественного строя. В религиозном и светском сообществе общество и свободно, и справедливо, причем, наличие свободы предполагается для всех людей³⁷⁰. Это развитие, по словам Н. А. Бердяева, «опирается на эсхатологию»³⁷¹. Интересно, что Н. А. Бердяев вводит собственное определение, называя соборность религиозной коммюнитарностью (общинностью). Коммюнитарность – это духовное качество людей, общности, братства, где распад преодолевается как в мыслях, так и в жизни, в духовном опыте³⁷². Коммюнитарность возникает в результате диалектического преодоления разделения духовного и социального³⁷³, означает достижение единства³⁷⁴. Религиозная коммюнитарность означает коллегиальность, противоположную авторитарному коллективизму исторической церкви³⁷⁵. Коммюнитарность ассоциируется со свободой, с индивидуализацией. Просвещение человека или «практическую реализацию двух ценностных стратегий – христианской идеи благотворительности и просветительской модели воспитания» О. А. Жукова находит в осуществлении проекта С. В. Паниной³⁷⁶. Необходимо отметить и современное звучание коммунитаризма³⁷⁷.

Диалектический процесс становления соборности должен быть направлен от абстрактного к конкретному соборному единству³⁷⁸. Необходимо особо отметить,

³⁶⁹ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 427, 428.

³⁷⁰ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008 С. 57

³⁷¹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М. Директ-Медиа, 2008. С. 4, 60

³⁷² Там же. С. 204.

³⁷³ Там же. С. 207.

³⁷⁴ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 56.

³⁷⁵ Там же. С. 80, 81.

³⁷⁶ Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. С. 218.

³⁷⁷ Тяпин И. Н., Бакурков А. А. Постлиберальный коммунитаризм для современной России: будущее в наследии прошлого. Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 146-155.

³⁷⁸ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 100.

что разграничение между сферами интимно-внутренней, божественной и сферой самостоятельного, автономно-человеческого творчества «происходит в глубине человеческого духа»³⁷⁹. Заблуждением выступает отождествление и разделение этих сфер со сферой мира и церкви, с монашеством и мирянами, с личной жизнью и общественной, поскольку изначально эти сферы вообще нераздельны, но являются одной, единой. Лишь характер рациональной мысли превращает неразрывное двуединство в раздельную двойственность. Опираясь на диалектику общего и единичного, С. Л. Франк определяет подлинно общее как целое, соборное как основу социального, а единичное утрачивает связь с общим в практической деятельности. В основе общественной жизни лежит онтологическое всеединство. Многообразные измерения социальности (религия, наука, семья, экономика, искусство) несут в себе свойство соборности. Реальность человека может раскрыться лишь в «соборном бытии»³⁸⁰. Общество носит сакральный характер. Единство в социальном аспекте можно рассматривать как святыню. Единство людей отражается в присутствии у них «мы-мировоззрения»³⁸¹. И С. Л. Франк отмечает, что невозможно раздельно понимать «общество как многоединство» и «общество как духовную жизнь». Всеединство может быть реализовано в общественной жизни через актуализацию соборности. Оно рассматривается С. Л. Франком как потенциальное, возможное состояние мира и человека. В основе развития общественных отношений, по С. Л. Франку, также лежит диалектика развития нравственного (религиозного) сознания, нравственной силы, опирающаяся на идею нравственного служения, идею долга³⁸². Отдельные структурные единицы общества мы можем рассматривать как органы служения. Верховным принципом общественной жизни выступает «религиозное начало служения»³⁸³. Диалектика части и целого проявляется через раскрытие категории «служение». Человек должен участвовать в служении, и общество в целом должно

---

³⁷⁹ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 263.

³⁸⁰ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 82, 83.

³⁸¹ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 179.

³⁸² Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 178.

³⁸³ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 198.

участвовать в служении, или исполнении высшей воли Бога, воли к правде. Франк выделяет два начала: солидарность и индивидуальную свободу, которые могут быть проявленными через диалектическое восхождение к началу «служения»³⁸⁴. Общественная жизнь – это противоборство реальных и идеальных сил человека. «Единство осуществляется в форме борьбы», – пишет Франк, что также указывает на диалектичность его системы³⁸⁵. Классовая борьба, войны несут в себе основы солидарности, по Франку³⁸⁶. Цель социальной жизни – «обожение человека», состоящее в триединстве служения, солидарности и свободы³⁸⁷, определяемые как высшие нормативные начала общественной жизни. В общественной жизни постулируется существование высших правил. С. Л. Франк выделяет такие начала общественной жизни, как производно-абсолютные, к ним он относит начало «я» (начало свободы) и начало «мы» (начало солидарности). Первично-абсолютным началом является Бог. Солидарность и свобода выступают социальными, эмпирическими проявлениями служения, соборности³⁸⁸. Франком определяется абстрактная форма соборного единства «церковь», которая актуализируется в конкретных воплощениях чистой святости любви и правды, в глубинах общественного единства. Мыслитель также описывает «мир», идущий от человека, обнаруживающийся в раздоре, корысти, борьбе и насилии³⁸⁹. Здесь мы можем отметить диалектику абстрактного и конкретного. Единство общества достигается через живое личное общение, соединенность, уважение, наличие «живых токов» в обществе³⁹⁰. С. Л. Франком выделяются «соборность» и «внешняя общественность». В разных формах общественной жизни могут присутствовать моменты «механически-внешние» либо «органически-внутренние», по этому критерию мы можем их и различать. С. Л. Франк считает, что под всяким

³⁸⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 194.

³⁸⁵ Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 181.

³⁸⁶ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 200.

³⁸⁷ Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 188, 189.

³⁸⁸ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 199.

³⁸⁹ Там же. С.171.

³⁹⁰ Там же. С.202.

механическим, внешним объединением людей обозначается сила соборности³⁹¹. Соборность лежит в основании общения людей, их разного рода объединений. У русского мыслителя мы находим описание трех «жизненных» форм соборного единства: брачно-семейное единство (духовно-культурное), религиозная жизнь и общность судьбы и жизни объединенного множества людей. Три формы соборности невозможно рассматривать отдельно. Семья, как воспитательная школа соборности, сливается с церковью, государством. В основе соборного единства личностей – любовь³⁹². С. Л. Франк размышляет о мистичном значении, которое отнюдь не всегда имеет божественное происхождение, государства, закона, семьи.

С. Л. Франк отмечает понятие «мы», которое обладает онтологическим статусом безграничности, но при этом эмпирически может быть ограничено понятиями «вы», «они», онтологически все же включая в себя данные понятия. Категория «мы» – «первичная категория личного человеческого и социального бытия»³⁹³. «Мы» – это условие единства множественности людей. При этом в разделенности и враждебности прослеживается единство «мы». В его работах отмечается соотносительность категорий «я» и «мы». «Я» выступает членом «мы», а «мы» – это единство «я»³⁹⁴. С точки зрения С. Л. Франка, общество не выступает сплошным всеединством, а включает в себя определенные слои: первый слой – это слой внутренний, отвечающий требованиям онтологической необходимости, заключающий единство «мы», второй слой состоит из разделенных, подверженных эмпирической необходимости многих «я»³⁹⁵. Заблуждение заключается в том, что принимается видимость за сущность. Мыслитель сравнивает общество с человеком, вводит дуальные понятия «церковь» и «мир», «душа и тело» общества, «соборность» и «внешняя общественность», «благодать» и «закон», причем отмечает, что отсутствует разделенность и противопоставленность, противоположность, противоборство. Нравственность выступает как

³⁹¹ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 90.

³⁹² Там же. С. 89, 90, 92, 94, 98.

³⁹³ Там же. С. С. 78.

³⁹⁴ Там же. С. 79.

³⁹⁵ Там же. С. 84.

«субъективно-живое» начало, а закон «абстрактно-объективное»³⁹⁶. Диалектическое понимание государства С. Л. Франк берет за основу концептуального описания государственности в своей концепции соборности³⁹⁷. Он отрицает отождествление божественного и человеческого. Государство, выступающее одной из форм актуализации онтологической «соборности» во внешней «общественности», мыслитель относит к человеческой сфере³⁹⁸. С. Л. Франк определяет теофанию как единственный верный общественный строй³⁹⁹, в котором действует принцип двуединства духовного и мирского⁴⁰⁰.

С. Л. Франк противопоставляет коллективизм, индивидуализм и соборность. Он обращает внимание на то обстоятельство, что нельзя говорить о вовлечении под власть «объективного духа» личности, а можно говорить только о диалектике в раскрытии жизни личности, диалектике «отношений между людьми», которую мы можем увидеть через диалектическое раскрытие в сверхиндивидуальной реальности, берущей начало в «отношениях между людьми» (мире истории, политики, быта, духовной культуры)⁴⁰¹. Каждое замкнутое в себе «я» рассматривается Франком как «неосуществимая абстракция»⁴⁰². «Я» раскрывается в отношении к другим «ты», на наш взгляд, здесь также присутствует соборный принцип либо в своем положительном, либо в отрицательном значении, раскрывающемся в общественности, в отношении к другим, к «ты». «Я» выступает составляющей частью соборного многоединства, соучастником «мы», открываясь Богу. В «я» диалектически проявляются абсолютное и относительное, безграничное и ограниченное⁴⁰³. Философ обращает внимание на то, что патриотическое сознание возможно через любовь к родному городу, обычаям, песням, диалекту. При разрушении интимного соучастия в национальном единстве,

³⁹⁶ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 146.

³⁹⁷ Там же. С. 154.

³⁹⁸ Там же. С. 155.

³⁹⁹ Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 33.

⁴⁰⁰ Там же. С. 34.

⁴⁰¹ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 115.

⁴⁰² Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 116.

⁴⁰³ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 117, 118.

стирании национальных черт и при переходе к крупным денационализированным обществам снижается степень солидарности в обществе⁴⁰⁴.

Центральным параметром достижения соборности в религиозно-светской социальности является присутствие идеи Богочеловечества. Н. А. Бердяев убежден, что в понимании Бога нужно уйти от догматов, перейти к реалистическому мифу о Богочеловеке и Богочеловечестве⁴⁰⁵. Философ говорит о примате апофатического богословия в понимании Бога. Бог есть свобода⁴⁰⁶. Христианская религия становится богочеловеческой и троичной⁴⁰⁷. Интуитивное познание Бога, деятельность как Бога, так и человека, их раскрытие друг через друга, взаимоотношения между Богом и человеком превращаются в драму двух, разрешающуюся в третьей – в драму богочеловечества⁴⁰⁸. Согласно С. Л. Франку, братство, как живой организм, должно присутствовать в богочеловечестве. Обозначен аристократизм и святость человеческой личности, высокие нравственные принципы⁴⁰⁹. Одновременно с этим намечается возможность достижения Царства Божия в связи с тем, что его достижение зависит от нашей собственной воли в религиозно-светской социальности. Царство Божие уже реализуется в нашем мире, в душе человека, реализуется богочеловечность⁴¹⁰. Согласно С. Л. Франку, состояние богочеловеческое – это комплекс фактических человеческих сил и сверхчеловеческих идеальных идей. Бог и человек совместно актуализуют высшие духовные начала. Богочеловеческое состояние – это любой момент, в котором человек находится⁴¹¹. Этика не может присутствовать автономно в Боге и автономно в человеке. Этика присутствует в Богочеловечестве⁴¹². Этика, по С. Л. Франку, есть конкретное самосознание человека, понимание положительного и отрицательного значений, добро – это

⁴⁰⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 201.

⁴⁰⁵ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 55.

⁴⁰⁶ Там же. С. 16.

⁴⁰⁷ Там же. С. 101.

⁴⁰⁸ Там же. С. 21.

⁴⁰⁹ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С.88, 89, 97.

⁴¹⁰ Там же. С.77, 83, 85, 86.

⁴¹¹ Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 125.

⁴¹² Там же. С. 24.

целенаправленная воля человека, проявляющаяся либо в следовании онтологически закономерным божественным законам, на которых основан и социальный идеал, либо в попадании под власть эмпирической закономерности⁴¹³. Франком религиозное и философское объединяются⁴¹⁴. Присутствует нераздельная связь между божественным и человеческим в богочеловеческом единстве.

Соборная истина – важный параметр достижения в религиозно-светской социальности соборного единства. Реализация социального идеала, по Булгакову, должна отвечать требованию практической целесообразности⁴¹⁵. Абсолют, *не, сверх*, пустота рождает и Бога, и мир, и человеческое существо, что приводит к имманентно-трансцендентному пониманию Бога и делает возможным «положительное» богословие. Трансцендентный и имманентный миры взаимообусловлены через миф и догмат⁴¹⁶. Мифу, по С. Н. Булгакову, присуща соборность, которой свойственно живое единство, обладающее рождающей силой⁴¹⁷. Соборность, познаваемая через миф, делала возможным наличие живого единства. Соборность в религиозно-светской социальности, делающаяся доступной посредством мифа и догмата, наполнена конкретным содержанием. Булгаков говорит о том, что субъект мифа может быть обозначен лишь именем собственным⁴¹⁸. Наличие в мифе трансцендентного определяет его объективность, исключая субъективизм и психологизм. В мифе через индивидуальное проявляется всеобщее. Миф, по С. Н. Булгакову, должен соотноситься с догматом, его содержание выражается в символах, наполнение которых объективно. Миф – «событие на грани двух миров», его содержание конкретно, он мыслится реалистично⁴¹⁹. Миф – орудие религиозного ведения. Культ – это «переживаемый миф»⁴²⁰. Догмат мы можем представить как выражение сущности религиозного мифа в понятии. Соборность как понятие актуализируется через догмат.

⁴¹³ Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 45, 47.

⁴¹⁴ Там же. С. 49.

⁴¹⁵ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С.238.

⁴¹⁶ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 170.

⁴¹⁷ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 174-175.

⁴¹⁸ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 107.

⁴¹⁹ Там же. С. 107.

⁴²⁰ Там же. С. 116.

Догматическая формула – это «схема целостного религиозного переживания»⁴²¹, «имманентизация трансцендентного содержания религии»⁴²². Булгаков выделяет два вида догматов: догмат-миф и догмат-формулу. Догматы фиксируют факт откровения, в слове фиксируется миф, а объективный соборный характер религиозного переживания требует догматической кристаллизации. Догматы – церковные и соборные нормы и задания определяют личный религиозный опыт. В догмате соборности нивелируются противоречия личного религиозного опыта и снимается противоречие между личным религиозным опытом и объективной системой догматов, заключающих в себе внутреннее, внешнее, свободу, авторитет, знание и веру. Догмат – это «логическая транскрипция» данности религиозного опыта⁴²³. Идея соборности проявляется в том, что мир, по С. Н. Булгакову, един в своей основе с Богом, существование мира – это его творческое, относительное существование в Абсолютном⁴²⁴. На наш взгляд, на уровне соборности снимаются антиномии, и космологическая, и времени-временности, и свободы-необходимости, определенные С. Н. Булгаковым. Они присущи религиозной социальности и светской социальности. В религиозно-светской социальности происходит стягивание разрозненных элементов божественной реальности через самосознание, в том числе и человеком себя как соборной личностью. Устраняются противоречия между наукой и религией. С. Н. Булгаков высказывает мнение, что наука и религия должны находиться в ситуации «солидарности», «соподчиненности», или соборного единства, развиваясь в «постоянном напряжении»⁴²⁵. Догмат, по С. Н. Булгакову, возможен как «религиозное ведение»⁴²⁶. Для догмата, по Булгакову, характерна образность, символизм, которые проявляются в мифе. Булгаков наделяет миф такими чертами, как «объективность», «кафоличность», причем, отождествляя эти понятия. Откровение трансцендентного мира в имманентной действительности возможно через миф.

⁴²¹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 120.

⁴²² Там же. С. 121.

⁴²³ Там же. С. 128.

⁴²⁴ Там же. С. 288.

⁴²⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 416.

⁴²⁶ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 105.

Содержание мифа представляет собой самоочевидную истину, обладающую опытно-интуитивным характером. В мифе, по С. Н. Булгакову, возможна встреча имманентного мира человеческого сознания и мира трансцендентного Божественного, в мифе воплощается новое знание, доопытное, из которого можно делать дальнейшие выводы. Критерием достоверности знания выступает непосредственное переживание⁴²⁷. Бесстрашие перед истиной можно обозначить как главную характеристику соборности религиозно-светской социальности. Чувство вины также определяет существование человека в религиозно-светском сообществе. По словам Н. А. Бердяева, ключевым вопросом является соотношение силы и духа. В познании христианской идеи решающее значение имеют соборный принцип и принцип диалектики⁴²⁸. В работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» Франк отмечает, «что лишь религиозный человек способен иметь подлинное живое самосознание. Религиозность и самосознание одно и то же»⁴²⁹. В основании познания человека, его души должно быть живое знание внутренней жизни субъекта⁴³⁰. Душевная жизнь обладает характером сплошности, слитности, бесформенного единства⁴³¹. Душевная жизнь внутренне надвременна и ей присуща потенциальная сверхвременность⁴³² – это потенциальная бесконечность, которая укоренена в абсолютном бытии, она разделяет безграничность бытия, что означает богоподобие человека⁴³³. С. Л. Франк различает два вида знания: «внешнепредметное созерцание» и внутреннее живое знание⁴³⁴. Гносеологический аспект соборности, по Л. П. Карсавину, связанный с социально-политическим и социальным, проявляется в наличии соборного критерия истины. Это не отвлеченный критерий и общеобязательный, а истина, постигаемая индивидуально каждой личностью,

⁴²⁷ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 106.

⁴²⁸ Belov V. N., Ivleva M. L., Nizhnikov S. A. On the possibility of christian philosophy. // Journal for the Study of Religions and Ideologies. 2019. Vol. 18. No 52. P. 23; Бойко П. Е. Всеобщая диалектика религиозного сознания как методологический принцип понимания христианской идеи в современном мире. // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2011. № 1. С. 227-233.

⁴²⁹ Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 10.

⁴³⁰ Там же. С. 36.

⁴³¹ Там же. С. 108.

⁴³² Там же. С. 119.

⁴³³ Там же. С. 117.

⁴³⁴ Там же. С. 71, 118, 121.

которая осуществляет в соответствии с ней деятельность. Соборность истины – это актуализация всех ее возможностей в действительности, объединение всех индивидуальных проявлений в «симфонию».

Одним из основных параметров религиозно-светской социальности как формы соборности является достижение свободы. Интериоризация соборных принципов, или воцерковление мира, происходит в рамках практической общерелигиозной деятельности и через культ. Данный процесс согласуется с увеличением духа свободы. Все бытие по текстам Л. П. Карсавина выступает соборным или потенциально соборным, церковным. Из текстов Л. П. Карсавина, можно сделать вывод, что любая социальность, в том числе и светская, потенциально содержит в себе основы для становления в религиозно-светскую социальность⁴³⁵. Л. П. Карсавин выводит нравственные принципы, которые могут быть положены в основание деятельности, в том числе и в рамках государства. Это принципы: деятельности, отказа от бездействия; преодоление греха через свободное соединение с Христом⁴³⁶. По отношению к личности, отмечает мыслитель, нельзя устанавливать общезначимых правил, предписаний для действий в конкретных случаях, определяемых творческой свободой. Карсавин в своих работах делает заключение, что мир становится Церковью⁴³⁷. По Бердяеву, должно быть сочетание этики благодати и свободы. Служение должно быть свободным. Свобода онтологическая основа общественной жизни. «Общественная жизнь есть совместная, соборная жизнь человека»⁴³⁸. Первична свобода, свобода веры, свобода творчества, свобода соучастия. Служение может предполагать как ограничения степени свободы в обществе, так и ее увеличение⁴³⁹.

Соборность религиозно-светской социальности преодолевает односторонность религиозности и светскости. В. С. Соловьев называет данное состояние «нормальным обществом», «свободной общинностью» (в основании

⁴³⁵ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 413.

⁴³⁶ Там же. С. 419.

⁴³⁷ Там же. С. 420.

⁴³⁸ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 204.

⁴³⁹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М. Директ-Медиа, 2008. С. 202, 208, 209.

религиозно-светской социальности свобода), а П. А. Флоренский также применяет определение «нормальное общество». Все сферы общества уподобляются божественной сфере, где присутствуют «обязанность» (П.А. Флоренский) и «служение» (С.Л. Франк). Возможность соборности актуализуется в действительности в «нормальном обществе», где присутствуют любовь, справедливость, польза. Все виды деятельности – реализация религиозного начала. Достигается единство имманентного и трансцендентного. Л. П. Карсавин обращается к вопросу государственного устройства религиозно-светской социальности и постулирует, что государство должно вырасти в Церковь. Он вводит понимание государства как соборной личности. С. Л. Франк выделяет жизненные формы соборности. Определяет соборность как единство «мы». Им раскрывается понятие «мы-мировоззрения». Следуя традиции Л. П. Карсавина, он обращается к пониманию государства как одной из форм актуализации соборности в социальности. Идея Богочеловечества наиболее полно представлена у С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева. Прослеживается определение истины как соборной истины в работах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина. Н. А. Бердяев, ставя под сомнение мифы светской социальности, пишет о том, что в религиозно-светской социальности для понимания Бога нужен «реалистичный миф» о Богочеловечестве, по С. Н. Булгакову – это миф, содержание которого кафолично и соборно. Он определяет его как возможность живого единства, соборности религиозно-светской социальности в преодолении имманентности и трансцендентности. Миф, по С. Н. Булгакову, дополняет догмат, а Н. А. Бердяев отрицает необходимость догматов. Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков пишут о преодолении религии в религиозно-светской социальности. По С. Н. Булгакову, П.А. Флоренскому, Л. П. Карсавину, Н. А. Бердяеву религиозно-светская социальность втянута в исторический процесс, при устремленности в вечность, нацелена на прохождение истории. В ней, с точки зрения С. Н. Булгакова и С. Л. Франка, из антиномий возникает единство. Ситуация Богочеловечества достижима в вечности, единстве прошлого, настоящего и будущего, как считает С. Л. Франк, в солидарном

спасении. Соборное единство выступает конкретным бытием социального.

Исходя из работ философов можно сделать вывод, что религиозно-светская социальность – это форма соборности, включаемая в двухуровневую концептуальную модель определяемого символично-социально-онтологического периода на социально-онтологическом уровне, в которой отсутствует разделенность человека, общества, церкви, Бога, ситуация Богочеловечества, или соборное единство, которое присутствует в настоящем в социальной действительности и, одновременно с этим, устремлена в вечность. Н. А. Бердяевым данная эпоха определяется как «творческая эпоха общественности». В религиозно-светской социальности мы можем обозначить соборность в значении синтеза трансцендентного и имманентного. На пути к синтезу, то есть религиозно-светской социальности, человек, находясь в различных формах социальности, и религиозной, и светской, актуализует в своей деятельности разные формы соборности. В концептуальной модели символично-социально-онтологического периода в качестве целеполагающих параметров достижения соборности в религиозно-светской социальности как форме соборности определяются: преодоление разделенности трансцендентного и имманентного, устремленность в вечность через прохождение истории (сверхвременность), преодоление религии в реальном Царстве Божиим, общественное единство в историческом поле, идея Богочеловечества, соборная истина, достижение свободы.

Глава 2. Символы и аскеза концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического этапа развития идеи соборности в русской религиозной философии первой половины XX века

§ 2.1. Символы соборности религиозной социальности в индивидуальной аскезе достижения соборности в трансцендентном

Дуновение символизма проникло в русскую культуру, где мы наблюдаем взаимосвязанное упоминание символа и соборности. Современник изучаемых нами русских религиозных философов поэт-символист и философ В. И. Иванов в работе «Две стихии в современном символизме» (1924) пишет, что «символ есть знак, или означенное, символ многозначен и многосмыслен»⁴⁴⁰. В саратовской философской школе мы находим глубокое изучение вопроса значения символов в русской философии. В. А. Фриауф не упоминает идею соборности в своих работах, но обращается в целом к языковой парадигме русской духовности, православной традиции, русской идее, отмечая высокую роль языка-символа⁴⁴¹. Символы, по мысли В. А. Фриауфа, делают саму русскую философию самобытной, показывают уникальную философскую канву всей русской философской мысли, русской религиозности и русской религиозной философии первой половины XX века. Значение имен сводится не к знакам или их комбинации, а к символам, «онтологическим реалиям», в традиции П. А. Флоренского, к значению бытия, которое больше самого себя⁴⁴², что связано с определяемым В. А. Фриауфом «эффектом синергии»⁴⁴³. Выстраивается цепочка, в традиции С. Н. Булгакова, возникновения языка из «метафизических трансценденталий»⁴⁴⁴. По

⁴⁴⁰ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. 143 с.

⁴⁴¹ Фриауф В. А. Язык, метафизика и русская идея // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 3. С. 62-66; Фриауф В. А. Языковая парадигма русской духовности // Межрегиональные Пименовские чтения. 2010. Т. 2. № 7. С. 183-190; Фриауф В. А. Православная традиция и русская философия имени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1-2. С. 57-61.

⁴⁴² Фриауф В. А. Православная традиция и русская философия имени. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1-2. С. 59.

⁴⁴³ Там же. С. 60.

⁴⁴⁴ Фриауф В. А. О начале языка. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 3. С. 293, 296.

В.А. Фриауфу, язык-символ и онтологичен, и метафизичен⁴⁴⁵. В. Б. Устьянцев относит символы к социокультурным средствам, которые делают возможным «различение», культурную дистанцию, раскрывающую расположенность объектов культуры⁴⁴⁶.

В определяемой концептуальной модели соборности первой половины XX века возникает символически-смысловое понимание соборности, что позволяет включить символическое значение в модель соборности периода и соотнести формы соборности, представленные в религиозной, светской и религиозно-светской социальности, с видами аскезы, характерной для них и выраженной в символах соборности. Символически-смысловой уровень двухуровневой концептуальной модели в определяемый символично-социально-онтологический период становления идеи соборности связан с описанием в символах соборности аскезы, которая интерпретируется как деятельность, направленная на достижение выделенных параметров соборности соответствующей религиозной формы социальности социально-онтологического уровня модели соборности.

Символическое звучание прослеживается и в описании аскезы, ведущей к соборности у русских религиозных философов первой половины XX века. Символ соборности религиозной социальности, или «странствование» мы находим в работе С. Н. Булгакова «Средневековый идеал и новейшая культура» (1907), символ «подвижничество» появляется в текстах П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914), Н. А. Бердяев обращается к символике подвижничества в 1916 году в работе «Смысл творчества», у С. Л. Франка упоминание символа «странствие» присутствует в книге «Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии» (1945). Нужно отметить, что символ подвижничества был уже применен С. Н. Булгаковым в 1909 году в описании религиозно-светской социальности («Героизм и подвижничество»). Н. А. Бердяев также употребляет

---

⁴⁴⁵ Фриауф В. А. Язык, метафизика и этика в диалоге русской и китайской традиций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 3. С. 58.

⁴⁴⁶ Устьянцев В. Б. Пространство социокультурной памяти: горизонты концептуализации // Философские аспекты онтологии культуры: Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.] – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2019. С. 6.

символ «странствование»⁴⁴⁷ в 1924 году в работе «Новое средневековье», но относительно процесса смены эпох.

Дж. Хит определяет таких символических персонажей в текстах С. Н. Булгакова, как «аскет» и «святой», «художник» и «философ»⁴⁴⁸, отмечая диалектичность текстов С. Н. Булгакова⁴⁴⁹. Подобную символику применял и В. И. Иванов, у которого мы находим в работе «О веселом ремесле и умном веселии» (1907) символы художник-ремесленник, художник-кумиротворец, художник-облачитель⁴⁵⁰.

В «Трагедии философии» С. Н. Булгаков пишет, что природа понятий символична, что в символах присутствует сила бытия своих объектов «они могут быть субъективны, ошибочны, но не пусты и не беспочвенны»⁴⁵¹. Наречение имен по воле Всевышнего приобретает характер символического, о чем пишет С. Н. Булгаков в работе «Философия имени»⁴⁵².

В работе «Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования» С. Н. Булгаков отмечает символизм библейских текстов⁴⁵³, «символический характер имени как идущего в глубину и не исчерпывающегося каким-либо определением»⁴⁵⁴. Абсолютных соответствий имени и носителя быть не может. Человек постулирует волю к наименованию⁴⁵⁵.

Имя определяет бытие носителя в его состоянии, но не в сущности. Имя не является постоянным, не сливается с его наличным именованием. Переименование выступает новым рождением, изменением типа, характера развития⁴⁵⁶. С. Н. Булгаков определяет человека как полностью богоподобного, с этим связана возможность боговоплощения. В человеческом существе актуализуются имя и

⁴⁴⁷ Бердяев Н. А. Новое средневековье. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 7.

⁴⁴⁸ Heath J. On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy*. Modern Theology. January 2021. DOI: 10.1111/moth.12676. P.11.

⁴⁴⁹ Коротких В. И. Образ философии Гегеля в "Трагедии философии" С. Н. Булгакова. Вече. 2015. № 27-2. С. 144-153.

⁴⁵⁰ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 60, 61, 76.

⁴⁵¹ Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. М.: Наука, 1993. Том I. Философия хозяйства. Трагедия философии. С. 482.

⁴⁵² Булгаков С. Н. Философия имени. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 252.

⁴⁵³ Булгаков С. Н. Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования. Москва: Директ-Медиа, 2014.

⁴⁵⁴ Булгаков С. Н. Философия имени. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 260.

⁴⁵⁵ Там же. С. 261.

⁴⁵⁶ Там же. С. 262.

слово⁴⁵⁷. К. М. Антонов отмечает, что в текстах С. Н. Булгакова можно определить человеческую субъективность как базовую метафору, с помощью которой происходит описание троичного догмата⁴⁵⁸.

Символизм проявляется в том, что «имя существительное, подлежащее, вообще не равно своим сказуемым, раскрывается, но не исчерпывается в них, остается им трансцендентно в своем онтологическом ядре»⁴⁵⁹. Можно обозначить символы С. Н. Булгакова «предикативными именами»⁴⁶⁰. Слово есть символ – это исходная формула С. Н. Булгакова, символ понимается как соединенность двух естеств, силы и глубины. Символ выступает вместилищем другого содержания, иных сил. В символе присутствует соединенность Бога и человека. Символы – символические проекции трансцендентного в имманентном⁴⁶¹.

В нашем исследовании мы определяем именно странствование в качестве символа, посредством которого описывается аскеза религиозной социальности, направленная на достижение выделенных параметров, ведущих к соборности, у С. Н. Булгакова⁴⁶². Нужно отметить, что в греческом существительном «σύνωδος», происходящем от σύν, вместе, и одос, дорога, присутствует символ странствования по общему пути, паломничества. Соборность в данном аспекте определяется в развитии, в движении, динамике.

Символ «странствование» употреблял и Гете в значении личной религии, синтеза и мозаичности многочисленных религий⁴⁶³. С. Н. Булгаков применяет символ соборности «странствование»⁴⁶⁴ в работе «Средневековый идеал и новейшая культура» (1907). Можно отметить, что философия раскрывает смыслы и символы⁴⁶⁵. А уже в 1924 году в работе «Новое Средневековье» к данному

⁴⁵⁷ Булгаков С. Н. Философия имени. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 273.

⁴⁵⁸ Антонов К. М. Проблема личности в мышлении протоиерея Сергия Булгакова и проблематика богословского персонализма в XX веке. // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 182.

⁴⁵⁹ Булгаков С. Н. Философия имени. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 275.

⁴⁶⁰ Там же. С. 292.

⁴⁶¹ Там же. С. 308.

⁴⁶² Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 266.

⁴⁶³ Гете И. В. Поэзия и правда. Из моей жизни. Москва: Рипол-Классик, 2018. С.13.

⁴⁶⁴ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.189.

⁴⁶⁵ Ломоносов А. Г., Муравьев А. Н. Философия на русском языке: размышления в связи со статьей Д. К. Богатырева "русская философия в России" // Русская философия. 2022. № 1(3). С. 169-176.

символу обращается Н. А. Бердяев, говоря о трансформации соборности в новом качестве «эпохи исторического странствования»⁴⁶⁶.

Религиозная социальность С. Н. Булгаковым понимается в отношении к божественному. Символ странствования может быть рассмотрен на примере религиозной аскезы, включаемой в модель соборности символично-социально-онтологического этапа. Процесс принятия человеком социальных смыслов становится возможным через политику, право, хозяйство. С. Н. Булгаковым особо отмечается, что именно религия «подлинно социальна и в этом качестве есть основа социальности»⁴⁶⁷. К. М. Антонов отмечает, что социальный аспект религии связан с понятием соборности, но им прослеживаются и психологические основания религиозности, раскрывающиеся в текстах религиозных философов⁴⁶⁸. В. И. Иванов считает, что сознательно или бессознательно, но человек остается всегда религиозным⁴⁶⁹.

Соборность может быть рассмотрена как основа концепции социальной идентичности и идентификации⁴⁷⁰. С. Н. Булгаков рассматривает мир не как статичный, а в развитии. Антиномизм Мир-Бог религиозной социальности, актуализирующийся в странствовании, позволяет человеку попасть в ситуацию «вне времени», за грань смерти, вне смертности. Смерть, трагедию, незавершенность имманентного мира преодолевала эсхатологическая убежденность, которая проявлялась либо в ожидании конца света, либо в ожидании смертного часа. Апокалиптика сходна, по С. Н. Булгакову, с социальным абсолютизмом, строящим абстрактные схемы, не создающим положительных программ социальных преобразований. В религиозной социальности создается религиозная личность⁴⁷¹, в основании которой лежит Бог как ключевая аксиологическая ценность. Бог организует деятельность «религиозной личности».

⁴⁶⁶ Бердяев Н. А. Новое средневековье. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 7.

⁴⁶⁷ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.96.

⁴⁶⁸ Антонов К. М. Психология религии в русской религиозной мысли: к постановке проблемы. Философские науки. 2018. № 5. С. 146, 150–151.

⁴⁶⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 53.

⁴⁷⁰ Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность в философии С. Н. Булгакова как основание социальной идентификации и идентичности. Научная мысль Кавказа. 2020. № 1(101). С. 25-31.

⁴⁷¹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 199.

Для странствования характерен отказ «от мира сего», от того набора гражданских прав и обязанностей, которые связаны со следованием культу правителя, странник видит себя гражданином другого царства – царства божественного⁴⁷². Религиозная социальность отражается и в работах В. И. Иванова. Христианское неприятие мира он называет «мистическим энергетизмом»⁴⁷³. Символы неприятия мира присутствуют и в искусстве.

С. Н. Булгаков отмечает, что в странствовании у личности присутствует дуальное понимание государства. С одной стороны, государство, понимаемое как религиозный институт или «языческая теократия», с культом героя, человекобожеством, имманентным в своем основании, отрицалось, а с другой стороны, как форма социального устройства, рассматривалось как орудие добра и порядка. Появление личности в религиозной социальности первохристианства – это революция. С. Н. Булгаков писал, что вступление в Церковь – интимный акт между Богом и человеческой душой, ведущий к пробуждению личности и осознанию ее божественной природы. В реформации появилась «новая личность европейского человека», «религиозный индивидуализм» реформации с идеями свободы совести, права, политических действий⁴⁷⁴.

Аскезе, воплощенной в странствовании, направленной на достижение параметров соборности, присущ «христианский индивидуализм». Христианский индивидуализм противоположен внерелигиозному индивидуализму, голой самости, ведущему к массовости и утрате свободы⁴⁷⁵. С. Н. Булгаков описывает в религиозной социальности «религиозную личность»⁴⁷⁶. Рассматривая аскезу «религиозной личности» на основе булгаковской концепции, можно отметить ее «пассивное безразличие» и «анархизм»⁴⁷⁷. Личность выносит себя за пределы объема возможных отношений с государством⁴⁷⁸. Одновременно с этим религиозная социальность при своем возникновении и становлении предполагает

---

⁴⁷² Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 269.

⁴⁷³ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 53, 55.

⁴⁷⁴ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 279.

⁴⁷⁵ Там же. С. 60.

⁴⁷⁶ Там же. С. 342.

⁴⁷⁷ Там же. С. 273.

⁴⁷⁸ Там же. С. 275.

отказ от любых попыток революционного преобразования общества в связи с принятием всех существующих форм социального уклада как установившейся данности.

Социальная позиция в религиозной социальности, с нашей точки зрения, несет в себе личностный характер, значение общественного нивелируется в связи с первостепенностью религиозных задач⁴⁷⁹. Социальные позиции (профессиональная, расовая) имеют неустойчивый характер в поле религиозной социальности. Внешнее социальное неравенство воспринималось как данность. В военной идентичности религиозной социальности присутствует как рецепция взглядов Тертуллиана, т.е. отказ от несения военного долга, так и рецепция Климента Александрийского, то есть исполнение военной службы, за исключением противоречащих религии предписаний.⁴⁸⁰

Экономические отношения основываются на идеале добровольной бедности и благотворительности⁴⁸¹. Значимым аспектом является отсутствие стремления к переделу имущества, что обусловлено пониманием своей временности в царстве «мира сего». Экономическим реформаторством, на наш взгляд, можно считать изменение отношения к труду. Равенство всех людей перед Богом приводило к тому, что труд становился не бременем, а предназначением для человека, был связан с чувством «религиозной ответственности»⁴⁸². По С. Н. Булгакову, самоопределение, становление человеческой личности определялось в трудовой деятельности⁴⁸³, при этом отрицалась частная собственность и накопление богатства. Присутствовало стремление удержать натурально-хозяйственный строй, происходило умаление значения экономического прогресса вследствие развития «индивидуалистического аскетизма»⁴⁸⁴. Это приводило к такой форме хозяйственной свободы «религиозной личности», как «свобода от хозяйства»⁴⁸⁵.

---

⁴⁷⁹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 276.

⁴⁸⁰ Там же. С.274.

⁴⁸¹ Там же. С.278.

⁴⁸² Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С.232

⁴⁸³ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.331.

⁴⁸⁴ Там же. С. 333.

⁴⁸⁵ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. С. 210.

Надхозяйственный путь достижения свободы, или религиозная аскеза, происходил через совершенствование человеческой природы, скольжение над хозяйством, охрану своей духовной свободы от хозяйства⁴⁸⁶, достижение «сверххозяйственного» состояния⁴⁸⁷. Религиозной социальности как форме соборности соответствует такая мотивация, определенная С. Н. Булгаковым, как выполнение «религиозных» или «нравственных» обязательств, «религиозное делание». Социальная детерминация несущественна на уровне религиозной социальности, классовые, социальные различия стираются. Труд встраивается в структуру целостного аскетичного миропонимания. Оценки в процессе трудовой деятельности определяются в отношении к трансцендентным ценностям. Ценность труда в религиозной социальности выносится за пределы самой трудовой деятельности: труд может быть рассмотрен в качестве аскетических упражнений, в качестве послушания, формируя образцы дисциплины труда и способствуя тем самым развитию экономики. Экономика является важной сферой развития личности⁴⁸⁸. В такой форме трудовой активности, на наш взгляд, в повседневности труда, открывалась соборность, в повседневности реализовывалась целостность соборного единства человека с обществом, человека с Богом.

В религиозной аскезе, ведущей к достижению целеполагающих параметров соборности в ее религиозной форме, значение половой идентичности нивелируется, телесность обесценивается⁴⁸⁹. Соборность религиозной социальности окрашена вневременным аскетизмом, духовным деспотизмом, неотмирностью, эсхатологичностью, антиисторичностью, которые влияют на развитие религиозной личности.

С. Н. Булгаков через самоназвание раскрывает сущность символа странствования в религиозной социальности. В первохристианстве в самоназвании

⁴⁸⁶ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 211.

⁴⁸⁷ Там же. С. 213.

⁴⁸⁸ История русской экономической мысли в XX веке / К. А. Смирнов, И. М. Братищев, Т. Ю. Прокофьева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. С. 57–61; Кондратьева С. Б. С. Н. Булгаков: труд и его значение в "Философии хозяйства" // Булгаковские чтения. 2017. № 11. С. 6-9; Foltz V. V. The Resurrection of Nature: Environmental Metaphysics in Sergei Bulgakov's Philosophy of Economy // Philosophy and Theology. 2006. Vol. 18. No 1. P. 121-142.

⁴⁸⁹ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.285.

«рабы Божии», «святые» актуализировалось в наличном бытии, в социальности понимание противоположности с окружающей социальной действительностью, окружающим миром. Через появление такого самоназвания первохристиан как «братья», «Церковь Божия»⁴⁹⁰ можно проследить проявление соборности в религиозной социальности. Соборность распространялась на самих христиан, на их общины, устремленные в своей мирской жизни к сфере трансцендентного Бога. Соборность была представлена не в теоретическом аспекте, а в практическом жизненном действии, аскезе, направленной к Богу. Этика первохристианских общин раскрывается на основе соборности⁴⁹¹. Именно жизненным, практическим действием в религиозной социальности первохристианами была очерчена граница, определяющая круг нравственных действий и поступков. Действия и поступки проявлялись в единомыслии, противности разделению, «подражании Господу» в ожидании будущего века. Особенностью нравственной позиции была именно ситуация «ожидания будущего века».

В качестве важной черты личной аскезы в религиозной социальности символа странствования является «избранность», религиозный моноидеизм⁴⁹². Утверждается самоназвание «избранный народ», что ведет к заключению, что все остальные, по принципу дихотомического деления, «неизбранный народ». Религиозная социальность в первохристианстве – это надобщественная сфера, и в ней есть элемент отдельности, но не враждебности в первохристианстве⁴⁹³. В средневековой модели религиозной социальности идея «избранности» приводит к тому, что весь нехристианский мир выносится «за скобки» Царства Божия и добра, отождествляется с миром, лежащим во зле, где возможно и оправданно применение насилия с целью установления власти церкви в аскетической теократии средневековья⁴⁹⁴. В протестантизме, исходя из текстов Булгакова, формируется «духовная аристократия избранных Богом» в мирской жизни, в противовес

⁴⁹⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.285, 286.

⁴⁹¹ Goršak B. Same Four-Fold Structure of Sobornost and Christian Trilateral Situation Ethics 2021//Res novae 6. – С. 7–26. URL: https://www.katoliski-institut.si/public_resources_cache/files/original/original/7/727/Res_novae%202021_1.pdf#page=7

⁴⁹² Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.186.

⁴⁹³ Там же. С.286.

⁴⁹⁴ Там же. С.193.

избранности «вне мира и над миром»⁴⁹⁵. Восстанавливается идея «избранного народа» в пуританском аскетизме⁴⁹⁶.

Можно сказать, что из политической, гражданской, правовой и религиозной аскезы у первохристиан возникает феномен мученичества. Бездействие в странствовании воспринимается в светской социальности как провокация, анархизм и требует наказания. «Странник» с радостью возлагает на себя бремя мученичества, так как факт мученичества приближает его к единству с Богом. Мученичество – путь к бессмертию⁴⁹⁷. Само «мученичество» – это индивидуальная эсхатология, личный апокалипсис. Это форма перехода к состоянию соборного единства с Богом, скачок к Богу. Феномен «мученичества» окрашен «героизмом», берущим свои корни в светской социальности.

«Странник» всегда носит в сердце чувство «расстояния» с миром, некое внутреннее мироотречение, приводящее к трагизму и аскетизму⁴⁹⁸. Нравственность основывается на аскетизме, а он, в свою очередь, основан на соборности с Богом. Так как телесность понималась как «Храм Божий» и «тело Христово», утверждалась «святость плоти». Аскетизм – это путь, ведущий к преображению плоти. Тело – не объект человеческой собственности, им нельзя владеть, пользоваться и распоряжаться. Тело – это «сотворенная Богом красота»⁴⁹⁹. Оставшаяся часть социальной реальности исключалась из соборности. Религиозная личность проявляла себя в религиозной любви к миру и в аскетике, полярной миру⁵⁰⁰. Закон жизни состоит в том, что аскетизм побеждает, отрекаясь от становящегося мира ради веры⁵⁰¹. Аскетизм в религиозной социальности – это не этическое, а онтологическое начало, связанное с мироощущением, которое С. Н. Булгаков определяет, как «религиозно-аскетическое самоощущение»⁵⁰². Религиозная аскеза называется С. Н. Булгаковым «станцией с короткой

⁴⁹⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 220.

⁴⁹⁶ Там же. С. 222.

⁴⁹⁷ Там же. С. 294.

⁴⁹⁸ Там же. С. 298.

⁴⁹⁹ Там же. С. 289.

⁵⁰⁰ Там же. С. 298.

⁵⁰¹ Там же. С. 300.

⁵⁰² Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. С. 219.

остановкой»⁵⁰³. Мироощущение человека в религиозной социальности определяется непогруженностью в социальность. Это связано, по С. Н. Булгакову, с ощущением и восприятием мира как непрочного, неокончательного. Бог становится доступным человеку через борьбу с миром, противоположение миру. Мир автономен и замкнут в себе, Бог – бесконечен и обладает соборностью. Причем, если в светской социальности страх смерти приводил человека к активной преобразовательной деятельности, уводил человека от бездействия, от болтовни и суеты, то в религиозной социальности был не страх смерти, а ожидание смерти, скольжение по жизненному пути, отсутствие погруженности в социальность. Увидеть красоту мира можно, оторвавшись от мира в аскетизме⁵⁰⁴. Аскетизм обусловлен чувством эсхатологии, на котором зиждется историзм. Аскетизм рассматривается не как средство, а как цель деятельности «религиозной личности» в странствовании. Противоречия в религиозной социальности связаны не с аскетизмом как таковым, а, по мнению С. Н. Булгакова, с индивидуалистическим гипераскетизмом, который снимает с личности обязанности по исполнению исторических задач и обязательств. Странствование уходит из исторического поля, сосредотачиваясь на уединенной жизни души. Значения социального сознания, социальной любви и социального действия утрачивают смысл в религиозной социальности, нормой жизни становится «уход из истории»⁵⁰⁵. С. Н. Булгаков выделяет такой вид аскетизма в религиозной социальности, как «пуританский аскетизм», который реализуется в практической деятельности, открывая аскетически окрашенные пути к накоплению богатств, определяя обогащение как богоугодную деятельность⁵⁰⁶.

Основные нравственные принципы «странствования»: чистота христианской жизни, взаимная любовь, религиозная радость. Радость – это религиозная радость. «Царство Божие» – радость, поэтому путь к нему – радость, победа над миром с его трагизмом и скорбью – есть рывок к радости «о Духе святом», вселенская

⁵⁰³ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.297.

⁵⁰⁴ Там же. С. 299, 300.

⁵⁰⁵ Там же. С. 342.

⁵⁰⁶ Там же. С. 222.

радость⁵⁰⁷. Можно отметить и психологические основания религиозности, раскрывающиеся в текстах религиозных философов⁵⁰⁸.

С. Н. Булгаков обращает внимание на нравственные правила взаимопомощи, сострадание в христианских общинах. Социальный вопрос в широком смысле обозначается С. Н. Булгаковым как необходимость решить ряд творческих задач по овладению социальной стихией, или социально-политической организацией⁵⁰⁹. В религиозной социальности первохристианства С. Н. Булгаков находит основы социальной политики, в ее «недифференцированном виде»⁵¹⁰. Она основана на личном действовании. Помощь нуждающимся, благотворительность рассматриваются как нормы и обязанности личного поведения. Религия в отношении реализации социальной политики, социального действия задает лишь цель действий, а формы ее реализации могут быть вариативны, в зависимости от творческого определения или же механического действия человека. У каждого человека, в том числе и на уровне религиозной социальности, должна быть определена свобода социальной совести, но нередко именно в религиозной социальности, по С. Н. Булгакову, устанавливается «клерикальный фетишизм» или замена церкви папой и клиром⁵¹¹.

П. А. Флоренский определяет символом подвижничества аскезу, соответствующую всем трем формам раскрытия соборности. «Символизм воплощает в действительных образах иной опыт, и тем даваемое им делается высшею реальностью»⁵¹². Символы – видимые свидетели мира невидимого. Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели – от высшей реальности, им являемой⁵¹³.

⁵⁰⁷ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 289–292.

⁵⁰⁸ Антонов К. М. Психология религии в русской религиозной мысли: к постановке проблемы. // Философские науки. 2018. № 5. С. 146, 150–151.

⁵⁰⁹ Булгаков С. Н. Философия имени. Москва: Директ-Медиа, 2014. С. 365.

⁵¹⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.237.

⁵¹¹ Там же. С. 236, 237.

⁵¹² Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. Санкт-Петербург: Мифрил. Русская книга, 1993. С. 19, 20.

⁵¹³ Там же. С. 38, 43.

Религиозная аскеза предполагает описываемое П. А. Флоренским постижение форм по их жизненности через себя самих⁵¹⁴. Обратная перспектива обозначает разграниченность этого мира и мира трансцендентного, определяет особую реальность священного. В. А. Фриауф высказывает мнение, созвучное П. А. Флоренскому, что время возникло из вечности в ситуации топологического смещения компонентов символа: духа и тела, смысла и явления, нарушения обратной перспективы. Мир имеет строение символа⁵¹⁵.

П. А. Флоренский описывает аскезу религиозной социальности, направленную на достижение параметров соборности, символом «подвижник», «подвижничество»⁵¹⁶. Путь к состоянию соборности возможен через уход от самозамкнутости, через самоисправление и самособирание, вследствие чего может возникнуть очищенная личность⁵¹⁷. В ее основе «подвиг»⁵¹⁸. Символизм приводит к тому, что метафизическое выражается в психологическом или психологическое выражает метафизику. Символическое описание углубляет наше внимание и служит пониманию предлежащей нам реальности. Оно включает в себя и символ, и символизируемое, то есть является двойственным. Символы раскрываются через описание⁵¹⁹. Философия – это диалектика, это драма, в которой ее символы – символы движущиеся. «Диалектика – это касание действительности». В диалектике показываются самые символы в их рождении от действительности. Это работа символами над действительностью. В символе, охватывающем действительность, единичное возвышается до всеобщего. Символ – это часть, равная целому, причем целое не равно части⁵²⁰.

В «Символике видений» описываются пучки рядов символов, связанных с символизируемым. Символы – в нас, а мы – в символах⁵²¹. В работе «Идеализм»,

⁵¹⁴ Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. Санкт-Петербург: Мифрил. Русская книга, 1993. С. 205.

⁵¹⁵ Фриауф В. А. Время и вечность в контексте православной русской духовности // Межрегиональные Пименовские чтения. 2014. Т. 11. С. 408.

⁵¹⁶ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 72, 177, 181, 271.

⁵¹⁷ Там же. С. 100.

⁵¹⁸ Там же. С. 292.

⁵¹⁹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). М.: Директ-Медиа, 2012. С. 110–113.

⁵²⁰ Там же. С. 123, 124, 142, 143.

⁵²¹ Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Москва: Мысль, 2000. Т. 3. (1) С. 425, 426.

отталкиваясь от рассмотрения метода Пикассо, П. А. Флоренский пишет, что личность в ее целостности конкретно не созерцается, но отвлеченно мыслится, как отвлеченный синтез всех моментов ее биографии. Это единство личности в вечности. Синтетически созерцается целостная жизнь личности⁵²². Становится возможен символ. Подвижничество – это мироощущение, мировосприятие и миропонимание в аскезе на уровне религиозной социальности, преодоление «самоупорного Я», основанное на устоях первохристианства, устремленное к трансцендентному миру божественного, вне имманентного мира человеческой повседневности с его скукой, тоской, будничным трудом⁵²³. Погруженность людей в исторический процесс связана с незнанием божественной природы, и «духонность» предполагала бы конец истории⁵²⁴. В подвижничестве возможен уход из истории в мир трансцендентного, понимание человеческих символов⁵²⁵. Подвижничество религиозной социальности описывается и через категорию «избранности». Критерием для отнесения личности к избранным «подвижникам» с «нетленным» телом и «нетленным» умом является способность к озарению духом, выход вне времени, в вечность, достижение соборности с Богом⁵²⁶. Избранность подвижничества предполагает как чувство бессилия, так и чувство ответственности за преодоление свободного «греха» героев, в качестве которых понимаются все неизбранные⁵²⁷. Подвижник не любит «тварного» имманентного мира. Подвижничество проявляется через опыт, сама жизнь отсеивает верных и неверных. К подвижничеству, кроткости, незлобивости приходят через покаяние⁵²⁸. Аскетизм рассматривается Флоренским как продолжение харизматизма.

По Н. А. Бердяеву в религиозной социальности есть лишь условно символическое, а не реальное достижение соборности в индивидуальном приходе

⁵²² Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Москва: Мысль, 2000. Т. 3. С. 110, 113.

⁵²³ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С.100, 110, 111.

⁵²⁴ Там же. С. 112.

⁵²⁵ Там же. С. 27.

⁵²⁶ Там же. С. 112, 274.

⁵²⁷ Там же. С. 281.

⁵²⁸ Там же. С. 342.

к Богу⁵²⁹. Возникают православный индивидуализм, аскетизм, отделяющие человека от общества, от мира. Н. А. Бердяев определяет аскетику как вечный путь, технику, формальную методологию религиозного опыта, возврат в лоно Бога⁵³⁰.

Творчество в человеке подавлялось, что приводило к отрицанию церковности и еще больше отбрасывало человека от его свободы⁵³¹. В религиозной общине утверждаются максимы аскетизма и индивидуализма, все определяется «трансцендентным эгоизмом, утилитаризмом, эвдемонизмом». Церковное сообщество определяется «абстрактной духовной» любовью, которая проявляется в безразличном отношении как к человеку, так и к природе, направленном исключительно на самоспасание. Н. А. Бердяев описывает идею «избранности» как «монашеско-подвижническую неприязнь к людям и миру», «умерщвление» по отношению ко всему живому и творческому, ставя себя вне и выше других⁵³². В религиозной общине создается авторитарно-теократическая система, основанная на смирении как послушании; творчество отрицается. Смирение из средства к цели превращается в цель действий человека. Действие рассматривает достижение смирения как критерий, и выполнение действия человеком должно способствовать достижению смирения. Личное спасение приходит через смирение. Духовное самопознание и символическое предание направлены на постижение сущности вещей⁵³³. Любовь и смирение рассматриваются как противоположные концепции, любовь уходит в трансцендентное. Смелость, высота духа, творчество, соборность видны только в трансцендентном. Страх ада, страх смерти не дают возможности открыться человеческой свободе, скрывают правду. Проблема страданий в религиозной общине связана, по словам Бердяева, с уверенностью в спасительности страданий. Это привело к заблуждению, что человеческие страдания угодны Богу⁵³⁴.

---

⁵²⁹ Бердяев Н. А. Избранные философские сочинения 1920-х гг. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 139, 142.

⁵³⁰ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 383.

⁵³¹ Там же. С. 144.

⁵³² Там же. С. 152, 155, 156.

⁵³³ Бердяев Н. А. Смысл истории. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 28.

⁵³⁴ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 72, 85, 86, 91.

Согласно Н. А. Бердяеву, в религиозной социальности присутствует духовная аскеза. Но в религиозной социальности религиозная аскеза ошибочно была превращена из метода в цель деятельности. Аскеза, таким образом, может быть понята положительно как борьба против греха, так и отрицательно как подавление страстей, без развития любви. Противоречивый характер религиозной социальности можно объяснить подменой мессианизма аскетизмом. Через аскезу проявляется индивидуализм, в связи с тем, что аскеза индивидуалистична, она направлена на индивидуальное спасение. Согласно Бердяеву, в первохристианстве отсутствовала аскеза. Возникновение аскезы связано с необходимостью формирования духовной аристократии внутри христианства. Возникает монашество с его аскезой, героической борьбой против природы человека. По Н. А. Бердяеву, именно против аскетики, связанной с садизмом, чувством неосознанной гордости, злобности, жизневраждебным и мировраждебным пониманием христианства, восстает гуманизм. Аскеза сопровождалась смирением как сознанием ничтожества человека. Жизнь превращается в непрерывную смерть. Аскеза стала пониматься и как заслуга. В отличие от аскезы западной, интересно отметить, что Н. А. Бердяев выделяет аскезу, возникшую в России в XIX веке у Феофана Затворника, который благословляет занятия торговлей, хозяйственность, семейственность, государственную власть. Выделяются такие формы аскезы, как аскеза страха и заслуги, освобождения от власти мира и любви⁵³⁵. В религиозной социальности символика подвижничества распространяется Н.А. Бердяевым на религиозную социальность в работе 1916 года «Смысл творчества». Философ выражает через символ подвижничества аскетику, свойственную религиозному типу социальности с культом святости. Путь святости – трудный путь подвига, но ему присущ личный характер. Философ отмечает, что противоречие в религиозной социальности связаны с тем, что подвижничество движимое становится неподвижным подвижничеством, или «бездвижничеством»⁵³⁶, что через

---

⁵³⁵ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 75, 80, 82, 83, 84, 87, 88, 90, 93, 94.

⁵³⁶ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 388, 393.

противоречивость делает возможным выход аскетики на новый религиозно-светский уровень.

В работе «Предмет знания» С. Л. Франк обращается к определению роли символа. Он пишет о том, что предмет, выраженный символом, сочетает в себе совершенную неопределенность с абсолютной, идеально законченной определенностью⁵³⁷. С. Л. Франк раскрывает значение целого, которое не может быть рассмотрено как простая сумма его частей⁵³⁸. В работе С. Л. Франка «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» символы соборности мы можем рассматривать как символы «неопределенного» бытия⁵³⁹. Это значит, что невозможно выразить трансцендентное в форме понятия⁵⁴⁰. Реальность – это всеединство Бога, открывающееся в символическом⁵⁴¹.

С. Л. Франк в 1945 году в книге «Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии» обращается к символу странствия, который С. Н. Булгаков употреблял в 1908 году как странствование в работе «О первохристианстве». Мы можем рассматривать их как символы, через которые обозначается аскеза, направленная на соответствие параметрам соборности религиозной социальности. По С. Л. Франку, религиозная социальность связана с тем, что наша жизнь – это «временное странствие», за пределами которого начинается настоящая жизнь в состоянии Богочеловечества (трансцендентное понимание⁵⁴²). Странствие – это переходная ситуация на пути человека.

Нужно отметить, что, если С. Н. Булгаков применяет для описания аскезы религиозной социальности метафору «станция с короткой остановкой», то С. Л. Франк пишет, что «нам придется вылезать из вагона – не только каждому из нас, но и всем нам на последней, конечной станции всего пути. Наша и общемировая жизнь есть только путь к этой цели»⁵⁴³. Данное мироощущение ведет

⁵³⁷ Франк С. Л. Предмет знания. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 48.

⁵³⁸ Там же. С. 349–350.

⁵³⁹ Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 109.

⁵⁴⁰ Там же. С. 111.

⁵⁴¹ Там же. С. 118, 119.

⁵⁴² Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 138.

⁵⁴³ Там же. С. 139.

к развитию сект, к аскетизму, презрению к миру, отвержению мира. Эсхатологическое миропонимание обозначает резкое отличие «действительности» от реальности. Соборность, истинная жизнь начинаются в трансцендентном⁵⁴⁴. Присутствует религиозный аскетизм спасения. С. Л. Франк отмечает, что познание Бога – это присутствие и действие в нас этого существа, опытное постижение Бога, что отражает гегелевское понимание постижения Бога⁵⁴⁵. По С. Л. Франку, отличие человека от других существ состоит в том, что он существо «судящее и оценивающее»⁵⁴⁶. Особенностью человека является способность трансцендировать за пределы себя самого для того, чтобы Бог стал ему доступен в глубине его души. В этом состоит диалектика «сверхрационального отношения». Во-первых, в нем теряется разделенность «вне» и «внутри», т. е. Бог, по С. Л. Франку, одновременно и внешняя относительно личности трансцендентная инстанция, и внутренняя основа бытия личности, осознающей Бога в качестве иного «ты» в своей душе. Та же диалектика присуща и Богу, который есть Добро, не как абстрактная форма, а как совпадение с живым Богом. Диалектика проявляется в одновременных и трансцендентности, и имманентности Бога к человеческой личности⁵⁴⁷. Обожение личности происходит в смирении и самоотдаче⁵⁴⁸. Дуальная природа человека состоит в диалектической взаимосвязи ничтожества, трагического, обреченности и величия, спасенности и богочеловечности.

Символы соборности религиозной социальности раскрывают значение аскезы религиозной социальности, с помощью которой возможно достижение соборности религиозной социальности. С. Н. Булгаков описывает символ странствования, С. Л. Франк – странствия как промежуточную ситуацию, в которой находится личность на пути в мир Божественный для достижения ситуации Богочеловечества, соборности. П. А. Флоренский и Н.А. Бердяев обращаются к символу подвижничества в описании личности религиозной

---

⁵⁴⁴ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 138, 139.

⁵⁴⁵ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 190.

⁵⁴⁶ Там же. С. 196.

⁵⁴⁷ Там же. С. 200, 201.

⁵⁴⁸ Там же. С. 210.

социальности, также и к аскезе подвижничества, отмечая ее переходный характер к достижению соборности в сфере трансцендентного. П.А. Флоренский исходит из идеалов первохристианства, отнесения подвижником себя, прежде всего, к миру трансцендентному, и отмечает избранность как важную характеристику подвижничества, в котором и определяется личность.

Аскеза – путь духовного преобразования духа, в котором телесное исключается из соборности. Для аскезы религиозной социальности характерным было ожидание смерти, устремленность к Богу, эсхатологичность. Аскеза становилась целью деятельности. Н. А. Бердяев отмечал, что аскеза не была свойственна первохристианству, а возникла в историческом христианстве с целью утверждения избранности. Символы странствования, странствия и подвижничества раскрываются в религиозной социальности через аскезу, возникающую из глубинных религиозных переживаний и предполагающую внеисторизм, вневременность, неустойчивость, негативизм, оппозицию и борьбу с миром. Символы соборности религиозной социальности в концептуальной модели соборности символично-социально-онтологического периода отражают реализацию аскезы религиозной социальности, направленную на созидание соборного единства и соответствие параметрам достижения соборности религиозной социальности (трансцендентное понимание Бога и возможности достижения соборности, прожитие соборности в едином непосредственном опыте повседневности, индивидуальное богопознание и индивидуальный критерий истины, трансцендентное основание свободы, эсхатологичность, внеисторическое мироощущение, основанность на апофатическом богословии и платоновской традиции, противоречия между трансцендентным и имманентным и противоречия внутри самого христианства (первохристианство – историческое христианство)).

§ 2.2. Символы соборности светской социальности в аскетике формирования соборности «вне Бога»

В работе «Судьба человека в современном мире» Н. А. Бердяев отмечает, что массы одержимы идеями, которые допускают простую и элементарную символику. Именно данную символику, отражающую соборность светской социальности, мы находим в работах русских религиозных философов первой половины XX века. В концептуальной модели соборности данного этапа ее становления мы соотносим символы с видами аскезы светской формы соборного единства, направленной на достижение целеполагающих параметров соборного единства в светскости: создание религий светского типа, или атеистических религий, но вместе с тем сохранение религиозности, идея Человекобожия, индивидуализм, раздробленность, или мнимое единство, отказ от трансцендентного, имманентизм, потеря свободы. «Героизм» рассматривается как символ аскезы соборности светской социальности в философии С. Н. Булгакова («Героизм и подвижничество» 1909), и прослеживается его развитие в работах С. Л. Франка («Крушение кумиров» 1924, «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» 1949), Н. А. Бердяева («Царство Духа и царство Кесаря» 1925). Символ подвижничества П. А. Флоренский применяет для обозначения аскезы соборности светской социальности в работе «Иконостас» (1922), а Н. А. Бердяев – в 1916 году в работе «Смысл творчества», а в 1955 году – в работе «Истоки и смысл русского коммунизма». Символист В. И. Иванов определяет ситуацию гуманизма в символе героизма, который базируется на изживании индивидуализации⁵⁴⁹. В настоящее время М. О. Орлов определяет «героический характер индивида как идеала личности» в качестве определяющей черты западной культурной традиции⁵⁵⁰.

Вследствие того, что в светской социальности ценности определяются как имманентные миру и самому человеку, социальная идентификация

⁵⁴⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 108.

⁵⁵⁰ Орлов М. О. Социокультурные особенности кризиса духовной традиции в постсекулярную эпоху/ Интеллектуальное измерение онтологии культуры / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2020. С. 75, 76.

детерминируется традициями и культурой социума, в котором возникает. Утрачивается органичное единство Бога, мира и человека. Ценностная шкала «коллективной личности» выстраивается на основании такой формы индивидуализма, который С. Н. Булгаков определяет как «неязыческий»⁵⁵¹. Происходит отрицание соборности коллективностью посредством возведения на высшую ступень индивидуализма, приводящего к «героизму самообожения»⁵⁵². Возникает «внерелигиозный индивидуализм», ведущий к массовости⁵⁵³. На уровне светской социальности на первый план выходят классовые, социальные различия, внешние обозначения статуса личности. Антиномия, проявляющаяся в «коллективной личности», – это антиномия религиозности и атеизма. «Героизм» – это «героическое самоутверждение» сверхчеловека в светской аскезе. «Герой» стремится к власти, «диктатуре», но при этом невозможно быть всем героями, герой должен быть один. Булгаковский «героизм» – начало не «собирающее», а разъединяющее⁵⁵⁴. Отмечается, что «сакральным становится то, что является предметом личного опыта или результатом личного выбора»⁵⁵⁵. Исходя из текстов Булгакова, можно выделить два типа «героя». Первый тип – это «герой – избранная натура», второй тип – это «герой-обыватель». «Герой – избранная натура» в переломные моменты совершает поступки, переворачивает историю. «Герою-обывателю» повседневности свойственно «самообожение в кредит», «героическое ханжество», нигилизм, «принципиальная оппозиция» ко всему, преувеличение своих прав и умаление обязанностей, что приводит к разъединению общества⁵⁵⁶. Герой становится героем не благодаря своим активным действиям, а благодаря своей самооценке. «Герой» с религией «человекобожия» берет на себя роль «провидения» в истории. Здесь, так же, как и в религиозной социальности у

---

⁵⁵¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 280.

⁵⁵² Там же. С. 284.

⁵⁵³ Там же. С. 327.

⁵⁵⁴ Там же. С. 288.

⁵⁵⁵ Орлов М. О. Православная культура в современных условиях: богословские и социальные основания. Философские аспекты онтологии культуры: Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.] – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2019. 163 с.

⁵⁵⁶ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 293.

«странника», только на других атеистических основаниях, проявляется идея «избранности». Булгаков считает, что у «героя» вырабатывается особый «духовный аристократизм», возвышающий его по его самооценке над «обывателями». Общество делится на «героев» и «обывателей». «Обыватели» воспринимаются как масса, обезличивающаяся через «героическое самоутверждение» «героя». По отношению к современности «герой» занимает позицию «героического вызова», основанного на самооценке, как пишет Булгаков, приводящей к самообожению, канонизации «героя». Для «героя» свойственен мессианизм и максимализм. Миссия – это спасение человечества, или «героический максимум», некая программа, план действий. «Герой» верстает свою систему «героизма», если невозможна реализация на практике его «героического максимума», или «религиозного кредо», или реализует его в объективной реальности, не обращая внимания на те средства, которые он использует для достижения цели, тех, зачастую, больших ресурсов, провозглашая себя как «провидение» и «спаситель»⁵⁵⁷. Социальный идеал имманентен герою, что приводит к тому, что он автономно разрабатывает свои цели, идеалы, формулирует миссию⁵⁵⁸. По булгаковским текстам, максимализм – «это сама душа героизма», философ сравнивает его с одержимостью и фанатизмом⁵⁵⁹. С. Н. Булгаков пишет о том, что максимализм проявляется в «максимализме целей» и «максимализме средств»⁵⁶⁰. Максимализм «героя» – это общественно направленный максимализм, он «проецируется вовне»⁵⁶¹. В основании религии человекобожия лежит «естественное совершенство человека», «бесконечный прогресс». В этой ситуации причина зла – не человек, а внешние, общественные факторы⁵⁶². Объект же их действий, который С. Н. Булгаков определяет как «пассивный объект

⁵⁵⁷ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 284-288.

⁵⁵⁸ Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Диалектика соборности в работах С. Н. Булгакова и В. Н. Лосского. Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 3(15). С. 43-51.

⁵⁵⁹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 286.

⁵⁶⁰ Там же. С. 292.

⁵⁶¹ Там же. С. 300.

⁵⁶² Там же. С. 282.

воздействия»⁵⁶³, один – это народ, «обыватели». «Героизм» связан с тем, что «обыватели» или основная масса населения, «спасаемый народ», «человечество», рассматриваются не в качестве цели деятельности, а как средства реализации «миссии героя». Социальный тип «странник» религиозной социальности, не приемлющий революцию, ориентированный на мир трансцендентного, подавлялся максималистски и революционно настроенным типом «героя» светской социальности. «Над-историческая цель» «героя» предполагает «исторический прыжок» (революцию) и не приемлет «исторического движения», цель окрашена «недостаточным чувством исторической действительности», а идея оправдывают любые средства для ее реализации⁵⁶⁴. Присутствие индивидуального критерия может привести в героизме к избеганию истины, субъективизму, конформистскому поведению, своеволию, принимаемому за свободу⁵⁶⁵. Рассмотреть профессиональную позицию «героя» возможно основываясь на высказываниях С. Н. Булгакова в отношении «героизма»: «героизм создает не сотрудников, а соперников»⁵⁶⁶. Исходя из посылов С. Н. Булгакова, можно выделить черты аскезы «героя», которые заключаются в неустойчивости, недисциплинированности, неработоспособности, неспособности крепко стоять на ногах, неспособности вследствие своей «принципиальности» проникнуть вглубь проблемы, в отсутствии или нежелании профессионально развиваться, идущее от крайне высокой самооценки в связи с низкими притязаниями к собственной персоне⁵⁶⁷. Критериями деятельности, в том числе и трудовой, выступают личная выгода, полезность. Данные критерии не могут формировать глубоко нравственную личность в трудовой, профессиональной деятельности. В героической аскезе личность отгораживается от Божественного, социальными рамками, гордыней, что приводит к уходу от софийности мира, управлению верой разумом и к приспособленческой, разрушительной деятельности⁵⁶⁸. «Коллективная личность» хоронит Бога, по

---

⁵⁶³ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 288.

⁵⁶⁴ Там же. С. 288, 289, 293.

⁵⁶⁵ Там же. С. 284.

⁵⁶⁶ Там же. С. 288

⁵⁶⁷ Там же. С. 301.

⁵⁶⁸ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 177.

словам С. Н. Булгакова, в своей душе⁵⁶⁹. «Коллективная личность» может быть рассмотрена как усредненный и типичный «экономический автомат». Само понятие «личность» теряется в светской социальности ни только у «обывателей», но и у «героев». «Герой», исходя из текстов Булгакова, умаляет значение «личной нравственности, личного самосовершенствования», возводя на вершину «общественное»⁵⁷⁰. «Герой» жертвует своей «личностью» ради общественного. Булгаков пишет, что вне героического акта, который проецируется вне «героя», на внешние цели, «герой» утрачивает свою значимость, сводится к минимализму. Максимальные притязания соединены в «герое» с минимальными возможностями и способностями самой личности⁵⁷¹. С. Н. Булгаков считает, что «герой», обремененный гордыней и вне себя самого направленным максимализмом, не способен быть дисциплинированным, самостоятельным и работоспособным. К собственной личности притязания минимальны, вся деятельность «героя» нацелена на преобразование, улучшение окружающей социальной реальности, продуктом которой считается «коллективная личность» в светской социальности.

«Героизм» реализуется по двум направлениям: через политическую аскезу, или принятие определенных политических взглядов, и через религиозную аскезу усвоения догматов религии человекобожия⁵⁷². Если для «странника» характерен религиозный «моноидеизм» (вера в одну идею), героизм в светской социальности складывается на основе политического «моноидеизма»⁵⁷³. Интересно, что уже в работах С. Н. Трубецкого прослеживается обращение к рассмотрению проблемы «моноидеизма»⁵⁷⁴. Идет некритичное принятие постулатов одной идеологии, в том числе и политической, свобода воли утрачивается, ставится в зависимость от идеи. «Героизм» мы можем описать теми терминами, которые указал С. Н. Булгаков – «авантюризм», «революционность», «экзальтированность»⁵⁷⁵. Еще одну черту

⁵⁶⁹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 411.

⁵⁷⁰ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 296.

⁵⁷¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 301.

⁵⁷² Там же. С. 285.

⁵⁷³ Там же. С. 272.

⁵⁷⁴ Трубецкой С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М., 1908. Т.2. С. 90.

⁵⁷⁵ Там же. С.290.

выделяет С. Н. Булгаков у «героя» – это «принципиальность» в общественной деятельности, которая равна отвлеченности, непрактичности и «беспринципности» в личной жизни⁵⁷⁶. Идеал человека связан с завершенностью, данностью, исчерпанностью, самоуверенным самодовольством⁵⁷⁷. У «коллективной личности» отсутствуют абсолютные нормы и ценности, понятие «греха». Гражданская аскеза «героя» формируется в столкновении с государственностью, толкая его к революции, формированию обновленной государственности, или к анархизму⁵⁷⁸. Экономическая составляющая светской социальности рассмотрена С. Н. Булгаковым в работе «Об экономическом идеале». Булгаков отмечает, что аскетизму религиозной социальности противостоит как антитезис гедонизм, или «эпикурейский эстетизм» светской социальности⁵⁷⁹. В булгаковских текстах мы можем найти и такие формы экономической идентичности светской социальности, как «положительный гедонизм», выступающий в качестве стимула экономического роста, определением экономической активности, исходя из счастья и радости жизни и «отрицательный», или «альтруистический» гедонизм, который является средством борьбы с нищетой и преодолением «невольного аскетизма»⁵⁸⁰, основанным на порабощении свободной воли человека в светской социальности⁵⁸¹.

Если аскетизм в религиозной социальности предполагает, прежде всего, этические основания, то в светской социальности этика отрицается. Гедонизм светской социальности определяется эстетическими нормами, приводя к пессимизму, тревоге, страху перед смертью. Сохранение эстетического понимания социальной реальности приводит к тому, по мысли С. Н. Булгакова, что в человеке «лишь замерли» религиозные основания личности и полностью не исчезла религиозность. Но перевод религиозного на язык эстетического демонстрирует узкость и ограниченность светской социальности⁵⁸².

---

⁵⁷⁶ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С.289.

⁵⁷⁷ Там же. С. 298.

⁵⁷⁸ Там же. С. 329, 336.

⁵⁷⁹ Там же. С. 477.

⁵⁸⁰ Там же. С. 272.

⁵⁸¹ Там же. С. 471–474.

⁵⁸² Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 420, 422, 425.

Цели гедонизма имманентны социальной реальности, в которой С. Н. Булгаков определяет экономический идеал увеличения как потребностей, так и богатств⁵⁸³. Трудовая деятельность в светской социальности коммунизма, по словам С. Н. Булгакова, является лишь новым рабством для народа, которое связано с принудительным трудом⁵⁸⁴. Одновременно с этим подходом у него мы находим мысли о том, что уважительное и почтительное отношение к труду, «религиозное послушание» религиозной социальности в светской социальности перешло в восхваление труда и возвеличивание «самоутверждения» рабочего класса⁵⁸⁵.

Трудовая деятельность определяется таким типом хозяйственной свободы, как «свобода через хозяйство» (характерна для демократических обществ). Свобода через хозяйство становится возможна в результате развития производительных сил общества⁵⁸⁶. В светской социальности определяется такой тип хозяйственной свободы, как «свобода от хозяйства», или «сверххозяйственное состояние»⁵⁸⁷, в котором отсутствует духовное содержание свободы от хозяйства. В светской социальности С. Н. Булгаков находит лишь идеал «расширенной фабрики, благоустроенного города», «сельского поместья»⁵⁸⁸. В светской социальности человек определяется исключительно через свои побуждения и хозяйственный эгоизм. В итоге отвергается положение о зависимости хозяйства, трудовой деятельности от высших нравственных и религиозных начал⁵⁸⁹.

Опираясь на тексты Булгакова, можно сказать, что развитие человека в профессиональной области: во-первых, – это стремление к наживе, во-вторых, – ограниченность в выборе профессий; в-третьих, – отсутствие развития новых отраслей, снижение и нивелирование самодисциплины личности, ее этической самодисциплины вследствие превалирования общественных интересов над

---

⁵⁸³ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С.469.

⁵⁸⁴ Там же. С. 232.

⁵⁸⁵ Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.212.

⁵⁸⁶ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. С.209.

⁵⁸⁷ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 213.

⁵⁸⁸ Там же. С. 216.

⁵⁸⁹ Там же. С. 225.

личными⁵⁹⁰. Человек на уровне светской социальности впадает в язычество, проявляющееся в практической форме, в основе чего лежит культ богатства, «маммона», потребительства, или религиозно-теоретическое язычество, опирающееся уже на философские или научные догматы. В этом случае на первом месте – внешние атрибуты человеческого существования, определяющие и внешнее единство общества на основании имманентных миру ценностей. Одежда и господствующая мода, пища и другие окружающие человека атрибуты материального мира создают над ним, над человеческим телом, как воплощением свободного духа, доминирующую реальность, которая становится единственно возможной в светской социальности. Трудовая деятельность не может быть реализована изолированно, но на уровне светской социальности, эта деятельность осуществляется общественно, теряется личностное отношение к трудовой деятельности, кумиром становится экономический прогресс. Обязанности трудовой деятельности и благотворительности, милосердия превращаются в обязанности социального поведения⁵⁹¹.

Отношение к собственности С. Н. Булгаков рассматривает в этическом значении и связывает с «чувством» собственности, духовным пленом у собственности. Данное себялюбивое чувство собственности может возникнуть даже в том случае, если сохраняется лишь право пользования собственностью⁵⁹².

Феномен мученичества, присутствующий в религиозной аскезе, складывается как «мартиролог» (перечень жертв, страданий, гонений, претерпеваемых в обществе) и в светской социальности в виде героизма через «бессознательно-религиозное» столкновение с мещанством и институтом государственности, сравниваемое с «царством от мира сего», с которым в противоречие вступала религиозная социальность⁵⁹³. Героизму свойственна виновность, или «социальное покаяние» перед «народом», «пролетариатом»⁵⁹⁴.

⁵⁹⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 226, 227.

⁵⁹¹ Там же. С. 235.

⁵⁹² Там же. С. 246, 247.

⁵⁹³ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 274.

⁵⁹⁴ Там же. С. 275.

Присутствует у «героя» «жертвенность», активное искание ситуаций, когда можно принести жертву⁵⁹⁵. Жертвы «жизнью, здоровьем, свободой, счастьем» вписаны в максималистскую аскезу «героя», который планирует спасти человечество «своими» силами и «внешними средствами», что зачастую связано, по С. Н. Булгакову, с «неприспособленностью к жизни, неумением нести жизненную тягость», со способностью лишь к одному волевому усилию, или жертве⁵⁹⁶.

Неотмирность, эсхатологизм, которые определяли религиозную социальность присутствуют и в светской социальности, но отличительной чертой «героя» выступает то, что мечты о Граде Божием, о царстве правды «странника» подменяются у «героя» «разными социалистическими псевдонимами»⁵⁹⁷, в чем сохраняются «черты утраченной церковности»: пуританизм, ригористические нравы, своеобразный аскетизм⁵⁹⁸. Если целью «странника» выступает спасение человечества от греха в религиозной социальности, то целью «героя» является спасение человечества от страдания. Но, как отмечает Булгаков, эти черты имеют «наносный, атавистический» характер и стираются революцией. Эсхатологизм героизма, на наш взгляд, выражается в его скольжении по истории, не в погружении в нее, а в ожидании «социального чуда», всеобщего катаклизма и хилиастических настроениях⁵⁹⁹. «Герой» позиционирует себя как Бог, помещает себя вне и над историей, вне и над моралью, вне и над обществом⁶⁰⁰. Героизм может быть детерминирован не этическими нормами, а прежде всего, эстетическими, подменяющими этические. Эстетическая аскетика обозначает попытку преодоления пессимизма, выход в трансцендентное, в качестве которого рассматривается эстетическое, чувственное. По нашему мнению, искусство начинает носить в себе элементы божественного, благодаря чему утверждается общая уверенность в необходимости приобщения к артефактам искусства, в поклонении искусству. Но эстетизм «энциклопедичен», рационален, пассивен, он

⁵⁹⁵ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 276.

⁵⁹⁶ Там же. С. 287, 289.

⁵⁹⁷ Там же. С. 274.

⁵⁹⁸ Там же. С. 275.

⁵⁹⁹ Там же. С. 289.

⁶⁰⁰ Там же. С. 292.

не предполагает духовного подвига, освобождения личности и духовного целостного развития. Гипертрофия эстетики указывает на упадок этики и эпохи, отсутствие «духовного здоровья»⁶⁰¹.

На уровне светской социальности можно выделить вопрос, связанный с направленностью деятельности личности. Противоречивыми факторами в данном случае выступают цели, инструментарий, методы. Деятельность конформистски, приспособленчески направлена. Существует лишь внешне определяющееся единство. Верой всецело правит разум⁶⁰². Все это актуализует формулу «несчастье-несвобода-пессимизм» в деятельном аспекте, который связан с таким критерием реализации деятельности, как полезность, вследствие чего деятельность определяется материальными ценностями, духовные же ценности становятся второстепенными⁶⁰³.

У П. А. Флоренского символ подвижничества обладает двояким смыслом. В его работах мы можем найти как христианское подвижничество, так и символ «фарисейского, не в Боге работающего подвижничества» в ситуациях с пустотой у человека в душе, с самодовольством⁶⁰⁴, которое выступает символом раскрытия аскезы в соборности светской социальности. В работе Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» также мы находим упоминание символа «подвижничество» (на примере Чернышевского). Подвижничество в данном смысловом значении проявляется в возвышении человеческой личности в светской социальности⁶⁰⁵.

П. А. Флоренский в рассмотрении человеческой личности исходит из того, что в основе каждого человека Бог. Но в определенных ситуациях, когда человек пытается себя поставить на место Бога, может произойти смещение, утрата цельности, или «мистика головы» и «мистика чрева» в «само-замкнутости», «само-

⁶⁰¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 424.

⁶⁰² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 177.

⁶⁰³ Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4(61). С. 156–161.

⁶⁰⁴ Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. Санкт-Петербург: Мифрил. Русская книга, 1993. С. 24.

⁶⁰⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 58, 59.

утверждении»⁶⁰⁶. Появляется «рыхлая», «скрытная», «высокая» личность⁶⁰⁷. Личность отрицает соборность в грехе «самости», грехе «само-упорства самости»⁶⁰⁸. Для светской социальности, описание которой мы прослеживаем в работах П. А. Флоренского «О цели и смысле прогресса», «Столп и утверждение истины», представлено описание личности светской социальности с такими чертами, как недухонность, самообольщение, исступленность, восторженность, мечтательность, экзальтированность. Грех – это утрата соборности, утрата нацеленности на творчество и на свободу. Для личности характерны «грех, суета, муки, смерть»⁶⁰⁹, состояние «развращенности», «двойственности», бесстыдство и цинизм, духовная отъединенность и эгоизм. В ситуации «не-счастья» формируется человек растерянный, потерянный, сонливый, не соблюдающий самого себя, нетрезвый, обладающий подобномыслием, отрицающий брак, с ослаблением самособранности духа⁶¹⁰. «Со мной делается», «со мной происходит», «слова говорятся» – определения для описания положения, в котором находится личность в светской социальности⁶¹¹. В светской социальности П. А. Флоренский обращается к понятиям вещи и вещиности. Категория лица сводится на уровне соборности светской социальности к понятию вещьность, т.е. возникает вещьность личности. Уровню вещьности свойственны вождение и саморавенство⁶¹². Для светской аскезы свойственно как подобномыслие, так и горделивое стремление к переустройству мира, устройению мира с искусственной религией, в том числе и через революцию, без участия в нем Бога⁶¹³. Мир естественный, живой подменяется миром искусственным⁶¹⁴. Символический контекст можно проследить в описании П. А. Флоренским картины «Мона Лиза», в котором прослеживается отрицание соборности религиозной социальности⁶¹⁵.

---

⁶⁰⁶ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 68, 274.

⁶⁰⁷ Там же. С. 80, 177, 181, 232.

⁶⁰⁸ Там же. С. 177.

⁶⁰⁹ Там же. С. 191.

⁶¹⁰ Там же. С. 93, 161, 180, 184, 188, 294.

⁶¹¹ Там же. С. 174, 175.

⁶¹² Там же. С. 78, 80.

⁶¹³ Там же. С. 87.

⁶¹⁴ Там же. С. 295.

⁶¹⁵ Там же. С. 171.

А. Белый указывает на религиозность и символичность как русской революции, так и русской интеллигенции, описание исторического и морального выбора которой мы находим у О. А. Жуковой⁶¹⁶.

Экономический догмат превращается в светской социальности в символ, он иррационален, по Н. А. Бердяеву⁶¹⁷. Человека необходимо рассматривать вне мира объективированного, во внутреннем его существовании⁶¹⁸. Познание бытия, которое иррационально, означает выход из объективизации, преодоление рационализации иррационального бытия. По Н. А. Бердяеву, только символы и образы приближают к тайне бытия. «Никакие понятия об объективированном мире не раскрывают ценностей жизни, смысла жизни»⁶¹⁹. Культура, религия выступают как объективация. Объективированный мир – символика, а не реальность⁶²⁰. Религия укоренена в духе, но вследствие объективации возникают символы⁶²¹. Отрицательное значение символизации возникает в результате подмены символами реальности священного, милосердия, добрых дел, законнической морали, жизни государства, организации войн. Реальностью обладают святой, пророк, реальна иерархия человеческих качеств. Символизация – социально организующая сила, которая прослеживается в символике революций. Символизация переплетается с сакрализацией. Священное в мире – это символизация священной реальности. Актуальное воплощение духа – это лишь возможная цель.

Для светской социальности характерен «кризис человека». Молодежь увлечена техникой и спортом, настроена античеловечно. Развивается демократический и обобществленный гуманизм, который перестает быть внимателен к человеку, связан с устройством общества. Бестиализм свойственен светской социальности, определяющейся в принципиальной бесчеловечности.

⁶¹⁶ Жукова О. А. Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор // История философии. 2023. Т. 28. № 1. С. 29-40.

⁶¹⁷ Бердяев Н. А. Верующий вольнодумец: сборник критических работ о творчестве Н. А. Бердяева: сборник научных трудов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 37.

⁶¹⁸ Бердяев Н. А. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. М.: Директ-Медиа, 2019. С. 36.

⁶¹⁹ Там же. С. 56

⁶²⁰ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 66.

⁶²¹ Там же. С. 55.

В труде «Смысл творчества» Н.А. Бердяев, обращаясь к рассмотрению ситуации светскости, исходит из того, что культ гениальности, свойственный светскости, определяет соответствующую ей аскезу, рассматриваемую как подвижничество. В светской социальности присутствуют героическая аскеза, связанная с научными достижениями, спортивная аскеза, революционная аскеза, которая рассматривается как деформация религиозной аскезы⁶²². Здесь мы видим, что Н. А. Бердяев применяет символ «героизм» для характеристики светской аскезы, посредством которой возможно достичь соборные параметры, определяемые в концептуальной модели в светскости «героизм и бесстрашие отказа от всякой веры в высший, духовный, божественный мир, от всяких утешений есть тоже один из мифов нашего времени»⁶²³. Одновременно с этим Н. А. Бердяев выделяет такие формы раскрытия светской аскезы в личности, как «идеалист», определившийся в русском барстве, благородный, с высокими стремлениями, практически не способный к преобразовательной деятельности; «мыслящий реалист», который отвергает мечтательность и романтизм, ему присущ цинизм, культ дела и труда, мораль разумного эгоизма, враг эстетики, приверженец аскезы, увлеченный естественными науками; «кающийся дворянин», народник, еще одно определение соборности в светской социальности, который определяется через осознание не личного, а социального греха социального положения⁶²⁴.

И если религиозная социальность определялась в принадлежности к истинной православной вере, то светская социальность характеризовалась приверженностью к ортодоксально-коммунистической вере⁶²⁵, в которой отмечается «вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная аскеза»⁶²⁶. Русский мыслитель отмечает общие черты, но в своем разном звучании, у православной аскетике религиозной социальности и нигилизма. Общими были индивидуализм и аскетизм. Нигилизм есть негатив русской апокалиптичности. Нигилизм, истоки возникновения которого описаны В. Г. Косыхиным, мы можем

⁶²² Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 68, 75.

⁶²³ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 17.

⁶²⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 65.

⁶²⁵ Там же. С. 7.

⁶²⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Директ-Медиа, 2019. С.48.

рассматривать как важнейшую характеристику аскезы светской социальности⁶²⁷. В нигилизме светской социальности прослеживается восстание против истории, присутствует верующий материализм. Нигилизм – религиозный феномен светской социальности⁶²⁸. В религиозной и светской социальности происходит поиск царства, основанного на правде. В объективном, видимом мире – неправда⁶²⁹. Для светской социальности характерна идея индивидуалистического социализма⁶³⁰.

Свобода человека имеет своей целью освобождение человека, но человек, по мнению Н. А. Бердяева, не может быть целью для самого себя. Поскольку высшая цель отсутствует, а присутствует только бесцельная индивидуалистическая деятельность, человеку не к чему подниматься в своем развитии. Свобода приобретает статус пустоты. В то же время человеческая личность теряет статус, стремится к беспорядку, уравниванию. В светской публике возникает «принудительный универсализм», который Н. А. Бердяев противопоставляет «свободному универсализму». Через империализм, социализм, интернационализм «принудительный интернационализм» актуализируется в светской публике⁶³¹. В светской публике духовность, подстраиваясь под обычного человека, приобретает формальный характер. Возникает конфликт между обществом, законничеством и духовностью⁶³².

Проблема мессианизма также представлена в светской публике. В работе «Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности» Н. А. Бердяев пишет о том, что в светской социальности человек потерял духовность, несчастен и уверен в своей возможности организовать счастье⁶³³. Религиозность присутствует и в устремленности к светским, социальным целям. Н. А. Бердяев описывает мессианизм, идущий от идеи «Москва – третий Рим». Он прослеживает в ней

⁶²⁷ Косыхин В. Г. Нигилизм как понятие социальной онтологии культуры / Социальная онтология культуры / Д. А. Аникин, Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов [и др.]. – Саратов: Саратовская региональная общественная организация Центр вынужденных переселенцев "Саратовский источник", 2018. 196 с.

⁶²⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 49-51.

⁶²⁹ Там же. С. 9.

⁶³⁰ Там же. С. 41.

⁶³¹ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008 С. 16, 17, 29.

⁶³² Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 146, 147.

⁶³³ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 74.

присутствие «символики мессианской идеи»⁶³⁴. Символика мессианской идеи обусловила сращивание религиозного и национального⁶³⁵.

Здесь можно обозначить, опираясь на тексты Н. А. Бердяева, «секуляризованный» мессианизм⁶³⁶. Н. А. Бердяев определяет мессианизм как деятельность человека, вдохновляемую верой в приближающийся конец истории⁶³⁷. Следовательно, мессианизм присущ как церкви, так и светскому обществу. Для светской публики характерны индивидуализм и механический коллективизм, в которых нет свободы, нет адаптации к массам⁶³⁸. Светское сообщество актуализируется через индивидуализм, гуманизм, гуманистическую мораль, либерализм, демократию, национализм, безбожие, атомизм, конкуренцию, секуляризацию, парламентаризм, правовой формализм⁶³⁹. Смирение есть «внешнее подчинение», «упадочное смирение». При этом природа человека не меняется⁶⁴⁰. Индивидуализм не может быть, по Н. А. Бердяеву, онтологической основой личности. «Человек выходит в сообщество»⁶⁴¹. Н. А. Бердяев пишет об отходе от индивидуального критерия истины, на котором строятся современные общественные отношения⁶⁴². «Коллективизм ... это просто карикатура на коммунитаризм»⁶⁴³.

В работе «Духовные основы общества» С. Л. Франк описывает светскую социальность. В ней содержится мученичество, выражающееся в «жертвах жизнью, достоянием», в отказе от значимости человеческой личности в связи с абсолютной относительностью целей и средств их осуществления, идеалов и «определенной общественной веры»⁶⁴⁴. С. Л. Франк отмечает, что ситуация светской социальности окрашена верой в гуманизм, социализм. «Старые боги

⁶³⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 6.

⁶³⁵ Там же. С. 7, 26.

⁶³⁶ Там же. С. 189.

⁶³⁷ Кочетов М. Н., Волков М. В. Сравнительный анализ философии истории евразийцев и философии истории А. С. Панарина // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 2(105). С. 50–55.

⁶³⁸ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 56.

⁶³⁹ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 15–17.

⁶⁴⁰ Бердяев Н. А. Избранные философские сочинения 1920-х гг. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 145, 146.

⁶⁴¹ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 18.

⁶⁴² Там же. С. 19.

⁶⁴³ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 56.

⁶⁴⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 8, 11.

постигнуты и развенчаны, как мертвые кумиры», – пишет С. Л. Франк⁶⁴⁵. Если у Флоренского присутствуют такие характеристики аскетики в светской социальности, как «бессилие, неведение, беспомощность»⁶⁴⁶, то Франк вводит понятие «практические люди» в светской социальности⁶⁴⁷. Существование человека наполнено трагизмом в связи с его эгоизмом, обособленностью, одиночеством, противоречиями «я» и «ты» («они»).

С. Л. Франк пишет в работе «Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии», что в мире светской социальности, «царстве тьмы», царит зло, миру свойственно упорствовать во зле, зло представляет собой страшную силу, имманентно присущую миру. Жизнь полна мучительных трудностей, сопровождающих борьбу со злом. В борьбе против сил зла проявляется героический смысл жизни человека. В светской социальности присутствует кризис веры в человека – кризис гуманизма⁶⁴⁸. У светской личности целью является строительство нового мира, для чего необходимо уничтожить старый мир⁶⁴⁹. Возникает установка о сотворении идеального мира «из ничего» силами светской личности. Задача по созданию нового мира сложна и переносится в будущее, происходит замена задачей разрушения⁶⁵⁰.

Символ героизма в светской социальности ведет свое начало от Джордано Бруно, который называл новое самосознание человека его эпохи «героической яростью»⁶⁵¹. Эта позиция в своей основе оставалась религиозной. Гуманизм светской социальности определяется С. Л. Франком как слепая псевдорелигиозная вера⁶⁵² или бестиализм, нигилизм, цинизм⁶⁵³.

Святыня, связанная со святостью человеческой личности, становится слабой и бессильной, но от этого не утрачивается статус святости человеческой личности.

---

⁶⁴⁵ Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 9.

⁶⁴⁶ Там же. С. 10.

⁶⁴⁷ Там же. С. 11.

⁶⁴⁸ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 31, 32.

⁶⁴⁹ Там же. С. 212.

⁶⁵⁰ Там же. С. 213.

⁶⁵¹ Там же. С. 33.

⁶⁵² Там же. С. 33, 35.

⁶⁵³ Там же. С. 43.

Внутри светской социальности возникает возможность для возврата к религиозности. В религиозной социальности подвиг религиозного подвижничества зачастую предполагал, как это описывал С. Н. Булгаков, богооставленность, что давало возможность человеку реализовать свою свободу, так и в светской социальности через разочарование в идее прогресса и гуманизме происходит возникновение самой возможности возврата к святине, что описано в работах С. Л. Франка. Готовность к бескорыстному героизму – это осознание подвига, который необходим для реализации идеала добра и правды и при полной безнадежности возможности его реализации⁶⁵⁴. Духовное состояние скорбного неверия – это гордый индивидуалистический героизм⁶⁵⁵.

По мнению С. Л. Франка, именно в этом скорбном неверии в героизм возможно, через признание «сверхмирной реальности святости», смиренное служение, т. е. в состав героического сознания входит момент служения святине, как соединение веры и неверия⁶⁵⁶. Человек приходит к знанию религиозной истины, преодолев оптимизм, утопизм, осознав в опыте демонизма и цинизма необходимость религиозной веры, веры в божественный свет. Реальность личности конкретна. Личность, пребывающую в светской социальности, С. Л. Франк называет «героем»⁶⁵⁷. В светской социальности приводится к статусу «святости» произвольно взятый фрагмент человеческого бытия. Как отмечает С. Л. Франк, соборность в светской социальности содержит «религиозный момент», «вдохновенную веру» в созданную собственноручно абсолютную ценность⁶⁵⁸.

Нужно отметить, что С. Л. Франк, отмечая пантеизм Гегеля, видит в его философии религиозную мысль, развивает ее внутреннее содержание, наполняя диалектику качественно новым звучанием. Индивидуализм, коллективизм или «муравейник» светской социальности заменяет соборность⁶⁵⁹.

⁶⁵⁴ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 47, 46.

⁶⁵⁵ Там же. С. 51, 58.

⁶⁵⁶ Там же. С. 51.

⁶⁵⁷ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 223.

⁶⁵⁸ Там же. С. 224.

⁶⁵⁹ Там же. С. 224, 226.

С. Л. Франк отмечает присутствие идеи «избранности» в аскезе светской социальности. Избранность состоит в выделении коллектива людей, которые самопровозглашают себя земным Богом среди всех «неизбранных». Избранность же религиозной социальности С. Л. Франком понимается как богоизбранность. Избранность в светской социальности приводит к нивелированию значения индивидуальной человеческой личности. «Избранные герои», или коллектив реализуют «земное царство божие» на основе корысти и антиморализма за счет «неизбранных», включаемых в «муравейник»⁶⁶⁰. Интересно отметить, что В. С. Соловьев уже применял метафору «муравейник» по отношению к светскому типу социальности. Создается коллективная стихия человека, отрицаются ее личностный характер и душа⁶⁶¹. В обозначенной традиции символист В. И. Иванов в статье «Легион и соборность» (1916) при описании различных состояний социальности и раскрытии значения соборности также применяет соловьевскую метафору «муравейника» при описании механической и несвободной организации германского общества. Мы можем рассматривать его как пример светской социальности. Мыслитель определяет «муравейник» как биологический рецидив животного коллектива в человечестве, высшую форму дочеловеческого природного организма, которым управляет сверхсильный и сверхличный направляющий центр муравьиного царства – собирательный мозг, коллективный центр сознания. В. И. Иванов пишет о том, что в общественности присутствует функциональность мышления и отсутствует свободный выбор. Принудительное соединение В. И. Иванов называет кооперацией (механическим соединением), которая строится на соподчиненности, сосредоточенности. Максимально организованное общество – это зверь. В. И. Иванов также обращается к евангельскому символу «легион» при описании данного типа общественности. В легионе возникает духовное обезличивание личности. Личность утрачивает веру в Бога, что ведет к утрате цельности личности. В его текстах мы обнаруживаем

---

⁶⁶⁰ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 225, 226.

⁶⁶¹ Там же. С. 226.

метафоры дерева, солнца и садовника. Человек в светской общественности подобен «сорванному с дерева листу»⁶⁶².

С. Л. Франк выделяет две формы гуманизма, свойственные светской общественности: безрелигиозный гуманизм, в основе которого лежит обожествление коллектива, и аморалистический гуманизм, в основе которого – обожествление индивидуальной личности с культом «героической человечности»⁶⁶³. Здесь присутствуют эгоизм, идея избранности, что отражается в имманентном понимании Бога, заключенного в субъективный мир личности⁶⁶⁴. Но «герой» должен быть преодолен в сверхчеловеке. Двуединство Бога и человека стирается в светской общественности самопревращением человека. С. Л. Франк вводит понятие «бестиализм», что отражает человека на уровне светской социальности в свете затухания человеческой личности, в форме человекобога⁶⁶⁵. Идейность и принципиальность стирают человеческую личность. В героизме «идейность» и «принципиальность» рассматриваются как «святость», а противоположные им качества «безыдейность» и «беспринципиальность» как «светская греховность и падшесть».

Служение общественным идеалам, подчинение дисциплине способствуют утрате человеком собственной личности. По традиции С. Н. Булгакова, С. Л. Франк соотносит светскую социальность и мученичество. В светской социальности им прослеживаются «изуверские человеческие жертвоприношения идолам», крушение которых становится очевидным через крушение кумира «нравственного идеализма», морали долга⁶⁶⁶. «Кумир революции» провоцировал жертвы, которые приносились в героизме ради прогресса⁶⁶⁷. «Кумир революции» подпитывался общественным мнением, попадая под воздействие которого, человек лишался свободы, лишался своей личности. В книге «О смысле жизни» С. Л. Франк замечает, что светская личность связана с мечтательностью, нравственной

⁶⁶² Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 97, 98, 100, 104.

⁶⁶³ Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 227.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же. С. 229.

⁶⁶⁶ Франк С. Л. Сочинения. Москва: Правда, 1990. С. 146.

⁶⁶⁷ Там же. С. 153.

несерьезностью, презрением к настоящему, идеализацией будущего, революционностью⁶⁶⁸. Согласно Н. А. Бердяеву, в светской социальности пытаются приблизиться к добру через революцию, но это не дает желаемых результатов. Человек отрицает свою вину и греховность. Вопрос о смысле жизни переносится с момента настоящего в неведомое будущее⁶⁶⁹. Ответы на него могут быть разные: первый ответ состоит в том, что жить – это значит участвовать в великом общем, которое направлено на совершенствование мира, но в чем состоит это дело, ответа нет. Определен метод преобразования социальной реальности – это революция. Другой ответ заключается в том, что необходимо нравственно совершенствоваться⁶⁷⁰.

Проблему человеческого обособления и эгоизма С. Л. Франк всегда рассматривал с опорой на авторитет, убежденность и прозорливость В. С. Соловьева⁶⁷¹. Развивается «общественный героизм», который рассматривается как священный. С. Л. Франк отмечает, что в общественности присутствуют как «герои», свободно разделяющие «общественный героизм», его идеалы, так и жертвы, которые несвободно попадают под его влияние не по своей воле, а по воле общественного мнения, общественного презрения. Моральные принципы и отвлеченные моральные идеалы лишь внешне нормируют личность. С. Л. Франк отмечает «роковую диалектику» в умонастроении «морального идеализма», «служения идеям», «принципам», которая проявляется в том, что все, что представляется потенциально добром, становится в реальности злом. Отвлеченный нравственный идеал, реализуемый в действительности, зачастую выступает разрушительной силой. В светской социальности С. Л. Франк выделяет призрак полной совершенной свободы. В светской социальности присутствует как эгоизм, так и иступленно-жестокый аскетизм морального фанатизма⁶⁷².

---

⁶⁶⁸ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С.11.

⁶⁶⁹ Так же. С. 11.

⁶⁷⁰ Так же. С. 22.

⁶⁷¹ Гапоненков А. А. Религиозная философия В. С. Соловьева в рецепции С. Л. Франка // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 108.

⁶⁷² Франк С. Л. Сочинения. Москва: Правда, 1990. С. 146. С. 154, 176.

Переход от религиозной социальности к светской социальности, по П. А. Флоренскому, связан с изменением понимания перспективы: от обратной перспективы с непосредственным восприятием мира к линейной перспективе⁶⁷³. Линейная же перспектива достигает своей цели, показывая священное не как особую реальность, а как ценность, как зрительный феномен⁶⁷⁴. Перспективная картина мира – это не факт восприятия, а только внешнее требование во имя отвлеченных требований⁶⁷⁵. В музыке переход к возрожденческой светской социальности связывается П. А. Флоренским с проникновением органной музыки, сравниваемой с масляной живописью, в церковную жизнь⁶⁷⁶. Образы искусства нельзя разделить на реалистичные и символические, они все символически, но выступают символами разных сторон вещи, разных мировосприятий, разных степеней синтетичности⁶⁷⁷. Реализм невозможен, возможен лишь символизм⁶⁷⁸.

В. И. Иванов отмечает зыбкость эстетического критерия церковности, который определяется им у П. А. Флоренского в книге «Столп и утверждение истины». Соборным может быть названо «Христово Тело Церкви святых, божественные Таинства, католический догмат, священное и литургическое предание, дух богочувствования, хранимый в преемстве сердечного опыта отцов, – все это достойно именуется православием. Но неправо означаются тем же именем – бытовое предание, культурный стиль, психологический строй, внешний распорядок церковного сообщества»⁶⁷⁹.

П. А. Флоренский применяет символ подвижничества для описания раскрытия соборности светской социальности. Мы определяем героизм как символ развития соборности светской социальности в философии С. Н. Булгакова и находим его в работах С. Л. Франка. У Н. А. Бердяева прослеживается как символика подвижничества (где присутствует упоминание гениальности), так и

⁶⁷³ Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. Санкт-Петербург: Мифрил. Русская книга, 1993. С. 208.

⁶⁷⁴ Там же. С. 220.

⁶⁷⁵ Там же. С. 234.

⁶⁷⁶ Там же. С. 90.

⁶⁷⁷ Там же. С. 239.

⁶⁷⁸ Там же. С. 248.

⁶⁷⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 352.

героизма. Учитывая восхождение этимологического значения героизма к древнегреческой культуре, можно отметить, что противоречивость, половинчатость присущи героизму, в котором диалектически переплетены божественное и человеческое. Одновременно с этим интересно проследить символику соборности в трактовке В. И. Иванова. Соборное слово и соборное сознание он выводит в языческой символике хоровода, хора-общины, соборной общины – оркестра, которому противостоит самоутверждение «героев-личностей»⁶⁸⁰.

В значении, которое данный символ героизма приобрел в работах С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, он может быть рассмотрен как опыт аскезы или «героической аскезы», которая приводит через отрицание Бога к возвращению к Богу и достижению параметров соборности светской социальности концептуальной модели соборности. В героической попытке отстранения от божественного трансцендентного происходит возвращение к нему в светскости с сохранением элементов религиозности, церковности, но на новом отрицательном уровне. В. Ю. Даренский усматривает в этом «отрицательный параллелизм» во всех проявлениях человеческого бытия светскости и религиозности⁶⁸¹.

В концептуальной модели соборности посредством символов героизма и подвижничества представлена аскеза, соответствующая параметрам соборности в форме светской социальности: создание религий светского типа, или атеистических религий, но вместе с тем сохранение религиозности, идея Человекобожия, индивидуализм, раздробленность, или мнимое единство, отказ от трансцендентного, имманентизм, потеря свободы. В героизме присутствует аскетический опыт достижения соборности, но целеполагание смещено и обращено исключительно на человека, на мир имманентный, что становится причиной как замкнутости, так и сохранения в самом человеке божественного, но «инкогнито». Героизм и подвижничество светской социальности через собственные противоречия божественного и человеческого дают возможность

⁶⁸⁰ Иванов В. И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 34.

⁶⁸¹ Даренский В. Ю. Православная критика социализма в наследии Ф. М. Достоевского, С. Н. Булгакова и свт. Серафима Соболева // Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 226.

возникновения религиозно-светской социальности. При этом необходимо отметить присутствие символов героизма и подвижничества, но уже в другом диалектическом значении. Важно, что применение одной и той же символики при описании различных типов социальности, придание им разных диалектических смыслов показывает, что отсутствует четкая грань, разделение между социальностями в концептуальной модели соборности данного периода, но есть диалектика соборности, которая в своем синтезе приобретает значение религиозно-светской социальности.

§ 2.3. Символы соборности религиозно-светской социальности в соборной аскетике личности на пути к состоянию Богочеловечества

Символико-смысловой аспект учения о соборности становится очевиден вследствие присутствия в текстах русских религиозных философов первой половины XX века упоминания символики для демонстрации аскетики, нацеленной на достижение таких параметров соборности (символически-смысловой уровень концептуальной модели соборности), как преодоление разделенности трансцендентного и имманентного, устремленность в вечность (сверхвременность) через прохождение истории, преодоление религии в реальном Царстве Божием, общественное единство в историческом поле, идея Богочеловечества, соборная истина, достижение свободы, соответствующей религиозно-светской социальности как форме двухуровневой концептуальной модели соборности символико-социально-онтологического периода. Аскетика несет в себе возрождение личности в подвижничестве, упоминание которого в данном диалектическом значении мы находим у С. Н. Булгакова («Героизм и подвижничество» 1909), П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» 1914), Н. А. Бердяева «Смысл творчества» 1916), С. Л. Франка («О смысле жизни» 1926), симфония Л. П. Карсавина («Пролегомены к учению о личности» 1928). Н. А. Бердяев также присваивает личности свойство «героической духовности» («Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» 1952).

Становятся возможными «духовное сопротивление» и развитие человека в парадигме творческого антропоконсерватизма⁶⁸². Человек диалектически преодолевает в себе человекобога и получает возможность реализовать через себя «обоженную тварь», «бога по благодати». С. С. Хоружий в работе «К феноменологии аскезы» описывает подвижничество как форму аскезы, опыта бытия, бытия-действия, мистического опыта, целью которого выступает достижение единства с Богом, в «событиях трансцендирования», обращаясь к текстам отцов церкви, к текстам традиции и дополняя их современным прочтением. Он показывает особый глагольный дискурс раскрытия аскезы в восточно-христианской традиции, в феномене подвижничества через воздержание, целомудрие, смиренномудрие, трезвение, послушание, внимание, стяжание благодати, синергию, преображение, сведение ума в сердце и в других формах, которые позволяют преодолеть в своей диалогичности изоляцию социального измерения бытия человека с сохранением уникальности каждого человеческого существа⁶⁸³.

Отталкиваясь от работы С. С. Хоружего, мы проследили в данном исследовании раскрытие аскезы религиозно-светской социальности как формы соборности концептуальной модели символично-социально-онтологического этапа в символе подвижничества. В. Ю. Даренский отмечает, что русская философия, выступает инструментом «преображения самого человека», преобразования «всей его жизни»⁶⁸⁴ в свете и в «горизонте высшего Идеала»⁶⁸⁵. Вместе с тем можно отметить, что Ю. М. Дуплинская и В. А. Фриауф рассматривают концепции русской философии первой половины XX века (Бердяев, Франк) как «утопический срез» философской веры и выносят вердикт о его опасности в связи с тем, что это

---

⁶⁸² Тяпин И. Н. Парадигма творческого антропоконсерватизма // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 71.

⁶⁸³ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М. Издательство гуманитарной литературы. 1998.

⁶⁸⁴ Даренский В. Ю. Парадигма преобразования человека в русской философии XX века: Монография. СПб.: «Алетейя», 2018.

⁶⁸⁵ Даренский В. Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 1. С. 64.

«соблазн преображения человеческого естества усилиями самого человека»⁶⁸⁶. О. А. Жукова описывает события подвижничества через судьбу личности в поле русской культуры⁶⁸⁷.

Соборный критерий детерминируется свободой, свободным выбором человеческой личности. В религиозно-светской социальности отсутствует разделение общества, гражданина, личности и государства. В религиозно-светской социальности человек реализует соборность через свою исторически окрашенную, преобразовательную, наполненную глубоким смыслом, даже смыслами, деятельность. Ю. М. Дуплинская и В. А. Фриауф отмечают, что именно в религиозно-светской социальности для личности становится возможным собирание в моменте настоящего, что делает реализуемым «выход из времени в вечность». Личность может «удержаться в модусе настоящего» лишь в «событии – совместном бытии», «синергии с Богом». Выделяется ряд различных времен: как «вневременного времени», так и «тварной вечности»⁶⁸⁸. Критерием, неким мериллом реализации деятельности в религиозно-светской социальности выступает соборность.

В работе «Лествица Иаковля: об ангелах» С. Н. Булгаков применяет метафору «духовное зеркало другого» и раскрывает сущность интерсубъективности⁶⁸⁹, считая, что в личности присутствует ипостасная любовь. В работе С. Н. Булгакова «Друг Жениха: о православном почитании Предтечи» мы находим раскрытие значения символа подвижничества в словах о том, что «глубокое сродство в духовном подвиге их, содержащем в себе образ и основу всякого человеческого подвига и явленном в первообразе своем в подвиге самого Подвигоположника – Господа нашего Иисуса Христа. Этот подвиг есть смирение

⁶⁸⁶ Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. Амбивалентность Предвечного и Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 8.

⁶⁸⁷ Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. С.207-214, 215-270.

⁶⁸⁸ Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. Христианский мистический опыт в панораме трансформаций неклассических онтологий бытия-во-времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 3. С. 252.

⁶⁸⁹ Булгаков С. Н. Лествица Иаковля: об ангелах. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 11.

как высший плод, а вместе как основа и сила самоотвергающейся любви»⁶⁹⁰. В Предтече воплощается символ подвига служения, подвига веры, воли, упования⁶⁹¹. В Предтече С. Н. Булгаков усматривает соединенность всех видов человеческого подвига⁶⁹². Символ подвижничества С. Н. Булгаков усматривает и в Богоматери⁶⁹³. Образцом подвижничества выступает духовная жизнь, в которой отсутствует механическое, автоматическое, а присутствуют подвиг и личное участие⁶⁹⁴. Целью выступает прихождение к состоянию, где отсутствует разница между подвигом и благодатью. В текстах С. Н. Булгакова можно найти такую черту подвижничества, которая ярко проявляется как богооставленность, выступая как испытание, преодолевая которое возможно совершить подвиг⁶⁹⁵.

Общество не выводится за скобки Царства Божия, а актуализируется с такой характеристикой, как соборность в религиозно-светской социальности посредством ценностной, общественной, исторической деятельности⁶⁹⁶. Личность в религиозной социальности не может быть сведена к социальной группе, в ней преобладают ценностные ориентации. С. Н. Булгаков постулирует трансцендентную основу ценностей религиозно-светской социальности, причем, ключевой ценностью в социуме выступает соборность, которая актуализируется в деятельностном аспекте в активности человека. В булгаковских текстах можно определить три направленности свободной и творческой деятельности человека, в результате которой проявляется соборность в религиозно-светской социальности. В деятельности, направленной на человека, общество, природу, человек выходит за рамки своей телесности и ограниченной индивидуальности.

Главной характеристикой личности выступает, по мнению С. Н. Булгакова, свободная воля, которая и есть суть свободы. Соборность и соборное основание – это объединенность с «Божественной Софией, идеальным человечеством»⁶⁹⁷. В

⁶⁹⁰ Булгаков С. Н. Друг Жениха: о православном почитании Предтечи. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 5.

⁶⁹¹ Там же. С. 13, 109.

⁶⁹² Там же. С. 15.

⁶⁹³ Булгаков С. Н. Купина неопалимая: опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017.

⁶⁹⁴ Булгаков С. Н. Друг Жениха: о православном почитании Предтечи. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 109.

⁶⁹⁵ Там же. С. 110.

⁶⁹⁶ Булгаков С. Н. Христианская социология // Социологические исследования. М., 1993. № 10. С. 121.

⁶⁹⁷ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 261.

таком типе социальности, как религиозно-светская, человек преодолевает антиномичность своего бытия, принадлежность к противоположным царствам свободы и необходимости, приводящим к борьбе, столкновению. Человек выходит из двух определенных состояний «свободного раба»: со связанным духом религиозной социальности или «порабощенного царя» с одухотворенной материей светской социальности. «Духовная трагедия» устранима в ситуации соборности в религиозно-светской социальности⁶⁹⁸.

Свобода соборности религиозно-светской социальности понимается С. Н. Булгаковым как духовная свобода, к которой человек приходит через напряжение духовных сил⁶⁹⁹. Действие может быть рассмотрено как моральное только тогда, когда ведет к достижению соборного единства. Человек опирается на трансцендентную основу свободы (или Бога) и преодолевает отдельность⁷⁰⁰. Свобода может быть рассмотрена как сущность человека в религиозной социальности и религиозно-светской социальности⁷⁰¹. «Христианский социализм», по мысли С. Н. Булгакова, может стать тем полем, той формой социального устройства, при которой станет возможна реализация «соборной личности». В «христианском социализме» личное не упрощается до общественного, а рассматривается в ценностном своем качестве, ведущем к Богу.

С. Н. Булгаков указывает на то, что в процессе своей деятельности человек не может стремиться к смерти, так как она Богом не создана. Смерть заменяется понятием не-жизни⁷⁰². Деятельность же осуществляется в ситуации жизни⁷⁰³. Указывается возможность освобождения человека от биологической зависимости через концепцию, что окружающее человека бытие есть жизнь, находится в ситуации жизни, смерть также может быть рассмотрена как иная жизнь⁷⁰⁴.

⁶⁹⁸ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 233.

⁶⁹⁹ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. С. 209.

⁷⁰⁰ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С.171–172; Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4(61). С. 156–161.

⁷⁰¹ Vallière P. Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov. Orthodox theology in a new key. Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 2000. P. 322.

⁷⁰² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 76.

⁷⁰³ Там же. С. 47.

⁷⁰⁴ Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Издательство «Республика», 1996. С. 305.

Основным вектором деятельности личности, исходя из работы Р. Цвален, «тринитарной личности», или соборной личности⁷⁰⁵, является жизнь⁷⁰⁶. Исходным принципом всей активности является жизнь, вследствие воли Бога, который объединен с миром через душу мира – Софию⁷⁰⁷.

На уровне религиозно-светской социальности «свобода через хозяйство» не должна играть решающей роли. На наш взгляд, хозяйственная, трудовая деятельность должна быть реализована, как средство воспитания воли, как борьба с дурными наклонностями и возможность служения близким⁷⁰⁸.

С. Н. Булгаков пишет, что «христианство знает свободу в хозяйстве», что определяет понимание цели трудовой деятельности⁷⁰⁹. Соборное единство возможно в творческой хозяйственной деятельности, являющейся «феноменом духовной жизни»⁷¹⁰. Таким образом, можно предположить, что трудовая идентичность «соборной личности» основывается на личном и творческом интересе, волевых импульсах, которые формируют в итоге хозяйственную жизнь⁷¹¹. Преодолевается такая форма собственности, основанная на «чувстве собственности», или жадности, привязанности по отношению к ней. С. Н. Булгаков эту победу считал нравственной победой над собственностью, в «тайниках души», посредством совести⁷¹². Собственность не должна иметь определяющего значения

⁷⁰⁵ Zwahlen R. M. Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjaev und Sergej Bulgakov. Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2) A. Haardt, N. Plotnikov (Hgs.). Munster: LIT, 2011. P. 53-60.

⁷⁰⁶ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С.76.

⁷⁰⁷ Значение Софии в булгаковской философии рассматривается в работах ряда отечественных и зарубежных исследователей: Преображенская К. В. С. Булгаков и Вл. Лосский. Спор о Софии как столкновение двух противоположных мистических интуиций. // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 2. С. 126-134; Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Категория соборности в социальной философии С. Н. Булгакова. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2(424); Цвален Р. Спутники по разным путям: Николая Бердяев и Сергей Булгаков. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 9 (2008/2009). М.: Издат. дом «Регнум», 2012. С. 334–424; 224. Correlating Sobornost: Conversations between Karl Barth and the Russian Orthodox Tradition / Moyses A. J., Kirkland S. A., McDowell J. C. (eds). Minneapolis: Fortress Press, 2016. 386 p.; Гиренок Ф. И. Спор о Софии: С. Булгаков и П. Флоренский. Философия хозяйства. 2013. № 3(87). С. 171-181; Gallaher B. The Problem of Pantheism in the Sophiology of Sergii Bulgakov: A Panentheistic Solution in the Process Trinitarianism of Joseph A. Bracken? in Seeking Common Ground: Evaluation and Critique of Joseph Bracken's Comprehensive Worldview (A Festschrift for Joseph A. Bracken, S. J. Milwaukee: Marquette University Press, 2012. P. 147-167; Papanikolaou A. From Sophia to Personhood: The Development of 20th Century Orthodox Trinitarian Theology. PHRONEMA. 2018 VOL. 33(2) P. 1-20.

⁷⁰⁸ Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. С. 211.

⁷⁰⁹ Там же. С. 210.

⁷¹⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 211.

⁷¹¹ Там же. С. 212.

⁷¹² Там же. С. 246.

в структуре личностного самосознания «соборной личности». Себялюбивое чувство собственности не связано с фактическим объемом и размером этой собственности, с социальным положением, занимаемым человеком в обществе⁷¹³.

Соборность в религиозно-светской социальности предполагает, что все объекты нашей деятельности будут определены нами в качестве ее целей, а не средств. Полезность определяется посредством соборного критерия, на первый план выносятся духовные, а не материальные ценности. Деятельность может быть названа эффективной, если она способствует приближению общества к состоянию соборности⁷¹⁴.

Сама личность детерминирует понимание социальности⁷¹⁵. Свободная личность рассматривается как социальный идеал. В отличие от религии все другие виды деятельности и виды мировоззрения не содержат самостоятельного идеала⁷¹⁶. «Человек – сын вечности, брошенный в поток времени»⁷¹⁷. Человек выступает творцом истории в связи с тем, что он свободен. Свобода актуализируется в том случае, когда человек проводит свою деятельность в соответствии с идеалом. Личность творит историю, определяет исторические горизонты⁷¹⁸. Понимание онтологических оснований «соборной личности» возможно через осознание своей нравственной свободы. Возникает интуиция богословия личности⁷¹⁹.

Создание обновленной «соборной личности» и новой социальной реальности религиозно-светской социальности должно, по мысли С. Н. Булгакова, начаться с религиозного самоуглубления, самоопределения как личного, так и

⁷¹³ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 246.

⁷¹⁴ Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4(61). С. 156–161.

⁷¹⁵ Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 156–161; Бойко П. Е., Тонковидова А. В. Категория соборности в социальной философии С. Н. Булгакова. // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2 (424). С. 85-91; Breckner K. Universalismus als Abteilungsgrund für christliche Ethik. Cursorischer Ausblick auf Partikularismus zulassende Konzeptionen am Beispiel Solov'evs, Bulgakovs, Berdjaevs und Franks // Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie. Berlin: LIT Verlag Dr. W. Hopf, 2011. P. 43-53.

⁷¹⁶ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 303.

⁷¹⁷ Там же. С. 343.

⁷¹⁸ Там же. С. 326.

⁷¹⁹ Зинковский С. А., Зинковский Е. А. Интуиции богословия личности в мировоззрении прот. Сергия Булгакова. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 1. С. 189–204.

исторического⁷²⁰. В православии формирование человека опирается на «условно-непогрешительном авторитете в Церкви», и его принятие возникает на основе личного убеждения, влекущего соборное единение в опыте и предании⁷²¹. Православной церкви С. Н. Булгаков приписывает свойства «незавершенности» и «неисчерпаемости»⁷²². Человек возникает в «богословских мнениях» и в «благочестивой практике»⁷²³. Соборное сознание Церкви в православии в булгаковских текстах представлено как соединенность свободы и церковности, религия и соборность выступают базой для идентификации и идентичности⁷²⁴.

Необходимо рассмотреть социальную идентичность и идентификацию через структуру мотиваций, определяемых в булгаковских текстах. Мотивы могут быть своекорыстные и религиозные⁷²⁵. Первичен религиозный аспект социальности. При выборе религиозного пути достижимой становится соборная религиозная истина, которая открывается человеку⁷²⁶. Диалектически противопоставляя соборность и массовость, С. Н. Булгаков высказывает мнение, что соборность, основанная на трансцендентном, представляет собой единство индивидуальностей, личностей в церкви. Соборный критерий определяет человека как свободное существо, таким образом становится возможным «христианское подвижничество»⁷²⁷, которое может быть представлено как символ соборности в религиозно-светской социальности.

В «подвижничестве» определяется «подвижник». «Подвижник» может действовать и тем самым способствовать становлению соборности религиозно-светской социальности. Все возможные противоречия социального снимаются через актуализацию соборности. Деятельность подвижника, на наш взгляд, должна быть основана на «религиозно-культурных основаниях» и приводить к

⁷²⁰ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 432.

⁷²¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 119.

⁷²² Там же. С. 123.

⁷²³ Там же. С. 122.

⁷²⁴ Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность в философии С. Н. Булгакова как основание социальной идентификации и идентичности. // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1(101). С. 25–31.

⁷²⁵ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С.212

⁷²⁶ Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С.97.

⁷²⁷ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 312.

социальному идеалу соборности⁷²⁸. Социальный идеал соборности необходим и для развития православного образования. В его поле определяется «социально-культурный подход, в рамках которого предметом изучения станет православная общность в истории России и станет возможной живая религиозность»⁷²⁹.

Исходя из текстов С. Н. Булгакова, главными чертами подвижничества являются «порядочность, дисциплинированность, трудоспособность, смирение, самоконтроль»⁷³⁰. Социальный прогресс связан с «ростом личности» до уровня «соборной личности». «Рост личности» предполагает личную ответственность и самодисциплину, в том числе и в трудовой деятельности. Таким образом, становится очевидным, что самодисциплина, по Булгакову, не может быть построена исключительно на личных интересах, она определяется, прежде всего, высшими нравственными, религиозными максимами в сфере профессиональной практики. Хозяйственная деятельность «соборной личности» должна перейти на уровень общественного служения и исполнения нравственного долга⁷³¹, так как хозяйствует не индивид, а все человечество, человек живет одной жизнью с миром как в потреблении, так и в производстве⁷³².

С. Н. Булгаков отождествляет счастье с бескорыстием, с нацеленностью на добро, то есть с нравственностью⁷³³. Счастье – это становление, рост человека в сфере духа, который связан с борьбой, страданиями и даже испытаниями, приводящими к парению духа и блаженству⁷³⁴. В работе С. Н. Булгакова «Из памяти сердца» мы находим описание переживания и присутствие в сердце таких состояний, как чудо исцеления, теургия⁷³⁵. С. Н. Булгаков пишет о том, что душа и

⁷²⁸ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 310.

⁷²⁹ Орлов М. О. Православная культура в современных условиях: богословские и социальные основания. Философские аспекты онтологии культуры: Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2019. С. 103.

⁷³⁰ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 294.

⁷³¹ Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008. С. 228.

⁷³² Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 234.

⁷³³ Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса. Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х томах. Т II. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 67.

⁷³⁴ Булгаков С. Н. Христианство и социализм. Социология власти. 2010. № 5. С. 210-227.

⁷³⁵ Булгаков С. Н. Из памяти сердца: Прага (1923-1934) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник. М., 1998. С. 234.

сердце соборны с Богом и с Софией, в этом случае исчезает разобщенность развития человеческого общества, возникает возможность для целостности и соборности⁷³⁶.

Из текстов С. Н. Булгакова мы можем выделить такую черту христианского подвижничества, как смирение и подвиг веры. Основанием его идентичности выступает вера в Божественное провидение. У «подвижника» происходит освобождение от «героической» позы и притязаний. Самоконтроль, отказ от фальшивого чувства непризнанного «спасителя» мира, от гордости – это черты подвижничества. «Подвижник» жертвует своей гордыней во имя Бога⁷³⁷. Смирение, выделяемое как основополагающая черта «подвижника», является высшей добродетелью. С. Н. Булгаков определяет формы проявления смирения в разных видах деятельности: творческой, научной, философской, нравственно-религиозной, политической, социальной деятельности, характерных для подвижника. Смирение – это «чувство ограниченности индивидуальных сил перед расширяющимися задачами»⁷³⁸. В творческой деятельности смирение проявляется как неудовлетворенность результатами своего творческого деяния, их неполное соответствие эстетическому идеалу, или смирение перед высшим эстетическим идеалом; в научной деятельности присутствует такая форма смирения, как принципиальное сомнение в достигнутых научных результатах, потребность и стремление в их совершенствовании.

Центральной областью деятельности подвижничества выступает «духовная» деятельность, отождествляемая С. Н. Булгаковым с «нравственно-религиозной самопроверкой», смирением. Здесь обозначается и постулируется высший критерий для этой «самопроверки», идеал личности в лице Христа. «Подвижник», сравнивая себя с идеалом, находя в себе некоторые несовершенства, стремится к

---

⁷³⁶ Тонковидова А. В. Проблема определения моральных оснований категории «счастье» в философии соборности С. Н. Булгакова. Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства: Сборник статей и материалов / Сост. А. С. Макурина. Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, 2021. С. 301–305.

⁷³⁷ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 297.

⁷³⁸ Там же. С. 298.

самосовершенствованию⁷³⁹. В подвижничестве явственно ощущается понятие греха⁷⁴⁰.

Самодисциплина и ответственность предполагают высокую этическую культуру, отказ от минимализма требований к человеческой личности в религиозно-светской социальности. Подвижничество реализует максимализм в личном отношении, причем, внешний максимализм, характерный для героизма, у него сглажен. Цель деятельности в подвижничестве состоит в исполнении долга перед Богом. «Подвижник» не отождествляет себя с Провидением, не ставит себе задач решения судеб истории, находясь в истории, действуя в историческом процессе, не вынося себя поверх истории, что свойственно, по С. Н. Булгакову, странствованию.

Максимализм действий характерен для подвижничества. Действие, основанное на смирении, прежде всего, на внутреннем смирении, а не смирении перед внешним миром, мы не можем охарактеризовать как пассивное действие, или как воздержание от действий. С. Н. Булгаков указывает, что даже революционное действие, основанное на вере в Бога, может быть рассмотрено как подвиг христианского подвижничества, подвиг смирения. Главное отличие героизма от подвижничества – это совершение действий не во имя себя, а во имя Бога⁷⁴¹.

Качества, свойственные для «подвижника», – это верное исполнение долга, или послушание. Послушанием может быть названа деятельность в любой сфере: профессиональной, творческой, духовной, основанная на совести и велении долга. Дисциплина послушания вырабатывает «историческую трезвость», «самообладание», выдержку, определяет историческое чувство, устанавливает связь поколений. Задачей подвижничества является самоотдача, самоотречение в труде. Монашество может быть рассмотрено как одна из форм подвижничества⁷⁴².

Национальная идентичность в подвижничестве основана на идее «братства народов», а не безродных атомизированных граждан, которые также и нивелируют,

---

⁷³⁹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 299.

⁷⁴⁰ Там же. С. 300.

⁷⁴¹ Там же. С. 301–303.

⁷⁴² Там же. С.302–305.

и полностью отрицают Родину⁷⁴³. Национальную идентичность подвижничества, на основании текстов С. Н. Булгакова, мы можем рассмотреть, как реализацию «инстинкта национальности», «как нахождение себя в единстве с другими», а в «инстинкте национальности» можно усмотреть одну из ступеней соборности, ведущих к истинной соборности в форме понятия в религиозно-светской социальности⁷⁴⁴.

В подвижничестве отсутствует идея избранности, которая определяет оторванность от народа. «Подвижник» – это органичная составляющая соборного народа, деятельность которого С. Н. Булгаков рассматривает как «подвижничество», источником которого были христианская вера и идеалы «подвижничества»⁷⁴⁵. Прослеживаются явные идеи о равенстве всех людей и абсолютном достоинстве человеческой личности⁷⁴⁶.

Рассматривая вопрос личности, П. А. Флоренский указывает, что чистой личностью и идеалом «само-построения» является Бог. В личности человека философ определяет два измерения: лицо и вещь. Вещам свойственно сходство, а личностям – тождество.

Для достижения ситуации отождествления с другими личностями необходимы отделение личности от «вещности» и выход из «само-замкнутости» в «само-построяющей», «само-полагающей» деятельности в «само-собрание». При этом личность становится «живым» центром деятельности. Вещь поддается определению, а личность раскрывается лишь через символы. Содержание символов становится доступным через переживание⁷⁴⁷.

П. А. Флоренский указывает на символ «подвижничество» в религиозно-светской социальности как на проявление аскезы, ведущей к соответствию параметрам соборности. Соборное единение с Богом религиозно-светской социальности предполагает, что человек ставит на свое место Бога «неведомого, но

---

⁷⁴³ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 311.

⁷⁴⁴ Там же. С. 329.

⁷⁴⁵ Там же. С. 312.

⁷⁴⁶ Там же. С. 305.

⁷⁴⁷ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 78-80, 83, 84, 86.

любимого»⁷⁴⁸. Через подвиг и жертву, в открытии безусловной соборной истины и состоит путь личного и опытного достижения единства с Богом, обожение в любви через актуализацию красоты, то есть вхождение в пределы Божественного всеединства – путь подвижничества. Подвиг и жертва при этом заключаются в отказе от доказательства соборной истины⁷⁴⁹. П. А. Флоренский определяет подвижничество как духовно-воспитательное и художественное творчество. Мыслитель считает, что подвижничество – это «со-действие», а «со-действие» – это любовь. В любви раскрывается Бог непосредственно. По отношению к знанию и радости любовь первична. Первая стадия интуиции – это «абсолютная любовь», а Бог и есть любовь, пишет П. А. Флоренский. Познание Истины – это вхождение в пределы Божественного всеединства, при котором происходит «обожение» человека в любви, через актуализацию красоты⁷⁵⁰. Для подвижника религиозно-светской социальности свойственны самоопределения «я живу», «я делаю», «я говорю»⁷⁵¹, а также трезвость и бодренность⁷⁵². «Целомудренность» подвижника, его «здравомыслие», искренность, открытость, непосредственность, стыдливость ведут к органическому единству и цельности личности, «блаженству», оправданию, покою, бессмертию⁷⁵³. В «его ощущении нет похоти», в познании «нет горделивости»⁷⁵⁴. Эмпирическая природа человека должна быть «соткана» из веры, надежды и любви⁷⁵⁵. Мир видится «естественным», «полным конкретной жизни»⁷⁵⁶.

У религиозно-светской личности возможна идея спасения как индивидуальных душ, так и солидарное спасение. В судьбе людей, отмечает С. Л. Франк, присутствует «круговая порука»⁷⁵⁷, общая возможность спасения. Критерием деятельности выступает не отказ от греха, насилия, а действие,

---

⁷⁴⁸ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда, 1990. С. 68.

⁷⁴⁹ Там же. С. 72.

⁷⁵⁰ Там же. С. 71, 74, 75, 76.

⁷⁵¹ Там же. С. 174, 175.

⁷⁵² Там же. С. 175.

⁷⁵³ Там же. С. 180, 181, 191.

⁷⁵⁴ Там же. С. 274.

⁷⁵⁵ Там же. С. 224, 229.

⁷⁵⁶ Там же. С. 295.

⁷⁵⁷ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 150-152.

нацеленное на ограждение мира от зла⁷⁵⁸.

Понятие личности возвращает человека к Богу, делается возможной религиозно-светская социальность с пониманием вечного аристократического достоинства человека, всеобщности этого достоинства, прирожденных прав всех людей, демократии, что определено родством с Богом, богочеловеческой основой человеческого существа.

В работе С. Л. Франка «О смысле жизни» мы находим символ христианского подвижничества, понимаемого как творческий подвиг, смысл жизни. Воля к подвигу, вера в реальность должны проявиться в борьбе с эмпирической бессмыслицей жизни, которая выступает необходимым препятствием для проявления свободы⁷⁵⁹. В преобразующей силе подвига, в вере, сопровождающейся активной деятельностью, проявляется возможность найти смысл жизни, в подвижничестве постигается смысл жизни, преодолевается противоречивость жизни⁷⁶⁰. Основное дело человека – в молитвенном подвиге обращенности души к Богу, аскетическом подвиге борьбы с гордыней, эгоизмом⁷⁶¹.

Условия для возможности раскрытия религиозно-светской личности мы можем найти в текстах С. Л. Франка через описание конкретной душевной жизни как единства⁷⁶². При этом человеческая личность – продукт воспитания и среды, но лишь до некоторой степени⁷⁶³. Возникновение религиозно-светской личности возможно при осознании существования Бога и нашей собственной причастности ему, достижимости божественной жизни. Присутствует общее условие осмысленности жизни, в которой личность выступает свободным участником божественной жизни, что дает ей возможность «обожиться»⁷⁶⁴. Жизнь в своем истинном значении – это всеединство, служение, жертвенность, тем самым мы становимся связанными с ближними⁷⁶⁵. В духовной жизни у религиозно-светской

---

⁷⁵⁸ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С.163.

⁷⁵⁹ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 105.

⁷⁶⁰ Там же. С. 107.

⁷⁶¹ Там же. С. 116.

⁷⁶² Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Москва: Директ-Медиа, 2008. С.114.

⁷⁶³ Там же. С.153.

⁷⁶⁴ Там же. С.47.

⁷⁶⁵ Там же. С.114.

личности должно возникнуть представление о производительном и непроизводительном труде. Добро сравнивается в этом случае с реальностью, которую мы должны добывать, которой должны обладать в подвижничестве. Символ подвижничества раскрывает значение религиозно-светской личности. «Каждый из нас лишь в той мере, в какой он есть подвижник и посвящает свои силы внутреннему подвигу»⁷⁶⁶. Молитва и аскетизм – это подвиг, это подлинное созидание, делающее возможным успешное и экономическое, социальное развитие общества и личности. В подвижничестве определяется смысл жизни, то, ради чего совершаются все виды деятельности⁷⁶⁷. Все люди пронизаны общим началом, выступают как клеточки организма⁷⁶⁸. Нужно отметить, что с символом подвижничества связано возвращение в личности нравственных категорий добра и правды. Это не одиночное, а «соборное дело, в котором все люди связаны между собой в Боге, и все – за каждого, и каждый – за всех»⁷⁶⁹. В аспекте служения – понимаются богатство, власть, семья, Родина⁷⁷⁰. С. Л. Франк отмечает дисциплинированность как важную черту подвижничества⁷⁷¹. Через крушение кумиров революции, политики, культуры, идеи и нравственного идеализма, личность приходит к религиозно-светской личности, соборной личности⁷⁷². С. Л. Франк дает следующие ее характеристики: преданность вечным идеалам, духовная широта, свобода в отношении к складу жизни, верность правде, духовная свобода, готовность к мученичеству ради правды, живое общение, терпимая любовь и отрицание идолопоклонников, неверующих, готовность идти собственным путем⁷⁷³. Внешне присутствует закрытость личности, сочетающаяся с внутренним единством⁷⁷⁴.

Жизненное существо творит лишь «свободная воля к подвигу»⁷⁷⁵. Общество

⁷⁶⁶ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 118.

⁷⁶⁷ Там же. С. 118, 119.

⁷⁶⁸ Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 146.

⁷⁶⁹ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 122.

⁷⁷⁰ Там же. С. 128, 130.

⁷⁷¹ Там же. С. 131.

⁷⁷² Франк С. Л. Крушение кумиров. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 100-102.

⁷⁷³ Там же. С. 100-101.

⁷⁷⁴ Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 115.

⁷⁷⁵ Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 11.

должно быть основано на солидарности, на внутреннем единстве и на внутренней свободе индивидуальных «я»⁷⁷⁶, в нем должно присутствовать начало «служения», или «благоговения»⁷⁷⁷. Соборность религиозно-светской личности строится на том, что каждое отдельное «я» укоренено в «мы», то есть действует принцип традиционализма⁷⁷⁸. Определяются два вида любви: основанной на сострадании (любовь к ближнему) и не основанной на сострадании (любовь к дальнему)⁷⁷⁹.

Всеединство и бытие есть одно и то же⁷⁸⁰. Вера в Бога приходит через аскетические подвиги, вопреки умственной очевидности⁷⁸¹. Вера-доверие основана на непосредственном приходе к Богу, вера-достоверность – послушание авторитету⁷⁸², основана на церковном авторитете.

Основной вопрос, по Н. А. Бердяеву, это вопрос раскрытия личности. Истинная реальность – это реальность субъекта⁷⁸³. В ее основе реальность Бога, духа, в ней нет массовости, а присутствует индивидуально-личное⁷⁸⁴. «Дух не только божественен, он бого-человечен, бого-мирен»⁷⁸⁵. Эта тайна человека, как духовного существа, раскрывается посредством мифа или символа, формирование понятий не представляется возможным. Нахождение значения понятий в судьбе человека невозможно, а возможно нахождение значений символов. Дух одновременно и трансцендентен, и имманентен⁷⁸⁶.

Интересна мысль Н. А. Бердяева, который в отличие от Л. П. Карсавина утверждает, что «коллективы не могут быть признаны личностями», церковь не может быть рассмотрена как личность. Значение соборности не может быть сведено к коллективности, она выступает как качество общности людей, личностей. Наименование духа личностью – это символ, в котором отражается

⁷⁷⁶ Франк С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 13.

⁷⁷⁷ Там же. С. 15, 16.

⁷⁷⁸ Там же. С. 19, 20.

⁷⁷⁹ Франк С. Л. Фридрих Ницше и этика «любви к дальнему». Москва: Директ-Медиа, 2016.

⁷⁸⁰ Франк С. Л. Онтологическое доказательство бытия Бога. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 27.

⁷⁸¹ Там же. С. 44.

⁷⁸² Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008. С. 22.

⁷⁸³ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С.13.

⁷⁸⁴ Там же. С. 16.

⁷⁸⁵ Там же. С. 35.

⁷⁸⁶ Там же. С. 35, 36.

тайна преодоления противоположности между личным и общим⁷⁸⁷. Н. А. Бердяев называет коллективный дух метафорическим выражением, которое отражает социализацию духа⁷⁸⁸, таким образом, речь идет о том, что коллективный дух противоположен соборному духу. В работах Н. А. Бердяева отмечается метафоричность при определении религиозных понятий⁷⁸⁹.

Дух – субъект и раскрывается в субъекте. В объекте присутствует символ реальности. Объективация духа раскрывает перед нами символы, в том числе и в культуре, первореальности, которые остаются в сфере трансцендентного, есть лишь в мире существования, лишь в экзистенциальных субъектах⁷⁹⁰. Через символизацию раскрывается и значение откровения⁷⁹¹.

Символизации не станет в том случае, если объективный мир перестанет существовать, а сохранится лишь дух. Место символизации займет реализация. Весь объективный мир – это лишь символика мира духовного⁷⁹². Н. А. Бердяевым через символизацию раскрывается и значение откровения⁷⁹³. Человек проходит через объективацию духа в культуре, в государстве, в этом его трагедия, но при этом возникают символы⁷⁹⁴. Торжество духа в обществе означает торжество персонализма, признание каждой личности высшей ценностью, возникновение персоналистического и субъективного общества, создание «персоналистической и субъективной общественности», в которой личность устремлена к общности, к соборному единству⁷⁹⁵. В этой ситуации преодолеваются объективация и условная символизация. В обществе не будет объектов, а возникнет царство духа и свободы – Царство Божие. Положительное значение символизации Н. А. Бердяев видит в

⁷⁸⁷ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 40.

⁷⁸⁸ Там же. С. 47.

⁷⁸⁹ Антонов К. М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н. А. Бердяева // Философия религии: анализ. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2019. Т. 3. № 1. С. 67.

⁷⁹⁰ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 55

⁷⁹¹ Антонов К. М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н. А. Бердяева // Философия религии: анализ. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2019. Т. 3. № 1. С. 66.

⁷⁹² Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 59, 60.

⁷⁹³ Антонов К. М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н. А. Бердяева // Философия религии: анализ. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2019. Т. 3. № 1. С. 66.

⁷⁹⁴ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 60.

⁷⁹⁵ Там же. С. 65.

том, что символическое восприятие предполагает такое восприятие, когда все видимое – это символ невидимого, что освобождает этот мир от его тотальности. По Н. А. Бердяеву, аскеза религиозно-светской социальности в достижении соборности наполнена человечностью, любовью, жалостью, достоинством и свободой.

У Л. П. Карсавина мы находим символ симфонии для определения аскезы личности в религиозно-светской социальности. Т. Оболевич, обращаясь к архивным материалам⁷⁹⁶, указывает на значимость раскрытия личности в свете концепций Л. П. Карсавина и С. Л. Франка⁷⁹⁷. Симфония – это любовная согласованность⁷⁹⁸. В. Н. Гасилин и Л. Я. Саксельцева считают, что вера, надежда и любовь рассматриваются как символы, как факторы «консолидации жизненного мира», или, другими словами, «три составляющих ценностного мира человека взаимосвязаны и представляют собой органическое единство»⁷⁹⁹.

Если обратиться к пониманию философом категории личности, то становится очевидным, что он усматривает ее значение не в отношении социума, а в смысле общественных отношений. Л. П. Карсавин приходит к выводу, что ключевым значением обладает Божественная личность, и человек становится личностью, получает личностное качество лишь в соединении с Богом, божественной личностью, путем смирения и движения к Богу.

Задача личности заключается в отказе от гордыни и самоубийства, в уходе от «эгоистического саморазвития». Цель личности – через смирение и саморазвитие установить взаимодействие с людьми на основании соборной истины⁸⁰⁰. В символе симфонии отражается соборная личность в своих разных иерархических значениях.

⁷⁹⁶ Сердюкова Е. В. Архивное наследие философов русского послеоктябрьского зарубежья в современных отечественных и зарубежных исследованиях // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 108-118; Shashlova E. Russian philosophers in France in the interwar period a review of the studies of emigrant philosophers // Convivium. 2020. Vol. 7, No. Suppl.P. 33–49.

⁷⁹⁷ Оболевич Т. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. (Исследования по истории русской мысли. Т. 24. С. 110.

⁷⁹⁸ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 407.

⁷⁹⁹ Гасилин В. Н., Саксельцева Л. Я. О ценностном мире человека. Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина - филиал ФГБОУ ВПО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2019. С. 34.; Гасилин В. Н., Саксельцева Л. Я. Консолидирующие факторы ценностного мира человека // Межрегиональные Пименовские чтения. 2019. Т. 16. № 16. С. 258-262.

⁸⁰⁰ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 412.

Интересно отметить, что в толковании Л. П. Карсавина индивидуум выступает как момент высшей «симфонической» личности, а «личное самосознание «величина переменная» (т. е. то индивидуально, то социально, то симфонично). Отдельная личность рассматривается как одна из форм симфонической личности⁸⁰¹, как «многоединство»⁸⁰². Различные формы раскрытия личности – это формы актуализации соборности в индивидуальной личности⁸⁰³. Л. П. Карсавин отмечает, что «нет личности вне ее аспектов, а она – их многоединство»⁸⁰⁴. Интересна мысль Л. П. Карсавина о том, что симфоническая личность на уровне своего совершенства содержит в себе все прошлые несовершенные состояния⁸⁰⁵, а смысл человеческого бытия можно обозначить как «обожение»⁸⁰⁶. Соборная личность строит свою деятельность на основании религиозно-нравственного закона, или идеала, который предполагает, прежде всего, осознание цели деятельности не в создании своего, а в преобразовании созданного Богом мира, отказ от гордыни, или от «самозамкновения»⁸⁰⁷.

Каждый человек есть благо, а не зло, так как зло обладает, по Л.П. Карсавину, такими характеристиками, как безличие, безиндивидуальность, бесчеловечность⁸⁰⁸. Человек, совершенствуясь, должен с необходимостью осознавать свою греховность, преодолевать в себе животное начало и брать на себя ответственность за свою деятельность, преодолевая «греховную необходимость».

Огосударствленный народ – соборная личность⁸⁰⁹. Идею «продуктивного синтеза на основе идеалов христианской политики» О. А. Жукова усматривает в судьбе В. А. Караулова – примере подвижничества, воплощения ценностей христианской свободы в практику государственного строительства. В. А. Караулов постулировал решение проблемы «исторической связки русской власти и церкви»,

---

⁸⁰¹ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. С. 467.

⁸⁰² Там же. С. 469.

⁸⁰³ Там же. С. 465.

⁸⁰⁴ Там же. С. 466.

⁸⁰⁵ Там же. С. 470.

⁸⁰⁶ Там же. С. 479.

⁸⁰⁷ Там же. С. 411.

⁸⁰⁸ Там же. С. 414.

⁸⁰⁹ Там же. С. 439.

пытался вернуть первоначальный христианский смысл в общественное дело перед лицом идеала гражданства Небесного»⁸¹⁰.

Каким образом, по Н. А. Бердяеву, человек выходит на уровень соборности в религиозно-светской социальности? Человек становится «творцом культуры», аристократом и героем, который, служа народу, творит его. Н. А. Бердяев определяет человека в религиозно-светском сообществе как «творца культуры», который через аристократизм, развитие в себе лучших качеств уходит от массовости, облагораживает публику⁸¹¹. Н. А. Бердяев дает еще одну характеристику личности: это аристократ или человек, осознающий свою вину и греховность⁸¹².

В религиозно-светской социальности возникнет, по словам Н.А. Бердяева, новое осознание соединенности гениальности, присутствующей в светской социальности в поле творчества, и святости религиозной социальности, проявляющейся в религиозном подвиге – подвижничестве⁸¹³.

В новой творческой эпохе нужно приравнять эстетическое нравственному, определить равноценность гениальности и святости. Творческий подвиг, подвиг творческого познания, подвиг творчества красоты, творческий опыт гениальности должен быть приравнен к аскетическому опыту святости. Воля к святости равноценна воле к гениальности. Гениальность – это религиозное делание. Путь к новой общественности должен лежать через «коллективный, соборный жертвенный подвиг». Общее в пути, в аскезе гения и святого – жертвенность⁸¹⁴.

Одновременно с этим философ обращается к символике героизма, указывая, что дух реально воплощается в реальном восхождении личности к Богу в творчестве в период «героической» духовности в религиозно-светской социальности «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»

⁸¹⁰ Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. С. 206, 213.

⁸¹¹ Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. С. 69.

⁸¹² Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 105.

⁸¹³ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С.395.

⁸¹⁴ Там же. С. 393, 394, 396, 482.

(1952)⁸¹⁵. В религиозно-светском государстве есть сила любви, дух героизма, совести и творческого энтузиазма⁸¹⁶.

Смирение можно рассматривать как способ самоопределения человека, развития воли. Смирение не может быть целью; Н. А. Бердяев рассматривает его как одно из средств духовной жизни на уровне духовного человека. Это подлинное смирение, настоящее преобразование человеческой природы, освобождение духовного человека⁸¹⁷. Объективация духа – препятствие на пути к новой духовности, она отражает разрыв в сознании, распад на субъект и объект⁸¹⁸. Н. А. Бердяев отмечает, что диалектическое противоречие возникает не между индивидом и соборностью, а между коллективом и коммюнитарностью⁸¹⁹. Совесть определяет вхождение в универсальное сообщество, а не развитие «индивидуализма»⁸²⁰. Соборность – это общение и любовь между церковным народом и Святым Духом, основанное на таинственной жизни духа⁸²¹. Свобода – одна из центральных категорий философии Н. А. Бердяева, в рассмотрении которой прослеживается гегелевский подход⁸²². Диалектика свободы проявляется в том, что свобода может переходить в необходимость, как ее противоположность. Возникает оправдание свободы⁸²³. Свобода человека определяется принадлежностью к духовному и социальному. Соборность, на наш взгляд, играет фундаментальную роль в актуализации основополагающих принципов русской философии.

В результате изучения символов раскрытия соборности в религиозно-светской социальности в качестве таковых были определены подвижничество С. Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, симфония Л. П. Карсавина. Н. А. Бердяев усматривает в религиозно-светскости

⁸¹⁵ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 73.

⁸¹⁶ Там же. С. 116.

⁸¹⁷ Шапошников Л. Е. Н. А. Бердяев и русское православие. Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 59-63.

⁸¹⁸ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 205.

⁸¹⁹ Там же. С. 77.

⁸²⁰ Там же С. 78.

⁸²¹ Там же. С.79.

⁸²² Ермичев А. А. Три свободы Николая Бердяева: (Из цикла "Страницы истории отеч. филос. мысли") М.: Знание, 1990.

⁸²³ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 62.

«героическую духовность». Данная символика вводится в концептуально-символическую модель соборности, отражая на символически-смысловом уровне аскезу, устремленную к достижению параметров соборности в религиозно-светской социальности. Символы соборности могут быть рассмотрены в качестве символа «личности-созидателя», которая, по И. Н. Тяпину, может стать основанием цивилизационного развития России с идеей антропосоциоконсерватизма⁸²⁴.

---

⁸²⁴ Тяпин И. Н. Возрождение этико-эстетических традиций Русской идеи в парадигме антропосоциоконсерватизма // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 478.

Заключение

Понимание соборности как становления религиозно-светской социальности, берущее свое начало в работах В. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого, характерное для социально-онтологического этапа развития соборности, получает развитие в представленной в работах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Л. П. Карсавина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка концептуальной модели соборности, конституирующей новый, символично-социально-онтологический этап. Мы рассматриваем данный этап как результирующий и синтезирующий в связи с тем, что в нем воплотились не отдельные аспекты соборности (социальный, онтологический, символически-смысловой), а сама идея соборности – как синтез всех этих трех аспектов.

В результате исследования нами была выявлена и проанализирована двухуровневая концептуальная модель соборности. Она включает в себя, на социально-онтологическом уровне, три формы социальности (религиозную, светскую, религиозно-светскую), в которых, при достижении определенного качества, постулируется возникновение соборности, с присущими им целеполагающими параметрами, а на символически-смысловом уровне – виды аскезы, присущие каждой из этих трех форм социальности, позволяющие достичь состояния соборного единства, описываемые посредством символов соборности. Отличительной содержательной характеристикой (чертой) религиозной социальности является раскрытие в трансцендентном, а религия связана с жизненным опытом повседневности. Достижение соборности переносится в мир трансцендентного и происходит через аскезу, индивидуальный опыт приобщения к Богу. Имманентное звучание соборности присутствует в описании светского типа социальности. Бог в трансцендентном мире отрицается, к статусу Бога приравнивается человек из мира имманентного, создается светский тип религиозности, или атеизм. Достижение социального идеала в историческом поле становится невозможным, и трансцендентное религиозной социальности получает статус «будущего» в светской социальности. Соборность религиозно-светской

социальности проявляется в значении синтеза трансцендентного и имманентного, в значении Богочеловечества. Соборность выступает как синтез, преодоление противоречивых религиозности и светскости, в Богочеловечестве. Присутствует единая религиозно-светская социальность через диалектическое преодоление отдельных религиозности и светскости. Символами соборности выступают: «странствование», «странствие», «подвижничество», «героизм», «симфония», которые отражают формы преобразования человеческой личности. Аскеза в религиозной социальности представлена в символах соборности: странствование, странствие; аскеза в религиозно-светской социальности – в символе симфонии; символом героизма описана аскеза как в светской, так и в религиозно-светской социальности, а символом «подвижничество» – аскеза, реализуемая во всех трех типах социальности. Причем возможно провести их определенную систематизацию и соотнести с типами социальности и аскезой. В рамках данного периода развивается идея о том, что соборность становится возможной благодаря реализации аскезы, то есть носит деятельностный характер. Аскеза направлена на достижение установленных параметров соборности. Для каждого типа социальности характерна особенная аскетика, но выбор символики для ее обозначения различен у философов данного периода. Установлено, то С. Н. Булгаков вводит в философский дискурс первой половины XX века символическую трактовку аскезы, ведущую к состоянию соборности. П. А. Флоренский и Н. А. Бердяев в различных диалектических значениях применяют символику подвижничества для описания аскезы религиозной, светской, религиозно-светской социальности. Символы соборности религиозной социальности – это «странствование» у С. Н. Булгакова, «странствие» у С. Л. Франка, «подвижничество» в текстах П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева. Странствование, странствие, подвижничество религиозной социальности предполагают внеисторизм, мессианизм, мученичество, индивидуализм, уход из поля государственной деятельности, эсхатологизм, моноидеизм в реализации аскезы, направленной на достижение целеполагающих параметров религиозной социальности концептуальной модели соборности: трансцендентное понимание

Бога и возможности достижения соборности, прожитие соборности в едином непосредственном опыте повседневности, индивидуальное богопознание и индивидуальный критерий истины, трансцендентное основание свободы, эсхатологичность, внеисторическое мироощущение, основанность на апофатическом богословии и платоновской традиции. Постулируется возникновение противоречий между трансцендентным и имманентным, и противоречий внутри самого христианства (первохристианство – историческое христианство). Личность религиозной социальности раскрывается через символы данного уровня раскрытия соборности в деятельностном плане, в аскезе. Героизм рассматривается как символ соборности светской социальности в философии С. Н. Булгакова и прослеживается его развитие в работах С. Л. Франка, Н. А. Бердяева. П. А. Флоренский и Н. А. Бердяев применяют символ подвижничества при раскрытии светской социальности в диалектически противоположном значении по отношению к подвижничеству религиозной социальности. Для обозначенных символов, описывающих светскую аскезу, свойственен внеисторизм, индивидуализм, коллективизм, мессианизм, мученичество, эсхатологизм, революционность, максимализм в достижении соборности, понимаемой и как коллективизм, и как сборность, и как стадность, и как муравейник. Она направлена на соответствие основополагающим параметрам соборности светской социальности, которые мы определили в текстах авторов указанного периода, а именно: создание религий светского типа, или атеистических религий, но вместе с тем сохранение религиозности, идея Человекобожия, индивидуализм, раздробленность, или мнимое единство, отказ от трансцендентного, имманентизм, потеря свободы. Мы отмечаем применение сходных символов как религиозной, так и светской социальности. Они демонстрируют диалектически противоположные формы раскрытия соборности. Значение аскезы определяется через значение символов. С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк находят символ религиозно-светской социальности в подвижничестве, Л. П. Карсавин – в симфонии. Н. А. Бердяев, как и при описании личности светской социальности, описывая

личность религиозно-светской социальности, прибегает к символу героизма, наделяя личность «героической духовностью». Эта символика проявляется в аскезе, окрашенной смирением, максимализмом в личном отношении. Индивидуализм сменяется соборностью, достижение которой возможно в историческом поле, при устремленности в вечность, вневременность. Большое значение при этом играет совесть. Аскеза религиозно-светской социальности концептуальной модели соборности направлена на достижение установленных нами параметров религиозно-светской социальности концептуальной модели соборности: преодоление разделенности трансцендентного и имманентного, устремленность в вечность (сверхвременность) через прохождение истории, преодоление религии в реальном Царстве Божием, общественное единство в историческом поле, идея Богочеловечества, соборная истина, достижение свободы. Мы можем представить символику соборности религиозно-светской социальности как образец созидательной деятельности, являющейся традиционной ценностью, как актуализацию и описание ее содержательного значения. Каждый из обозначенных символов отражает ценностные и деятельностные характеристики раскрытия и реализации соборности; описывает содержательные характеристики обозначенных символов, через которые раскрывается соборность, определяет деятельностные аспекты раскрытия соборности в особых типах личности, которые реализуют соборность, находясь в диалектическом развитии в обозначенных нами типах социальности через аскетику. Личность, находясь в диалектическом становлении, актуализует различные формы соборности в наличном бытии в созидательной деятельности, выступающей традиционной ценностью российского мировоззрения. Концептуальная модель соборности данного периода предполагает, что соборность не является завершенной идеей, а пребывает в ситуации развития, воплощаясь в религиозной, светской и религиозно-светской социальности (социальность была нами определена как ситуация взаимодействия человека, общества, церкви, государства, Бога). Диалектика, проявляющаяся в русской религиозной философии, не только логична, но, в первую очередь, жизненна. Диалектика жизни состоит в поглощении человеческого божественным,

на наш взгляд, в религиозной социальности и поглощении божественного человеческим в светской социальности. Религиозно-светская социальность выступает вершиной становления соборности, где возникает соборное богочеловечество в синтезе светскости и религиозности.

Актуальным и перспективным направлением дальнейших историко-философских исследований выступает определение исторических этапов становления русской философии на основе концептуализации ее идей и понятий, создание их концептуальных моделей.

Список литературы

1. Акулинин, В. Н. Философия всеединства: От В. С. Соловьева к П. А. Флоренскому / В. Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 158 с.
2. Алексеева, Е. П. Эволюция этических взглядов С. Н. Булгакова: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Алексеева Екатерина Петровна. – Тула, 2006. – 180 с.
3. Анисин, А. Л. Основания и пути становления идеи соборности в русской духовной жизни: дис. ... канд. филос. наук: 22.00.06 / Анисин Андрей Леонидович. – Тюмень, 1997. – 125 с.
4. Анисин, А. Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Анисин Андрей Леонидович. – Екатеринбург, 2011. – 406 с.
5. Антонов, К. М. Идея сообщества ученых и ее религиозный смысл в русской мысли конца XIX века: вопрос о коммуникативной природе науки и концепция всеединства / К. М. Антонов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2012. – № 6(44). – С. 54–68.
6. Антонов, К. М. Концепт религиозного обращения в философии В. С. Соловьева / К. М. Антонов // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. – 2004. – № 2. – С. 159–189.
7. Антонов, К. М., Кырлежев, А. И. Новая интерпретация истории русской религиозной мысли: философия религии как значимый аспект религиозной философии / К. М. Антонов, А. И. Кырлежев // Вопросы теологии. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 372.
8. Антонов, К. М. Проблема личности в мышлении протоиерея Сергия Булгакова и проблематика богословского персонализма в XX веке / К. М. Антонов // Христианское чтение. – 2017. – № 4. – С. 178–206.

9. Антонов, К. М. Психология религии в русской религиозной мысли: к постановке проблемы / К. М. Антонов // *Философские науки*. 2018. – № 5. – С. 143–156.

10. Антонов, К. М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н. А. Бердяева / К. М. Антонов // *Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches*. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 57–78.

11. Асмус, В. Ф. Философия и эстетика русского символизма / В. Ф. Асмус // *Избранные философские труды: в 2 т. – Т. 1.* – М.: МГУ, 1965. – С. 187–237.

12. Астапов, С. Н. Отрицательная диалектика в философии религии С. Л. Франка / С. Н. Астапов // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2008. – № 6(43). – С. 81–84.

13. Астапов, С. Н. Антиномия в отрицательной диалектике П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка / С. Н. Астапов // *Научная мысль Кавказа*. – 2009. – №1 (57) – С. 54–58.

14. Бакулов, В. Д., Бабина, Д. А. Эвристический потенциал концепции К. Н. Леонтьева о стадиях развития для осмысления исторических этапов культуры и её диалогической сущности / В. Д. Бакулов, Д. А. Бабина // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2022. – № 6(127). – С. 41–47.

15. Безлепкин, Н. И. Историческая диалектика Л. П. Карсавина / Н. И. Безлепкин // *Философская мысль*. – 2019. – № 5. – С. 15–24.

16. Белов, А. В. Критика нигилизма Н. Я. Данилевским (200 лет со дня рождения русского мыслителя) / А. В. Белов // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2022. – № 5(126). – С. 13–16.

17. Белый, А. Символизм и философия культуры. Символизм как миропонимание / А. Белый / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 18–325.

18. Бердяев, Н. А. Верующий вольнодумец: сборник критических работ о творчестве Н. А. Бердяева: сборник научных трудов / Н. А. Бердяев. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 689 с.
19. Бердяев, Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности / Н. А. Бердяев. – Москва: Директ-Медиа, 2019. – 204 с.
20. Бердяев, Н. А. Избранные философские сочинения 1920-х гг.: сборник научных трудов / Н. А. Бердяев. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 261 с.
21. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва: Директ-Медиа, 2019. – 223 с.
22. Бердяев, Н. А. Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 114 с.
23. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 452 с.
24. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – Москва: Директ-Медиа, 2019. – 253 с.
25. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. - М.: Правда, 1989. – 608 с.
26. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – Москва: Директ-Медиа, 2019. – 219 с.
27. Бердяев, Н. А. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. – Москва: Директ-Медиа, 2019. – 187 с.
28. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 132 с.
29. Богатов, М. А. Мышление после революции: апория оснований / М. А. Богатов // Социология власти. – 2017. – Т. 29. – № 2. – С. 53–69.
30. Бойко, Л. А., Бойко, П. Е. Всеобщая диалектика религиозного сознания Г. В. Ф. Гегеля и перспективы развития христианской идеи / Л. А. Бойко, П. Е. Бойко // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2(40). – С. 89–92.

31. Бойко, П. Е. Всеобщая диалектика религиозного сознания как методологический принцип понимания христианской идеи в современном мире / П. Е. Бойко // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений.* – 2011. – № 1. – С. 227–233.

32. Бойко, П. Е. Идея всеобщей разумности бытия в философско-историческом самосознании русского народа: в поисках пути, истины и жизни / П. Е. Бойко // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* – 2010. – Т. 11. – № 4. – С. 136–146.

33. Бойко, П. Е., Бойко, Л. А. Всеобщность философского разума как принцип религиозного развития современной России / П. Е. Бойко, Л. А. Бойко // *Булгаковские чтения.* – 2009. – № 3. – С. 247–257.

34. Бойко, П. Е., Тонковидова, А. В. Категория соборности в социальной философии С. Н. Булгакова / П. Е. Бойко, А. В. Тонковидова // *Вестник Челябинского государственного университета.* – 2019. – № 2 (424). – С. 85–91.

35. Бойко, П. Е., Тонковидова, А. В. Соборность как церковно-светская социальность в социальной философии С. Н. Булгакова / П. Е. Бойко, А. В. Тонковидова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2019. – № 4(61). – С. 156–161.

36. Бойко, П. Е. Идея соборности в русской философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Бойко Павел Евгеньевич. – Краснодар. – 1999. – 151 с.

37. Булгаков, С. Н. Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования / С. Н. Булгаков. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 427 с.

38. Булгаков, С. Н. Друг Жениха: о православном почитании Предтечи / С. Н. Булгаков. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 236 с.

39. Булгаков, С. Н. Из памяти сердца: Прага (1923-1934) / С. Н. Булгаков // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник.* – М., 1998. – С. 112–256.

40. Булгаков, С. Н. Купина неопалимая: опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери / С. Н. Булгаков. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 202 с.

41. Булгаков, С. Н. Лествица Иаковля: об ангелах / С. Н. Булгаков. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 205 с.
42. Булгаков, С. Н. Невеста Агнца: о Богочеловечестве / С. Н. Булгаков. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 632 с.
43. Булгаков, С. Н. Основные проблемы теории прогресса / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. – Т II. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – 752 с.
44. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 334 с.
45. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
46. Булгаков, С. Н. Христианская социология / С. Н. Булгаков // Социологические исследования. – М., 1993. – № 10. – С. 120–149.
47. Булгаков, С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – Москва: Астрель, 2008. – 783 с.
48. Булгаков, С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви / С. Н. Булгаков. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 560 с.
49. Булгаков, С. Н. Сочинения в 2-х томах / С. Н. Булгаков – М.: Наука, 1993. – Том I. Философия хозяйства. Трагедия философии. – 603 с.
50. Булгаков, С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России / С. Булгаков. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. – 350 с.
51. Булгаков, С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Булгаков. – Москва: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 669 с.
52. Булгаков, С. Н. Тихие думы. / С. Н. Булгаков. – М.: Издательство «Республика», 1996. – 510 с.
53. Булгаков, С. Н. Христианство и социализм / С.Н. Булгаков // Социология власти. – 2010. – № 5. – С. 210-227.
54. Вавилин, В. В. С. Н. Булгаков о социализации личности как основе социального обновления / В. В. Вавилин // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2014. – № 4. – С. 45–50.

55. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 9–19.

56. Гайда, Ф. А. «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX – I четверти XX вв. / Ф.А. Гайда // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 17–40.

57. Гапоненков, А. А. «... Нас объединяет то, что мы свободные мыслители...»: фрагмент переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева 1938–1939 годов / А. А. Гапоненков // Тетради по консерватизму. – 2018. – № 2. – С. 295–300.

58. Гапоненков, А. А. Религиозная философия Вл. С. Соловьева в рецепции С. Л. Франка / А. А. Гапоненков // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 105-121.

59. Гапоненков, А. А. Эпистолярный диалог С. Л. Франка и Н. А. Бердяева / А. А. Гапоненков // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 119–130.

60. Гасилин, В. Н. О ценностном мире человека / В. Н. Гасилин, Л. Я. Саксельцева // Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. – Саратов: Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина - филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019. – С. 30 – 34.

61. Гасилин В. Н., Саксельцева Л. Я. Консолидирующие факторы ценностного мира человека / В. Н. Гасилин, Л. Я. Саксельцева // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2019. – Т. 16. – № 16. – С. 258-262.

62. Гасилин, В. Н. Смысл жизни (размышления по поводу работ С. Франка) / В. Н. Гасилин // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2017. – № 27. – С. 154–161.

63. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения: в 14-х т. / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнер. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – Том 13, Книга 2. Лекции по эстетике. – 363 с.

64. Гете, И. В. Поэзия и правда. Из моей жизни / И. В. Гете. – Москва:

Рипол-Классик, 2018. – 332 с.

65. Гиренок, Ф. И. Спор о Софии: С. Булгаков и П. Флоренский / Ф. И. Гиренок // *Философия хозяйства*. – 2013. – № 3(87). – С. 171–181.

66. Горбунов, В. В. Идея соборности в русской религиозной философии / В. В. Горбунов; Предисл. Ю. Нагибина; Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл., Центр «Религия в современ. Обществе». – Москва: Феникс, 1994. – 179 с.

67. Горячев Д. Священник Павел Флоренский об антиномиях / Д. Горячев // *Вопросы богословия*. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 38-58.

68. Даренский, В. Ю. Антиномическая диалектика П.А. Флоренского как «логика веры» / В. Ю. Даренский // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – 2018. – Т. 19, № 2. – С. 239–250.

69. Даренский, В. Ю. Православная критика социализма в наследии Ф. М. Достоевского, С. Н. Булгакова и свт. Серафима Соболева / В. Ю. Даренский // *Тетради по консерватизму*. – 2022. – № 4. – С. 274–291.

70. Даренский, В. Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке / В. Ю. Даренский // *Проблемы цивилизационного развития*. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 49–67.

71. Даренский, В. Ю. Русская философия о социализме как «религии ненависти» / В. Ю. Даренский // *Тетради по консерватизму*. – 2022. – № 4. – С. 221–236.

72. Даренский, В. Ю. Парадигма преобразования человека в русской философии XX века: Монография / В. Ю. Даренский. – СПб.: «Алетейя», 2018. – 328 с.

73. Деяния Вселенских Соборов: В 7 т. Т. 1. СПб., 1996. – 597 с.

74. Дидык, М. А. Хозяйство и культура в осевой концепции В. С. Соловьева / М. А. Дидык // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2019. – Т. 8. – № 1А. – С. 5–12.

75. Долин, В. А. Религиозно-философская концепция С. Л. Франка в контексте западной христианской теологии / В. А. Долин // *Концепт: философия, религия, культура*. – 2021. – Т. 5. – № 1(17). – С. 34–43.

76. Дуплинская, Ю. М., Фриауф, В. А. Амбивалентность Предвечного и

Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли / Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 4–8.

77. Дуплинская, Ю. М., Фриауф, В. А. Христианский мистический опыт в панораме трансформаций неклассических онтологий бытия-во-времени / Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 252–257.

78. Евреева, О. А. Идея соборности: социально-философский анализ : автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Евреева Ольга Анатольевна. – Москва, 2006. – 23 с.

79. Ермичев, А. А. «Русский ренессанс», «серебряный век»: общее пространство, начала, границы, сближения... / А. А. Ермичев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – Т. 13. – № 2. – С. 95–103.

80. Ермичев, А. А. О времени начала русского духовного Ренессанса и его социокультурном статусе / А. А. Ермичев // Acta Eruditorum. – 2014. – № 14. – С. 17–20.

81. Ермичев, А. А. Три свободы Николая Бердяева: (Из цикла «Страницы истории отеч. филос. Мысли») / А. А. Ермичев. – М.: Знание, 1990. – 63 с.

82. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов; Гос. ком. РФ по высш. образованию, Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. – 288 с.

83. Жукова, О. А. Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор / О. А. Жукова // История философии. 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 29–40.

84. Жукова, О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования / О. А. Жукова. – М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. – 594 с.

85. Зайцева, Т. И. Соборность как альтернатива коллективизму /

Т. И. Зайцева // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2. – № 1(31). – С. 72–79.

86. Засухина, В. Н. Соборность как нравственный идеал в русской религиозной философии конца XIX - начала XX веков: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Засухина Виктория Николаевна. – Санкт-Петербург, 2000. – 187 с.

87. Зеньковский, В.В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М.; Харьков : Эксмо-Пресс : Фолио, 2001. – 895 с.

88. Зинковский, С. А., Зинковский, Е. А. Интуиции богословия личности в мировоззрении прот. Сергия Булгакова / С. А. Зинковский, Е. А. Зинковский // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – Т. 22. – № 1. – С. 189–204.

89. Иванов, В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 428 с.

90. Ильин, В. Н. О Небесной и земной соборности / В. Н. Ильин // Путь: Орган русской религиозной мысли: В 12 тт. – М.: Информ-Прогресс. - Т.1:(I-VI): / Вступ. слово от изд-ва; Вступит. статья А. И. Абрамова. – М: Информ-Прогресс, 1992. – С. 716–720.

91. История русской экономической мысли в XX веке / К. А. Смирнов, И. М. Братищев, Т. Ю. Прокофьева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – 259 с.

92. Карсавин, Л. П. Записки Историко-филологического факультета Императорского петроградского Университета / Л. П. Карсавин. – Петроград: Типография «Научное дело», 1915. – Часть 125. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках, преимущественно в Италии. – 374 с.

93. Карсавин, Л. П. Сочинения / Л. П. Карсавин. – М.: «Раритет», 1993. – 496 с.

94. Качеев, Д. А. В поисках идеала общественного развития: евразийское понимание государства как альтернатива европейской демократии / Д. А. Качеев // Философский журнал. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 96–109.

95. Киреев, В. К. Диалектика соборности / В. К. Киреев // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №3. – С. 245–249.

96. Киреев, В. К. Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Киреев Владимир Константинович. – Нижний Новгород, 2009. – 26 с.

97. Кириллов, А. А. Между богословием и философией: авторские полемики вокруг византийской традиции в постсекулярном контексте / А. А. Кириллов // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 593–603.

98. Кныш, Е. В. Соборность как феномен православной культуры: актуальность, критерии, практики / Е. В. Кныш // *Культура и цивилизация.* 2017. – Т. 7. – № 2 А. – С. 382–400.

99. Кныш, Е. В. Христианские практики в постсекулярную эпоху: новые вызовы / Е. В. Кныш // *Успехи современной науки* / Гл. ред.: Ключев С. В. – 2016. – Т. 9. – № 11. – С. 150–157.

100. Ковалев, В. В. Соборность как фактор культурного единства российского общества: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Ковалев Виталий Владимирович. – Ростов-на-Дону, 1999. – 24 с.

101. Колобаева, Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева – М.: Изд-во Моск. универ., 2000. – 294 с.

102. Кондратьева, С. Б. С. Н. Булгаков: Труд и его значение в «Философии хозяйства» / С. Б. Кондратьева // *Булгаковские чтения.* – 2017. – № 11. – С. 6–9.

103. Коротких, В. И. Образ философии Гегеля в «Трагедии философии» С. Н. Булгакова / В. И. Коротких // *Вече.* – 2015. – № 27-2. – С. 144–153.

104. Косыхин, В. Г., Малкина, С. М. Метафизика и реализм: контексты возвращения / В. Г. Косыхин, С. М. Малкина // *Эпистемология и философия науки.* – 2021. – Т. 58. – № 2. – С. 216–224.

105. Косыхин, В. Г. Нигилизм как понятие социальной онтологии культуры / Социальная онтология культуры / Д. А. Аникин, Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов [и др.]. – Саратов: Саратовская региональная общественная организация Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», 2018. – 196 с.

106. Кочетов, М. Н., Волков, М. В. Сравнительный анализ философии истории евразийцев и философии истории А. С. Панарина / М. Н. Кочетов, М. В. Волков // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 2(105). – С. 50–55.

107. Кудрявцев, В. А., Грудина, Т. Н. Религиозные детерминанты общественной жизни: социологическое наследие С. Л. Франка и его применимость к современности / В. А. Кудрявцев, Т. Н. Грудина // Социология. – 2021. – № 2. – С. 21–29.

108. Кузнецов, А. Ю. Философия соборности как обоснование концепций российской идентичности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Кузнецов Александр Юрьевич. – Екатеринбург, 1999. – 111 с.

109. Курилов, С. Н. Проблема личности, общества и государства в социальной философии С. Л. Франка / С. Н. Курилов // Соловьевские исследования. – 2015. – № 4(48). – С. 117–123.

110. Лазарев, В. В. Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.) / В. В. Лазарев; Российская Академия Наук, Институт философии. – Москва: Институт философии РАН, 2012. – 224 с.

111. Лазарева, А. Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии / А. Н. Лазарева. – Москва: Институт философии РАН, 2003. – 193 с.

112. Лёвит, К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории (Политическая теология) / К. Лёвит. – Санкт-Петербург, Издательство «Владимир Даль», 2021. – 514 с.

113. Ломоносов, А. Г., Муравьев А. Н. Философия на русском языке: размышления в связи со статьей Д. К. Богатырева "русская философия в России" / А. Г. Ломоносов, А. Н. Муравьев // Русская философия. – 2022. – № 1(3). – С. 169–176.

114. Лосев, А. Ф. Символ и художественное творчество / А. Ф. Лосев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. Вып. 1. – М., 1971. – С. 3–13.

115. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – М.:

Молодая Гвардия, 2009. – 617 с.

116. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – Москва: Искусство, 1995. – 320 с.

117. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.

118. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.

119. Масалов, А. Г. Концепт соборности С. Л. Франка как основание социальной герменевтики / А. Г. Масалов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 25–31.

120. Мочинская, К. А. Антиномия любви и страдания в религиозной философии С. Л. Франка / К. А. Мочинская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 174-177.

121. Нижников, С. А., Гребешев, И. В. Экзистенциальная диалектика личности и свободы в философии Н. А. Бердяева / С. А. Нижников, И. В. Гребешев // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 146–152.

122. Оболевич, Т. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы / Т. Оболевич. – М.: Модест Колеров, 2020. – (Исследования по истории русской мысли. Т. 24.) – 304 с.

123. Оболевич, Т. Семён Франк. Штрихи к портрету философа (Серия «Религиозные мыслители») / Т. Оболевич. – М.: Изд-во ББИ, 2017. – 202 с.

124. Орлов, М. О. Место и роль религии в глобальных процессах современности / М. О. Орлов // Власть. – 2008. – № 4. – С. 91-94.

125. Орлов, М. О., Сюсюкин, В. А. Риски религиозной социализации в цифровом обществе: стратегии исследования и методы профилактики / М. О. Орлов, В. А. Сюсюкин // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 9. – С. 1878–1882.

126. Орлов, М. О., Черевичко, Т. В. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ / М. О. Орлов, Т. В. Черевичко // Известия Саратовского университета. Новая серия.

Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 34–39.

127. Орлов, М. О. Социокультурные особенности кризиса духовной традиции в постсекулярную эпоху / Интеллектуальное измерение онтологии культуры / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. – 165 с.

128. Орлов, М. О., Гаврилова, А.С. Церковь, общество и человек перед вызовами цифровой социализации в современной России / М. О. Орлов, А. С. Гаврилова // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2021. – Т. 18. – № 18. – С. 209–212.

129. Орлов, М. О. Православная культура в современных условиях: богословские и социальные основания Философские аспекты онтологии культуры: Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. – 163 с.

130. Павлов, И. И. «Христос и мир»: метафизическая аргументация в полемике В. Розанова и Н. А. Бердяева / И. И. Павлов // Вопросы философии. – 2019. – № 10. – С. 122–131.

131. Первушина, В. Н. Культурная матрица русской власти (духовно-идеологические основания) / В. Н. Первушина, Л. М. Савушкин, С. Н. Хуторной // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2018. – № 4. – С. 64–74.

132. Петраков, А. А. Проблема символа в русской философии XX века: П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков, А. Белый: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. / Петраков Алексей Александрович. – М., 2006. – 162 с.

133. Поляков, Д. Д. Соборность как основа философии образования о. Сергия Булгакова: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Поляков Дмитрий Дмитриевич. – Елец, 2006. – 24 с.

134. Пономарев, Н. В. Религиозно-философская антропология П. А. Флоренского в контексте мистико-символической православной традиции.: дис... канд. филос. наук: 09.00.13. / Пономарев Николай Васильевич. – М., 2004. – 183 с.

135. Преображенская, К. В. С. Н. Булгаков и В. С. Лосский. Спор о Софии

как столкновение двух противоположных мистических интуиций / К. В. Преображенская // Вестник РХГА. – 2019. – Т. 20. – № 2. – С. 126–134.

136. Рациональность в эпоху цифровой трансформации / И. Н. Тяпин, Д. В. Ковалев, Н. В. Дрянных [и др.]. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2022. – 155 с.

137. Рожков, В. П. Методологические основания «нового религиозного сознания» в философии В. С. Соловьева / В. П. Рожков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2009 – Т.9. – № 4 – С. 26–31.

138. Романов, Д. Д. Соотношение «Я» – «Личность» в философии русского всеединства и символизма (от В. С. Соловьева к А. Белому) / Д. Д. Романов // Соловьевские исследования. – 2019. – № 1(61). – С. 69–80.

139. Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с.

140. Рыбина, Л. Б. Диалектика философских воззрений С. Л. Франка / Л. Б. Рыбина // Вестник Костромского государственного университета. – 2013. – Т. 19 – № 2. – С. 80–82.

141. Савельева, М. Ю. Иррационалистическая диалектика Л. П. Карсавина / М. Ю. Савельева // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. – 2019. – №1 (5) – С. 40–52.

142. Сенина, О. В. Духовные искания С. Н. Булгакова и их отражение в его философской системе / О. В. Сенина // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Саратов. – 2011. – № 1. – С.40–43.

143. Сердюкова, Е. В. Архивное наследие философов русского послеоктябрьского зарубежья в современных отечественных и зарубежных исследованиях / Е. В. Сердюкова // Вопросы философии. – 2021. – № 5. – С. 108–118.

144. Сердюкова, Е. В. Судьба книги Н. О. Лосского "История русской философии" и полемика вокруг нее в 1950-е гг. / Е. В. Сердюкова // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2022. – Т. 26. – № 1. – С. 41–60.

145. Сидорин, В. В. В. С. Соловьев и Г. В. Ф. Гегель: диалектические аспекты «Философских начал цельного знания» / В. В. Сидорин // Соловьевские исследования. – 2014. – №2 (42). – С. 67–80.

146. Сидорин, В. В. Интерпретация диалектики Гегеля в «Оправдании добра» В. С. Соловьёва / В. В. Сидорин // Соловьевские исследования. – 2012. – Т. 33. – № 1. – С. 140–151.

147. Силантьева, М. В. И. Кант и Н. А. Бердяев: диалектика в трех измерениях / М. В. Силантьева // В сборнике: Кант между Западом и Востоком. к 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта: труды международного семинара и международной конференции: в 2 ч. – 2005. – С. 128–138.

148. Силантьева, М. В. Экзистенциальная диалектика Н. А. Бердяева как метод прочтения постмодернистской деконструкции / М. В. Силантьева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 204–221.

149. Сеницына, Т. И. Идея синтеза как концепта русской философии / Т. И. Сеницына // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12-4(102). – С. 139–142.

150. Соловьев, В. Серг. Критика отвлеченных начал / В. Серг. Соловьев. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 474 с.

151. Соловьев, В. Серг. Россия и вселенская церковь. Русская идея. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии / В. Серг. Соловьев. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 346 с.

152. Соловьев, В. С. Сочинения в 2 т. / В. С. Соловьев. – М.: Издательство «Мысль», 1988. – Т.2. – 824 с.

153. Соловьев, В. С. Сочинения в 2 т. / В. С. Соловьев. – М.: Издательство «Правда», 1989. – Т.2. – 736 с.

154. Тонковидова, А. В., Бойко, П. Е. Диалектика соборности в работах С. Н. Булгакова и В. Н. Лосского / А. В. Тонковидова, П. Е. Бойко // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Т. 4. – № 3 (15). – С. 43–51.

155. Тонковидова, А. В. Концепт соборности в философии С. Н. Булгакова как теоретическое основание церковной социальности в постсекулярном обществе / А. В. Тонковидова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 4(42). – С. 87–92.

156. Тонковидова, А. В. Н. О. Лосский и В. Н. Лосский: диалектика соборности / А. В. Тонковидова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 139–147.

157. Тонковидова, А. В. Проблема определения моральных оснований категории «счастье» в философии соборности С. Н. Булгакова / А. В. Тонковидова // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государств: Сборник статей и материалов / Сост. А. С. Макурина. – Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, 2021. – С. 301–305.

158. Тонковидова, А. В. С. Л. Франк: диалектика соборности / А. В. Тонковидова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 55–58.

159. Тонковидова, А. В. С. Н. Булгаков: рецепция философии Платона в русской религиозной философии / А. В. Тонковидова // XXIX научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Рациональная теология в платонизме»: Сборник материалов, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2021 года. – Санкт-Петербург: Межрегиональная общественная организация содействия изучению и распространению философского наследия Платона «Платоновское философское общество», 2021. – С. 242–251.

160. Тонковидова, А. В. Теоретические основания историко-культурного взаимодействия на Евразийском пространстве: характер социальности и социальное единство / А. В. Тонковидова // Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия: Сборник материалов международной

конференции, Орск, 23 апреля 2021 года. – Москва: Издательство «Знание-М», 2021. – С. 98–102.

161. Тонковидова, А. В., Бойко, П. Е. Диалектика соборности и государственности в работах С. Н. Булгакова и Л. П. Карсавина / А. В. Тонковидова, П. Е. Бойко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 4(38). – С. 75–83.

162. Тонковидова, А. В., Бойко П. Е. С. Н. Булгаков о формировании национальной идентичности в контексте концепции соборности / А. В. Тонковидова, П. Е. Бойко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 4 (36). – С. 18–26.

163. Тонковидова, А. В., Бойко, П. Е. Соборность в философии П. Флоренского и С. Н. Булгакова: диалектический подход / А. В. Тонковидова, П. Е. Бойко // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – Т. 22. – № 2. – С. 166–179.

164. Тонковидова, А. В., Бойко, П. Е. Соборность в философии С. Н. Булгакова как основание социальной идентификации и идентичности / А. В. Тонковидова, П. Е. Бойко // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 1(101). – С. 25–31.

165. Троицкий, Е. С. Что такое русская соборность? / Е. С. Троицкий; Ассоц. по комплекс. изуч. рус. нации и др. – Москва, 1993. – 104 с.

166. Трубецкой, С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого / С. Н. Трубецкой. – М.: Издательство: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. – Т.2. – 623 с.

167. Тяпин, И. Н. Возрождение этико-эстетических традиций Русской идеи в парадигме антропосоциоконсерватизма / И. Н. Тяпин // Тетради по консерватизму. – 2021. – № 2. – С. 471–479.

168. Тяпин, И. Н. Национальная идея в России и ее концептуальные замещения: история и современность / И. Н. Тяпин // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 3(107). – С. 49–55.

169. Тяпин, И. Н. Парадигма творческого антропоконсерватизма / И. Н. Тяпин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 65–72.

170. Тяпин, И. Н. Теоретическое значение отечественной философии / И. Н. Тяпин. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. – 159 с.

171. Тяпин, И. Н., Бакурков, А. А. Постлиберальный коммунитаризм для современной России: будущее в наследии прошлого / И. Н. Тяпин, А. А. Бакурков // Тетради по консерватизму. – 2021. – № 3. – С. 146–155.

172. Устьянцев, В. Б. Пространство социокультурной памяти: горизонты концептуализации Философские аспекты онтологии культуры: Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. – 163 с.

173. Фаритов, В. Т. Лики русского гегельянства: С. Л. Франк между Гегелем и Ницше / В. Т. Фаритов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 119–129.

174. Филимонова, О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты / О. Ф. Филимонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 298–303.

175. Флоренский, П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. – Санкт-Петербург: Мифрил. Русская книга, 1993. – 365 с.

176. Флоренский, П. А. Сочинения в 4 т. / П. А. Флоренский. – М.: Мысль, 1994 – Т. 1. – 797 с.

177. Флоренский, П. А. Сочинения в 4 т. / П. А. Флоренский. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – 877 с.

178. Флоренский, П. А. Сочинения в 4 т. / П. А. Флоренский. – Москва: Мысль, 2000. – Т. 3. (1). – 621 с.

179. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 623 с.

180. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) / П. А. Флоренский. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 594 с.

181. Флоровский, Г. В. Sobornost = Соборность: Кафоличность Церкви: The Catholicity of the Church / Г. В. Флоровский // Архив Г. В. Флоровского: Папка N 2 (N 37 - N 60) - Папка N 9(Дубликаты, ксерокопии) / Сост. Э. Блейн. – Папка N 3 (N 61 – N 93а). – С. 133–144(N 72).

182. Франк, С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 270 с.

183. Франк, С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 282 с.

184. Франк, С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 108 с.

185. Франк, С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С. Л. Франк; под ред. Л. М. Сурис. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 424 с.

186. Франк, С. Л. О смысле жизни / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 146 с.

187. Франк, С. Л. Онтологическое доказательство бытия Бога / С. Л. Франк. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 54 с.

188. Франк, С. Л. Предмет знания / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2016. – 856 с.

189. Франк, С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2016. – 389 с.

190. Франк, С. Л. Русское мировоззрение / С.Л. Франк / сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. СПб.: Наука, 1996. – 736 с.

191. Франк, С. Л. Сборник работ: сборник научных трудов / С. Л. Франк. – Москва: Директ-Медиа, 2016. – 111 с.

192. Франк, С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии / С. Л. Франк. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 296 с.

193. Франк, С. Л. Фридрих Ницше и этика «любви к дальнему» / С. Л. Франк.

– Москва: Директ-Медиа, 2016. – 103 с.

194. Франк, С. Л. Сочинения / С. Л. Франк. – Москва: Правда, 1990. – 608 с.

195. Фриауф, В. А. Время и вечность в контексте православной русской духовности / В. А. Фриауф // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2014. – Т. 11. – С. 401–408.

196. Фриауф, В. А. О начале языка / В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 292–296. – DOI 10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296.

197. Фриауф, В. А. Православная традиция и русская философия имени / В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2006. – Т. 6. – № 1–2. – С. 57–61.

198. Фриауф, В. А. Язык, метафизика и русская идея / В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 62–66.

199. Фриауф, В. А. Язык, метафизика и этика в диалоге русской и китайской традиций / В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 57–61.

200. Фриауф, В. А. Языковая парадигма русской духовности / В. А. Фриауф // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2010. – Т. 2. – № 7. – С. 183–190.

201. Хабермас, Ю., Ратцингер, Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.

202. Харин, В. Н. Социально-философский анализ категорий «соборность», «служение» и «должное» (на материале концепции С.Л. Франка): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Харин Валентин Николаевич. – Пермь, 2004. – 215 с.

203. Хомяков, А. С. Сочинения в 2 томах. Т. 2. Работы по богословию / А. С. Хомяков. – Москва, Московский философский фонд, издательство «Медиум», журнал «Вопросы философии», – 1994 – 479 с.

204. Хондзинский, П. В. Персоналистическая экклесиология прот. Сергия

Булгакова, прот. Георгия Флоровского и В. Н. Лосского / П. В. Хондзинский // Христианское чтение. – 2020. – № 5. – С. 10–22.

205. Хондзинский, П. В., Кырлежев, А. И. Соборность в русской богословской традиции / П. В. Хондзинский, А. И. Кырлежев // Вопросы теологии. – 2019. – Т. 1. – № 3. – С. 427–440. – DOI 10.21638/spbu28.2019.307.

206. Хоружий, С. С. Концепция неопатристического синтеза на новом этапе / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2015. – №. 7. – С. 122–135.

207. Хоружий, С. С. Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви / С. С. Хоружий // Богословские труды: религиозно-просветительское издание. Сборник 37. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2002. – С. 178–189.

208. Хоружий, С. С. К феноменологии аскезы / С. С. Хоружий. – М.: Издательство гуманитарной литературы. – 1998. – 352 с.

209. Цвален, Р. Спутники по разным путям: Николай Бердяев и Сергей Булгаков / Р. Цвален // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 9 (2008/2009). – М.: Издат. дом «Регнум», 2012. – С. 334–424.

210. Шапошников, Л. Е. Н. А. Бердяев и русское православие / Л. Е. Шапошников // Тетради по консерватизму. – 2018. – № 2. – С. 59–63.

211. Шевелева, Н. Б. Воззрения П. А. Флоренского на теократию и соборность / Н. Б. Шевелева // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2013. – № 6. – С. 145–149.

212. Широ, К. Н. Исторический процесс в интерпретации Н. А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого / К. Н. Широ // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 289. – С. 113–120.

213. Ягубова, С. Я. Категория "соборность" в философской антропологии С. Л. Франка / С. Я. Ягубова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 90–98.

214. Alexei Khomiakov: The Mystery of Sobornost' / edited by Artur Mrówczyński-Van Allen, Teresa Obolevitch, and Paweł Rojek. – Eugene, Oregon: Pickwick Publications, 2019. – 246 p.

215. Astapov, S., Krasnova, A. Religious values in modern Russian society: a philosophical explication / S. Astapov, A. Krasnova // *Wisdom*. – 2022. – Vol. 21. – No 1. – P. 182-193.

216. Astapov, S. Transforming the study of religious situations: The view of post-secular society theories / S. Astapov // *Acta Theologica*. – 2021. – Vol. 2021. – No Suppl. 32. – P. 13-30.

217. Belov, V. N. On the possibility of christian philosophy / V. N. Belov, M. L. Ivleva, S. A. Nizhnikov // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. – 2019. – Vol. 18. – No. 52. – P. 17-30.

218. Breckner, K. Universalismus als Abteilungsgrund für christliche Ethik. Kursorischer Ausblick auf Partikularismus zulassende Konzeptionen am Beispiel Solov'evs, Bulgakovs, Berdjajevs und Franks / K. Breckner // *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie*. – Berlin: LIT Verlag Dr. W. Hopf. – 2011. – P. 43-53.

219. Breckner, K. Russian philosophers on continuous creation as the basis for social change / K. Breckner // *Studies in East European Thought*. – 2006. – Vol. 58. – No. 4. – P. 271-297.

220. Correlating Sobornost: Conversations between Karl Barth and the Russian Orthodox Tradition / Moyse A. J., Kirkland S. A., McDowell J. C. (eds). – Minneapolis: Fortress Press, 2016. – 386 p.

221. Dahm, H. Vladimir Solovyev and Max Scheler: attempt at a comparative interpretation: a contribution to the history of phenomenology / H. Dahm. – Boston: Reidel, 1975. – 324 p.

222. Dietrich, W. Provokation der Person. Nikolai Berdjajev in den Impulsen seines Denkens / W. Dietrich. – B.: Gelnhausen, 1975. – 254 p.

223. Foltz, B. V. The Resurrection of Nature: Environmental Metaphysics in Sergei Bulgakov's Philosophy of Economy / B. V. Foltz // *Philosophy and Theology*. – 2006. – Vol. 18. – No. 1. – P. 121-142.

224. Gallaher, B. A Supertemporal Continuum?: Christocentric Trinity and the Dialectical Reenvisioning of Divine Freedom in Bulgakov and Barth / B. Gallaher //

Correlating Sobornost: Conversations between Karl Barth and the Russian Orthodox Tradition. – 2016. – P. 95-134.

225. Gallaher, B. The Problem of Pantheism in the Sophiology of Sergii Bulgakov: A Panentheistic Solution in the Process Trinitarianism of Joseph A. Bracken? / B. Gallaher. – Milwaukee: Marquette University Press, 2012. – P. 147-167.

226. Goršak, B. Same Four-Fold Structure of Sobornost and Christian Trilateral Situation Ethics [Электронный ресурс] / B. Goršak // Res novae. – 2021– No. 6. – P. 7-26. – Режим доступа: https://www.katoliski-institut.si/public_resources_cache/files/original/original/7/727/Res_novae%202021_1.pdf#page=7 (дата обращения: 30.01.24).

227. Heath, J. On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy [Электронный ресурс] / J. Heath // Modern Theology. – January 2021. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/348775762_On_Sergii_Bulgakov's_The_Tragedy_of_Philosophy (дата обращения: 30.01.24).

228. Kline, G.L. Hegel and Solovyov. Hegel and the History of Philosophy ed. by O'Malley J.J., Algozin K. W., Weiss F. G. [Электронный ресурс] / G. L. Kline. – Springer; Dordrecht, 1974. – P. 159–170. – Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-010-1657-5_11 (дата обращения: 10.05.24).

229. Kojève, A. The Religious Metaphysics of Vladimir Solovyov [Электронный ресурс] / A. Kojève. – Palgrave Pivot, Cham, 2018. – P. 15-49. – режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02339-3_2. (дата обращения: 30.01.24).

230. Krasicki, J. “The tragedy” of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others) / J. Krasicki // Studies in East European Thought. – 2010. – Vol. 62. – No. 1. – P. 63–70.

231. Noble, I. Re-Forming the Vision of Christian Unity / I. Noble // Conference “Reformation in Ecumenical Perspective”, Monastery of Bose, Italy. – October 2017. – P. 25-28.

232. Oppong, H. Religion and Identity / H. Oppong // American International Journal of Contemporary Research. – 2013. – Vol. 3. – No. – 6. P. 10-16.

233. Papanikolaou, A. From Sophia to Personhood: The Development of 20th Century Orthodox Trinitarian Theology / A. Papanikolaou // PHRONEMA. – 2018– Vol. 33(2) – P. 1-20.

234. Posacki, A. „Sobornost” jako idealny model „solidarności mistycznej” w kulturze rosyjskiej Is part of: Solidarność: człowiek w sieci zależności społecznych / pod redakcją Jarosława Jagiełły i Karoliny Tytko / A. Posacki. – Kraków, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie. Wydawnictwo Naukowe, 2021. – S. 203-214.

235. Shashlova, E. Russian philosophers in France in the interwar period a review of the studies of emigrant philosophers / E. Shashlova // Convivium. – 2020. – Vol. 7, No. Suppl. – P. 33-49.

236. Tonkovidova, A., Boiko, P. E. N. Bulgakov and P. Florensky: Dialectics of Sobornost / A. Tonkovidova, P. E. Boiko // Journal for the Study of Religions and Ideologies. – 2021. – Vol. 20. – No 58. – P. 112-128.

237. Tonkovidova, A. V., Boyko, P. E. Philosophical Counseling: Contemporary Russian Experience and Tradition of Russian Religious Philosophy in the First Half of the 20th Century / A. V. Tonkovidova, P. E. Boiko // Journal for the Study of Religions and Ideologies. – 2022. – Vol. 21. – No 61. – P. 31-47.

238. Tonkovidova, A. V. Nikolay Berdyaev: the Dialectics of Sobornost / A. V. Tonkovidova // Filozofia. – 2022. – Vol. 77. – No 2. – P. 112-126.

239. Traces of mysticism and philosophical personalism in Vladimir S. Solovyov, Nikolai Lossky and Pavel A. Florensky / N. A. Mashkin, E. G. Panov, A. S. Kislyakov [et al.] // XLinguae. – 2022. – Vol. 15. – No 1. – P. 115-124.

240. Vallière, P. Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov. Orthodox theology in a new key / P. Vallière. – Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 2000. – 322 p.

241. Wachtel, M. Vladimir Solov'ev on Symbolism and Decadence [электронный ресурс] / M. Wachtel // The Russian Review. – 2008. – Vol. 67. – No. 3. – P. 387-394. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9434.2008.00490.x> (дата обращения 10.04.2024 г.)

242. West, J. Russian symbolism. A study of Vyacheslav Ivanov and Russian

symbolist aesthetic / J. West. – London: Methuen, 1970. – 250 p.

243. Zhukova, O. The Concept of Perfection in Lev Karsavin's Religious Metaphysics / O. Zhukova // *Russian Studies in Philosophy*. – 2022. – Vol. 60. – No. 6. – P. 489-502.

244. Zwahlen, R. M. Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjaev und Sergej Bulgakov / R. M. Zwahlen // *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2)*. – Munster: LIT, 2011. – P. 53-60.

245. Zwahlen, R. M. Different concepts of personality: Nikolaj Berdjaev and Sergej Bulgakov / R. M. Zwahlen // *Studies in East European Thought*. – November, 2012. – Vol. 64 (3-4). – P. 183-204.

246. Zwahlen, R. M. Sergej Bulgakov's concept of human dignity / R. M. Zwahlen // *Alfons Brüning, Evert van der Zweerde (Hgs.). Orthodox Christianity and Human Rights (= Eastern Christian Studies)*. – Leuven, 2012. – Vol. 13. – P. 169-186.